

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный университет»

На правах рукописи

Стребкова Лариса Ивановна

**КУЛИКОВСКАЯ БИТВА В КОММЕМОРАТИВНЫХ
ПРАКТИКАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Самарцева Елена Игоревна

Тула – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Формирование и трансформация образа Куликовской битвы в российском обществе второй половины XIX – начала XX веков	30
1.1 Место Куликовской битвы среди памятных событий российской истории второй половины XIX – начала XX веков	30
1.2 Куликовская битва в нарративной коммеморативной практике второй половины XIX – начала XX веков.....	50
1.3 Осмысление значения Куликовской битвы в трудах историков и общественных деятелей второй половины XIX – начала XX веков.....	82
Глава 2. «Места памяти» Куликовской битвы и их взаимодействие в культурном пространстве Российской империи второй половины XIX – начала XX веков.....	107
2.1 Юбилей Куликовской битвы 1880 года как концентрация исторической памяти и комплекс различных форм коммеморативных практик	107
2.2 Монументальная и топонимическая коммеморация в формировании «мест памяти» о Куликовской битве во второй половине XIX – начале XX веков.	133
2.3 Куликовская битва в родословной памяти российского дворянства второй половины XIX – начала XX веков	157
2.4 Отражение Куликовской битвы в музейных и антикварных коллекциях второй половины XIX – начала XX веков	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	205
ПРИЛОЖЕНИЯ	225

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современной исторической науке выделяется несколько направлений, изучение которых наиболее актуально. Одним из них является тема исторической памяти и коммеморативных практик как инструментов ее сохранения. Как отметила О.С. Поршнева: «Изучение исторической памяти представляется актуальным прежде всего потому, что она составляет основу национального самосознания, определяющего развитие народа и государства»¹.

В отечественной историографии и коллективном историческом сознании Куликовская битва 1380 года воспринимается как одно из эпохальных событий истории России, сыгравших важную роль в становлении национального самосознания российского общества.

Обращение к теме Куликовской битвы для российской историографии стало традиционным, это событие было принято рассматривать с точки зрения его значения для истории России. Большинство научных трудов были посвящены изучению контекста события – политической истории русских земель в XIV в., особенностей исторического процесса централизации и становления Российского государства, проблемам достоверности исторических фактов, нашедших отражение в памятниках Куликовского цикла, попыткам реконструкции того, как событие происходило. Вместе с тем, не менее важным, чем само это событие, является память о нем, его образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, затем транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался изменениям, «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики. Историческая память является связующей структурой общества и выполняет

¹ Поршнева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Вып. 4. Екатеринбург, 2005. С. 112. 3

функцию конструирования системы ценностей², в связи с чем изучение образов прошлого обретает особенную **актуальность**. Этим аспектом, в немалой степени, обуславливается популярность обращения к анализу образов прошлого в семейной, локальной, региональной памяти и истории. Изучение образов прошлого, механизмов формирования исторических мифов и динамики их развития приводит к пониманию того, как формируется и функционирует историческая память в качестве ядра коллективного сознания общества, способствует пониманию механизмов репрезентации прошлого в общественном сознании, роли в этом процессе отдельных сословий, общественных институтов и власти.

Образы прошлого возникают, живут и трансформируются в определенном историческом контексте. Изменение контекста влечет за собой изменение содержания образа прошлого, демонстрируя его адаптацию к новой исторической ситуации. Претерпев со временем значительные изменения, образ Куликовской битвы продолжает существовать и в наши дни, по-прежнему занимая видное место в системе государствообразующих событий российской истории. Обращение к истории формирования образа Куликовской битвы даст возможность понять истоки характерных черт и особенностей, которые составляют основу современного понимания истории Российского государства.

Объект исследования: коммеморативные практики, связанные с сохранением памяти о Куликовской битве 1380 года в Российской империи второй половины XIX – начале XX веков.

Предмет исследования: процесс эволюции практик коммеморации, связанных с Куликовской битвой 1380 года, механизмы их формирования и трансформации в Российской империи второй половины XIX – начале XX веков.

Степень научной разработанности проблемы.

² Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 885 – 927.

В отечественной историографии большое внимание уделено осмыслению *современной методологии исследований*, в том числе исторической памяти³. У истоков этого направления стоят работы Я. Ассмана, М. Хальбвакса, П. Хаттона⁴. Понятия «культурная память», «историческая память», «коммеморация», «коммеморативные практики», «память», «места памяти», «образ» долгое время не имели общепринятых определений, что являлось отражением процесса их активного осмысления⁵. Большое количество исследований на данную тематику, опубликованных в последние годы, привело к некоторому упорядочению терминологии.

В современной российской историографии изучению коммеморативных практик посвящены работы О.О. Дмитриевой, И.С. Огоновской, С.А. Еремеевой, Е.И. Красильниковой, Б.А. Будюкина⁶. Юбилей

³ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Савельева И.М., Полегаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х т. М., 2003; Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. – М.: Круг, 2008. С. 636 – 681; Румянцева М. Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. №21. – М.: изд-во ЛКИ, 2007. С. 106-118.

⁴ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. М.М. Сокольской М., 2004. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Е. Зенкина. М., 2007.

⁵ Исапилова З.А. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2006. №2 (64). С. 70 – 73; Confino A. Memory and the History of Mentalities // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook, 2008. P.77 – 84; Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №6 (361). История. Вып.63. С. 132 – 137; Богомазова О.В. Проблемное поле историографии и «история памяти»: краткий обзор современных исследовательских направлений // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №16 (371). С. 120 – 126; Рагозина Т.Э. Культурная память Versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. №3 (15). С.12 – 21; Бегунова Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник Кемеровского ГУКиИ. 2017. №39. С. 53 – 60; Логунова Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. №1-2. С. 227 – 253; Шендрикова С.П., Царина М.А. Понятие исторической памяти в отечественной историографии // Ученые записи. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. №4 (56); Степанцевич Т.В. Трансформация практик коммеморации Великой Отечественной войны в современной России // Вестник гуманитарного образования. 2021. №1. С. 119 – 123. и др.

⁶ Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа: Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны: сборник статей. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2021. С. 237-241; Дмитриева О.О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX-начало XX века): автореф. к.и.н. Чебоксары. 2019; Красильникова Е.И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.): дисс. ... докт. ист. наук. Омск, 2016; Будюкин Д.А. Благочестие и память: основные церковно-коммеморативные практики российского дворянства и купечества XVIII-начала XX в. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014.

императорской России изучены в трудах А.И. Буслаева, К.Н. Цимбаева, А.А. Касович⁷. Проблематика исторической памяти находится в центре внимания в работах Д.А. Сосницкого, Е.А. Ростовцева, Ю.А. Сафроновой, В.А. Тишкова⁸. Тема сохранения исторической памяти в современных музейных коллекциях в ракурсе взаимовлияния материальной и духовной культур, особенности русского исторического сознания рассмотрены в статьях Е.И. Самарцевой⁹. Музееведческий аспект и проблемы сохранения исторической памяти рассматриваются в работах О.А. Божченко, О.Н. Шелегиной и др.¹⁰

Механизмы формирования и функционирования *исторической памяти и исторического сознания* в России рассмотрены в посвященном этой теме сборнике статей¹¹. Коллективное исследование «Историческая память и российская идентичность» раскрывает различные аспекты влияния исторической памяти на формирование национального самосознания¹². В научном издании «Историки в поисках новых перспектив»¹³ поднимаются вопросы современных способов изучения исторического сознания,

⁷ Цимбаев К.Н. Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 70-79; Буслаев А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 305 с; Касович А.А. Празднование юбилеев Грюнвальдской битвы в XX веке // Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. №2 (8). Июль-декабрь. С. 79 – 90.

⁸ Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник СПбГУ. – 2014. - №2. - С. 208-251; Сосницкий Д.А. Юбилеи допетровской Руси в императорской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т.64. Вып.4. С. 1226-1239; Сафронова Ю.А. Третья волна Memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. – 2018. - №3. – С. 12-27; Тишков В.А. Введение. Междисциплинарный взгляд на историческую память и идентичность // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с. С. 5-11.

⁹ Самарцева Е.И. Историческая память в диалоге материальной и духовной культур (на примере Тульского государственного музея оружия) // История. Историки. Источники. №4. 2022. С. 56 – 68; Самарцева Е.И. Исторические предпосылки становления политической культуры в России // Известия Тульского государственного университета. Серия. Социология и политология. Вып. 4. – Тула: ТулГУ, 2003. С. 67-84; Самарцева Е.И. Некоторые особенности развития русского исторического сознания // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. С. 24 – 25 и др.

¹⁰ Божченко О.А. Музей в формировании исторической памяти.: Автореф. дис. канд. культурологии – СПб., 2012; Шелегина О.Н. Коммеморативные практики в музеях локальной истории Сибирского региона // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии Наук. 2020. №3(39). С. 74-82.

¹¹ Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012.

¹² Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018.

¹³ Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография // Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М.: 2019. 416 с. (История истории. Шаг в XXI век [Т.1] / отв. ред. серии З.А. Чеканцева, М.С. Петрова.

теоретические проблемы исторического знания, в том числе вопрос изучения коммеморативных практик.

Теоретические аспекты изучения «образов прошлого» нашли отражение в исследованиях Е.С. Сенявской¹⁴. А.В. Святославский рассматривает особенности мемориальной культуры России в разные периоды ее истории, прослеживает историю форм коммеморации¹⁵. Отдельно стоит отметить такое направление, как изучение «образов» войны и военно-исторических коммемораций¹⁶. Основные тенденции и особенности реализации государственной культурной политики в сфере военно-мемориального наследия России в XVIII – XX веках рассмотрены в работе В.А. Рубина¹⁷. Проблемы государственной политики в сфере сохранения исторической памяти, характерные черты восприятия военных событий прошлого анализируются в работе О.С. Поршневой¹⁸.

Одним из направлений изучения «образов прошлого» является исследование социокультурных механизмов *мифологизации и демифологизации исторических личностей*, а также *ключевых событий национальной (национально-государственной) истории*. В центре внимания таких исследований находятся государственные деятели, итоги правления которых являются предметом общественных дискуссий (Александр Невский, Иван Грозный, Петр Великий и пр.)¹⁹. В данных работах культ героя

¹⁴ Сенявская Е. С. «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти: вопросы теории и методологии // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 318-329.

¹⁵ Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2003.

¹⁶ Федотова М.С. Севастопольская оборона 1853-1856 гг. в пространстве памяти // Россия XXI. 2012. С. 84-107; Федотова М. С. Севастопольская оборона (1854-1855 гг.) в культурной памяти дореволюционной России: дис. канд. ист. наук. - СПб., 2010; Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904-2000-е гг.: дис. канд. ист. наук. - Челябинск, 2013; Волков Е.В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: дис. канд. ист. наук. - Челябинск, 2009; Павленко О. В. Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX-XX вв. // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. - 2014. - С. 245-274.

¹⁷ Рубин В.А. Военно-мемориальное наследие как ресурс российской культурной политики: теория, история, практика: автореф докт культурологии. Челябинск. 2021.

¹⁸ Поршнева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Вып. 4. Екатеринбург, 2005. С. 112

¹⁹ Например: Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263-2000). М., 2007.

рассматривается как система коммеморативных практик, формирующих и поддерживающих национальную идентичность²⁰.

В отдельных трудах предметом исследования выступает *процесс формирования «мемориальных ландшафтов», «мест памяти», образа «родной земли»*. Процесс изменчивости топонимических структур в исторической памяти рассматривает Т.А. Володина²¹.

Историография коммеморации Куликовской битвы включает в себя такие направления, как история создания памятников на Куликовом поле, сохранение памяти о Куликовской битвы в народной среде, изучение образов Донского побоища и его героев.

Поскольку Куликовская битва 1380 г. является одним из определяющих событий для становления национального самосознания российского общества, обращение к этой теме для историографии было традиционным, однако это событие рассматривалось в большинстве работ с точки зрения его значения для истории России в рамках исключительно средневековой истории²².

Формирование такого направления, как изучение истории памятников Куликова поля и отражение Мамаева побоища в народной памяти имеет свои истоки в дореволюционной историографии.

В начале XX века к истории создания памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле обратился тульский историк М.Т. Яблочков²³. Он впервые сделал детальный обзор документов, содержащих сведения о создании в Тульской губернии ансамбля мемориальных сооружений,

²⁰ Леонтьева О.Б., Репина Л.П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография // Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М.: 2019. С. 304-305.

²¹ Володина Т.А. Проблема устойчивости и изменчивости смыслов в исторической топонимике // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 2. С. 491-502.

²² Горский А.Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 15-42; Скрынников Р.Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 43-69.

²³ Тульская старина / под ред. Н.И. Троицкого. Тула, 1902. №9. С. 3-16; Яблочков М.Т. Памятник Великому Князю Московскому Дмитрию Донскому на Куликовом поле // Куликово поле: антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. С. 389 – 401.

посвященных сохранению памяти о Куликовской битве. На основании делопроизводственной документации и материалов переписки инициаторов возведения памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле он описал церемонию его открытия.

На рубеже XIX – XX веков отдельные авторы отмечают интерес крестьянства к произведениям Куликовского цикла. Д.А. Ровинский в труде «Русские народные картинки» описал лубки Куликовской тематики, имевшие широкое хождение в народе, и, кроме того, оставил наблюдение о чтении сказаний о Куликовском сражении среди представителей простого народа²⁴.

Тема сохранения памяти о героях Куликовской битвы и широкого распространения литературных памятников Куликовского цикла в народе на протяжении XVIII-XIX веков стала предметом исследований советских филологов, фольклористов и этнографов. Б.Н. Путилов обратил внимание на почитание в народе Дмитрия Солунского, небесного покровителя князя Дмитрия Ивановича²⁵.

Значительное внимание теме отражения Донского побоища в сознании русского общества Средневековья и Нового времени уделено в трудах филолога и историка С.Н. Азбелева. В центре внимания исследователя находился фольклор и народный эпос, отражавший формы сохранения памяти, характерные для традиционного общества²⁶. Автор рассмотрел вопрос бытования литературных памятников Куликовского цикла в среде русского крестьянства.

В ходе подготовки к празднованию 600-летнего юбилея Донского побоища было опубликовано большое количество литературы, как популярной, так и представляющей интерес с научной точки зрения.

²⁴ Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 5. С. 71.

²⁵ Путилов Б.Н. Куликовская битва в фольклоре // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Н. А. Казакова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 17. С. 107—129.

²⁶ Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982; Он же. Куликовская победа в народной памяти. СПб., 2011.

Тема отражения Куликовской битвы в народной памяти нашла отражение в статьях О.А. Державиной, В.Ю. Троицкого, Л.Н. Пушкарева, Г.Г. Елизаветиной, Л.П. Сидоровой²⁷. Многие авторы подняли вопрос о причинах популярности в народе сказаний о Куликовской битве²⁸.

В центре внимания многих исследователей 1980-х годов находилась история мемориализации Куликова поля. Важным вкладом в ее изучение стало издание сборника документов «Куликово поле: Летописи, документы», подготовленного на основе архивных коллекций ГАТО, ЦГИА, ЦГВИА с предисловием В.Н. Ашуркова²⁹. В нем были опубликованы 67 документов, освещавшие широкие планы возведения ансамбля памятников на Куликовом поле и их трансформацию. Введение в научный оборот новых документов по истории мемориализации Куликова поля способствовало появлению новых исследований. Благодаря работе с архивными, публицистическими и периодическими изданиями был накоплен большой пласт фактического материала, что позволило в дальнейшем выделить отдельные периоды мемориализации Куликова поля и определить их характерные черты.

Истории создания памятников на месте сражения 1380 года посвящены работы тульского историка В.Н. Ашуркова³⁰. Ему принадлежит ряд научно-популярных работ про Куликовскую битву, неоднократно переиздававшихся³¹. На основании выявленных в ГАТО, ЦГИА, ЦГВИА

²⁷ Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке XIX-начала XX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 129-153; Пушкарев Л.Н. К вопросу об отражении Куликовской битвы в русском фольклоре // Куликовская битва. Сборник статей. М., 1980. С. 265 – 274; Троицкий В.Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков 10-30-х годов XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 217 – 233; Елизаветина Г.Г. Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционеров-демократов // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 234 – 246; Державина О.А. Куликовская битва в русской драматургии второй половины XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 247 – 257.

²⁸ Например, в статье М.Д. Курмачевой Крепостной интеллигент о Куликовской битве // Вопросы истории. – 1981. - №1. – С. 178-180.

²⁹ Куликово поле. Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы / Сост. Баташова З.М., Малеванов Н.А., Петухов А.А., Сухов В.А., Фомин Н.К. Тула, 1982.

³⁰ Ашурков В.Н. Памятники Куликова поля // Куликовская битва. М., 1980. С. 275 – 288.

³¹ Ашурков В.Н. Куликовская битва. 1380-1955. Тула, 1955; Ашурков В.Н. На поле Куликовом. Тула, 1980.

документов автор впервые подробно рассмотрел процесс создания ансамбля мемориальных сооружений на Куликовом поле³².

Такие авторы, как М.И. Ростовцев, В.Д. Черный, А. Брагин, Г.Я. Мокеева и другие обращаются к изучению памятных мест, связанных с Куликовской битвой³³. Л. Тудоси приводит данные о результатах новых археологических работ на территории Николо-Угрешского монастыря и новой датировке Никольского собора, который трактуется как первый памятник, возведенного в память о Донском побоище³⁴. Внимание исследователей XX в. было привлечено к изучению форм сохранения памяти о Куликовской битве в народной, крестьянской среде.

Внимание исследователей привлекает юбилей Куликовской битвы 1380 года. Л.П. Фролова рассмотрела роль тульского земства в организации и проведении торжеств на Куликовом поле в 1880 году³⁵. Отдельные аспекты представления образа Дмитрия Донского в трудах авторов XVIII – XIX в. раскрыл А.Д. Горский³⁶.

Важной вехой в истории изучения Куликовской битвы стал 600-летний юбилей этого события. Он не только послужил импульсом к широкому обращению к теме Донского побоища отдельных авторов, но и стал началом создания новой научно-исследовательской базы для проведения исследований разных направлений. В последнюю четверть XX века на месте сражения развернулись комплексные историко-географические работы, результаты которых были представлены в экспозициях созданного в 1996 году научно-исследовательского и культурно-просветительского учреждения – Государственного музея-заповедника «Куликово поле».

³² Ашурков В.Н. На поле Куликовом. Тула, 1980. С. 74.

³³ Горский А.Д. Куликовская битва в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 40.

³⁴ Тудоси Л. Первый храм-памятник // Памятники Отечества. 1980. №1. С. 92-94.

³⁵ Фролова Л.П. Роль тульской либеральной оппозиции в праздновании 500-летия Куликовской битвы // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX вв. Рязань, 1984. С. 146 – 151.

³⁶ Горский А.Д. Куликовская битва в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 40.

Перспективой культурной политики, нашедшей отражение в концепции развития музея-заповедника, стал переход от охраны отдельных памятников к сохранению всего историко-культурного и природного наследия Куликова поля³⁷. Параллельно с работами по изучению и восстановлению историко-культурного ландшафта поля сражения, археологическими исследованиями, работами этнографов по изучению традиционных промыслов региона Куликова поля большую актуальность приобрели работы по изучению культурного наследия битвы, материального, воплощенного в памятниках, и нематериального.

В начале XXI века большое внимание исследователей было привлечено к изучению образов Куликовской битвы. Расширение проблематики исследований было связано с расширением методологической базы.

Рассматривая влияние на становление национального самосознания литературных памятников Куликовского цикла, А.Л. Хорошкевич делает акцент на связи тематики произведений и государственной политики, останавливаясь на идеологическом аспекта «исторической памяти»³⁸. Тему взаимовлияния устной и письменной традиции в памятниках Куликовской цикла в начале XXI века продолжит разрабатывать М.В. Мелихов³⁹. А.В. Лаврентьев рассмотрел мотивы обращения к теме Куликовской битвы и ее реликвиям русского государственного деятеля А.П. Волынского⁴⁰.

Вопрос о трансформации образов Куликовской битвы находился в центре внимания А.О. Амелькина, который постарался отразить, «как менялось отношение к Куликовской битве в различные периоды истории

³⁷ Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. М.; Тула, 1999. С. 11.

³⁸ Хорошкевич А.Л. Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. Сб. ст. Отв. ред. А.Н. Наумов.

³⁹ Мелихов М. В. Памятники куликовского цикла: взаимодействие устной и письменной традиции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. - 2003. - №10. - С. 67–281.

⁴⁰ Лаврентьев А.В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М; СПб., 2013.

России», начиная с конца XIV в. и заканчивая началом XXI в.⁴¹. Автор сделал вывод о том, что изменение восприятия этого события зависело от различных факторов, таких как внутривосточная обстановка, развитие культуры и исторического сознания. А.О. Амелькин впервые детально рассмотрел вопрос сохранения памяти о Куликовской битве в XVIII – начале XX веков. Он поднял важный для исследуемой темы вопрос о различии восприятия образа Донского побойща в разных сословиях российского общества XIX века⁴².

Продолжили тему особенностей восприятия образа Куликовской битвы с точки зрения исторической памяти А.В. Петров, А.А. Горский⁴³. Особенности трансформации образа великого князя Дмитрия Донского в XIX-XXI веках рассмотрены в статьях Е.А. Ростовцева, Д.А. Сосницкого⁴⁴. Н.В. Чугунова рассмотрела образ Дмитрия Донского в советской исторической науке 1930 – 1940-х годов⁴⁵. Предания о Дмитрие Донском, распространённые среди жителей Куликова поля на рубеже XIX – XX веков проанализированы И.В. Пешехоновым и И.Г. Бурцевым⁴⁶. Изучению памятников Куликовского цикла через призму мифологического осмысления исторической реальности посвящена статья А.И. Филюшкина, продолжившего исследования А.Н. Робинсона⁴⁷.

⁴¹ Амелькин А. О. Образ Мамаева побойща в общественном сознании России XVIII-XX вв. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: сб. ст.: в 2-х т. Тула, 2007. Т.2. С. 208-251; Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011.

⁴² Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011. С. 224, 228.

⁴³ Петров А.В. Мамаево побойще. Гордость и предубеждения исторической памяти // Родина. - 2005. - № 19. - С. 67 – 73; Горский А.А. События 1185 и 1380 гг.: восприятие современников и восприятие потомков // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000.

⁴⁴ Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. «Куликовский плен»: образ Дмитрия Донского в национальной исторической памяти // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. С. 1149 – 1163; Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Средневековые герои и события отечественной истории в сетевых ресурсах // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 41-58.

⁴⁵ Чугунова Н.В. Дмитрий Донской в советской исторической науке 1930 – 1-й половины 1940-х годов: от рядового феодала до национального героя // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой». Тула, 2001. С. 199–203.

⁴⁶ Пешехонов И.В., Бурцев И.Г. Дмитрий Донской в народных преданиях жителей Куликова поля и соседних регионов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 193–198.

⁴⁷ Филюшкин А.И. «Куликовский цикл»: опыт герменевтического исследования // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: труды научно-практической конференции. Тула, 2000. С. 172–186.

Одновременно продолжились исследования в традиционном направлении изучения истории памятников Куликова поля. Обзор тульской археологии Куликовского сражения и его памятников представлен в работах Г.П. Присенко⁴⁸. В рамках научно-исследовательской работы, проведенной перед реставрацией памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле в 2005–2006 годах была опубликована статья М.Ю. Горячевой, рассмотревшей подробности истории создания этого монумента⁴⁹. Исследователем был сделан вывод о том, что Куликовская колонна стала самым масштабным из монументов этого времени, сооруженных из металла на территории Российской империи. Е.В. Карпова ставит вопрос об авторстве идеи создания памятника на Куликовом поле⁵⁰.

Статьи С.И. Демидова посвящены истории мемориализации Куликова поля в досоветский период⁵¹. Автор рассматривает процесс возникновения в XVI–XVII в. на Куликовом поле «исторических мест» – топонимов, связанных с именами участников Куликовской битвы.

Этапы мемориализации Куликова поля выделил и охарактеризовал А.Н. Наумов⁵². История создания памятных сооружений на месте сражения рассмотрена в статье В.П. Гриценко, А.Н. Наумова⁵³. Некоторые аспекты оформления Куликова поля как памятного места А.Н. Наумов рассматривает

⁴⁸ Присенко Г.П. Тульская археология XIX-начала XXI веков (обзор публикаций источников по истории Тульского края XIV-XX веков). Тула, 2014; Присенко Г.П. Проникновение в былое. Тула, 1984.

⁴⁹ Горячева М.Ю. Памятник-колонна на Красном Холме. Новое о прошлом и настоящем // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2.: Сб. ст. в 2-х т. Т. 2. История / С.Н. Азбелев, Ю.В. Селезнев, А.В. Шегов. Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2007. С. 337.

⁵⁰ Карпова Е.В. Работа И.П. Мартоса над проектом памятника Дмитрию Донскому // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: сб. ст.: в 2-х т. Тула, 2007. Т.2. С. 261 – 274.

⁵¹ Демидов С.И. Куликовская битва как образ исторической памяти // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. Т. 2. С. 11; Демидов С.И. Мемориализация объектов архитектуры Тульского края на уровне обыденного мифологического сознания // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / А.В. Кузьмин, Ю.В. Селезнев, А.В. Журавель и др; под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2002. С. 220 – 231; Демидов С.И. Проблемы комплексного изучения природных и антропогенных памятников Куликова поля (историографический аспект) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 243 – 259; Демидов С.И. История мемориализации Куликова поля // Куликово поле. Возрождение памяти. Вып. 3. Тула, 2000. С. 7 – 52.

⁵² Наумов А.Н. Основные этапы изучения и мемориализации Куликова поля и сражения 1380 г. // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. М.; Тула, 1999.

⁵³ Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле» // Куликово поле и Донское побоище 1380 года // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 150. С. 299 – 344.

в монографии⁵⁴. Продолжает разрабатываться тема представления наследия Куликовской битвы в музейных экспозициях⁵⁵.

Отдельные аспекты восприятия образа Дмитрия Донского отражены в зарубежной литературе. Некоторые из них в контексте «Сказания о Мамаевом побоище» затрагивает М. Изоха в работе, посвященной изучению образа Александра Невского в средневековой России⁵⁶. Особенности формирования и изменения образа Куликовской битвы рассмотрены в трудах К. Парппей⁵⁷.

В современной зарубежной историографии интерес представляет книга К. Парппей «Осмысля Куликовскую битву: «Первый национальный подвиг», вышедшая в 2017 году⁵⁸. В центре внимания автора – образы Куликовской битвы и их изменение в широких хронологических рамках, с того момента, как событие произошло, до начала XXI века. Автор ставит задачу выявить стабильные и изменяющиеся на протяжении нескольких столетий черты образа Куликовской битвы. Широкие хронологические рамки обуславливают выделение лишь самых общих тенденций трансформации образа Куликовской битвы в рамках написания национальной истории.

Таким образом, анализ литературы показывает большой интерес исследователей к проблемам формирования и трансформации коммеморативных практик в сохранении памяти о Куликовской битве 1380 года. Однако в отечественной историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные комплексному анализу отражения Куликовской

⁵⁴ Наумов А.Н. Куликово поле в XII-XX вв. Историко-географические очерки. Тула, 2017.

⁵⁵ Тематико-экспозиционный план юбилейной выставки государственного ордена Ленина исторического музея «600 лет Куликовской битвы» // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 278-308; Боть В.И. Из истории создания музея «Куликово поле» // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 439-445; Иванова Ю.В., Цепляев С.Е. Экспозиции, мемориалы, памятные места Куликова поля (История. Современность. Перспективы) // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 195-215 и др.

⁵⁶ Isoaho M. The image of Aleksandr Nevskiy in medieval Russia: Warrior and Saint. BRILL, Leiden-Boston, 2006.

⁵⁷ Parppei K. The Battle of Kulikovo Refought: "The First National Feat". BRILL, 2017; Parppei K. Image studies in examining shared perceptions of the past: two Russian cases // Петербургские славянские и балканские исследования. 2019. №2 (26). С. 15–36.

⁵⁸ Parppei K. The Battle of Kulikovo Refought: "The First National Feat". BRILL, Leiden-Boston, 2017.

битвы в коммеморативных практиках второй половины XIX – начала XX веков.

Цель исследования заключается в комплексном исследовании проблемы генезиса, становления и развития образа и принципов построения исторической памяти о Куликовской битве 1380 года во второй половине XIX – начале XX веков.

Для достижения обозначенной цели поставлены следующие **задачи**:

1. Определить место Куликовской битвы 1380 года в коммеморативной культуре Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков.
2. Охарактеризовать образ Куликовской битвы, выделить его характерные черты и изменения на протяжении второй половины XIX – начала XX веков, показать причины трансформации образа.
3. Выявить основные тенденции в отечественном историческом осмыслении Куликовской битвы, существовавшие на протяжении второй половины XIX – начала XX веков.
4. Объяснить место 500-летнего юбилея Куликовской битвы 1880 года в коммеморативной культуре Российской империи, выделить формы коммеморативных практик, применявшихся для сохранения памяти о Куликовской битве во второй половине XIX – начале XX веков.
5. Изучить процесс функционирования «мест памяти» Куликовской битвы во второй половине XIX – начале XX веков, охарактеризовать государственный, частный и общественный уровни коммеморации Куликовской битвы.

Хронологические рамки диссертационной работы охватывают период второй половины XIX – начала XX веков. Выбор условной нижней хронологической границы объясняется тем, что к 1850 году сформировался набор основных коммеморативных практик, которые будут претерпевать изменения на протяжении последующих десятилетий.

Верхняя граница обусловлена революционными событиями 1917 года и последующим курсом, во многом отрицавшем культурное наследие Российской империи. В 1917 году, в целом, традиция коммеморации прерывается, значительно меняются оценки значения Куликовской битвы и роли личности Дмитрия Донского в истории России. Это находит отражение в трудах М.Н. Покровского 1920-х годов, в которых Донское побоище не упоминается либо представляется одним из рядовых событий.

Территориальные границы, в свою очередь, имеют некоторую специфику: определяются разными уровнями коммеморации – общероссийским и региональным. Первый включает в себя коммеморативные практики, реализованные в столичных городах (г. Москва, г. Санкт-Петербург). Региональный уровень включает в себя коммеморативные практики, имевшие распространение в городах и уездах Европейской части Российской империи (в городах и уездах Тульской, Московской, Рязанской, Калужской, Орловской, Херсонской, Полтавской, Бессарабской губерний), Царства Польского (Варшава).

Теоретико-методологическая база исследования. Основополагающими принципами, реализованными в диссертации, стали историзм, объективность, системность, позволившие осуществить анализ эволюции коммеморативных практик, связанных с Куликовской битвой. Поставленные в ходе исследования задачи решались на основе системного подхода, с учетом политических, социальных и экономических процессов, происходящих в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков.

Для проведения комплексного исследования были использованы общенаучные и специальные исторические методы.

Историко-сравнительный метод позволяет сопоставить практики коммеморации Куликовской битвы с комплексом мероприятий сохранения памяти о других выдающихся событиях отечественной истории (900-летие крещения Руси, 1000-летия Руси, 100-летие отечественной войны 1812 года,

300-летие Дома Романовых, юбилеи Бородинской битвы), таким образом, позволяет охарактеризовать место Куликовской битвы среди памятных событий российской истории на двух уровнях – общеимперском и региональном. Применяется при изучении комплекса мемориальных мероприятий, посвященных 500-летию юбилею Куликовской битвы, происходивших в разных регионах Российской империи.

В исследовании применяется **проблемно-хронологический метод**. В рамках изучаемого периода рассматривается проблема изменения содержания образа Куликовской битвы и представлений о значении этого события, выявляются тенденции в отечественном историческом осмыслении Куликовской битвы, существовавшие на протяжении второй половины XIX – начала XX веков.

Системно-структурный метод позволяет выявить взаимосвязи идеологических и политических факторов изменения коммеморативных практик, связанных с сохранением памяти о Куликовской битве 1380 года, проследить причинно-следственные связи в тенденциях развития комплекса мероприятий по увековечению памяти в Российской империи второй половины XIX – начале XX веков. Применяется при рассмотрении развития церемониальной коммеморативной практики в контексте государственной идеологии (в связи с концепцией С.С. Уварова). Обращение к образу Куликовской битвы в публицистике второй половины XIX века рассматривается в контексте активизации политики Российской империи в Средней Азии, русско-турецкой войны 1877-1878 годов. В рамках исследования образ Куликовской битвы рассматривается как один из элементов воинской культуры Российской империи.

Использование **историко-генетического метода** дало возможность исследовать условия формирования практик коммеморации, связанных с Куликовской битвой. Метод был использован для изучения генезиса интереса к теме Куликовской битвы в среде дворянства второй половины XIX – начала XX веков. В рамках изучения монументальной

коммеморативной практики рассматривается развитие концепции увековечения мест сражений от светского памятника-монумента до создания ансамбля памятников, сочетавшего как светские, так и религиозные элементы (храм, монастырь).

Работа выполнена в русле изучения истории памяти. Л.П. Репина отметила, что главным предметом истории памяти является «не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики»⁵⁹. Особенное внимание Л.П. Репина уделила важности предметного поля исследования памяти – это «некая идеальная реальность, которая является не менее важной, чем реальность событийная»⁶⁰.

В отечественной историографии прослеживаются дискуссии о содержании концептов «историческая память», «культурная память», «образы прошлого», «процесс мемориализации», «коммеморативные практики»⁶¹. Для полноценного раскрытия темы автор опирается на дефиниции, предложенные рядом исследователей, соглашается с трактовкой их смыслового наполнения. Автор термина «коммеморация» П. Нора определяет ее как комплекс различных способов сохранения, фиксации и передачи потомкам памяти о прошлом путем утверждения в материальных объектах – местах памяти – представлений об исторических событиях и их значении⁶².

Для определения другого термина «место памяти», предложенного П. Нора, логично использовать вариант, предложенный Ю.Ю. Хмелевской,

⁵⁹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 9-10.

⁶⁰ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв...С. 414.

⁶¹ Леонтьева О.Б., Репина Л.П. «Мемориальный поворот»... С. 281.

⁶² Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Пер с. фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 71.

которая определяет «места памяти» как «точки пересечения, концентрации культурной памяти. Их функция – сохранение коллективной памяти. Они напоминают о прошлом и наполняют смыслом жизнь в настоящем»⁶³.

В современной отечественной историографии широко используется понятие «коммеморативная практика» как определенный механизм формирования исторической памяти общества⁶⁴. Главной функцией коммеморативных практик является сохранение коллективной памяти, в структуру которой входит все, что связывает человека с прошлым: артефакты, идеи, тексты, а также увековечение памяти о событиях: мемориалы, монументы, памятники, организация музеев, определение знаменательных дат, праздников, массовых мероприятий – то, что называется мемориальной деятельностью⁶⁵.

Коммеморация (от лат. *commemoratio* – напоминание) – это целенаправленная актуализация исторической памяти путем организации и проведения мероприятий, посвященных памяти важного исторического события, исторической личности. Согласно определению О.О. Дмитриевой, «Коммеморативные практики – это комплекс мероприятий, совершаемых в процессе формирования исторической памяти о важных событиях»⁶⁶. Их можно классифицировать по субъекту инициирования (групповая/семейная, общественная и государственная); по масштабам реализации (общероссийская и региональная); по форме выражения - на нарративную, визуальную, монументальную или церемониальную формы⁶⁷.

⁶³ Хмелевская Ю.Ю. Введение: О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004.

⁶⁴ Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К. Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика // Диалог со временем. Вып. 72. С. 281.

⁶⁵ Пивоварчик С.А. Историко-культурное наследие и коммеморативные практики в формировании исторической памяти молодежи // Современная молодежь и общество: сб. науч. Ст. Вып. 10. Минск, 2022. С. 80.

⁶⁶ Дмитриева О.О. Региональный уровень празднования 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых на примере г. Чебоксары. С. 218-219.

⁶⁷ Там же; Дмитриева О.О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX-начало XX века): автореф. к.и.н. Чебоксары. 2019. С. 10. И.С. Огоновская предлагает другую классификацию, в которой выделяются поминальная, храмоздательская, топонимическая, реконструктивная, номинативно-организационная, художественная, церемониальная коммеморация. См.: Огоновская И.С. Коммеморативные практики...С. 237 – 241.

Коммеморативные практики являются важнейшим инструментом увековечивания памяти⁶⁸. Коммеморации, являясь одним из источников формирования исторической памяти, становятся объединяющей основой исторической памяти, исторической политики и публичной истории, способствуют «переводу исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций»⁶⁹. В контексте изучения коммеморации используется понятие «места памяти» или «памятные места». Е.И. Красильникова определяет «памятные места» как объекты материальной среды, обжитой человеком, намеренно созданные с целью запечатления, хранения и трансляции коллективной памяти об актуальных для общества исторических событиях и лицах. К ним относятся некрополи, скульптурные памятники и монументы, установленные в честь исторических деятелей и исторических событий, экспозиции и выставки исторических (краеведческих) музеев. Сохранению исторической памяти способствуют коммеморативные практики, которые определяются как целенаправленная, часто стереотипная и ритуализированная деятельность, необходимая для сохранения и трансляции коллективной памяти. В их число входят похоронно-поминальные практики, торжества, посвященные годовщинам и юбилеям важных для государства и общества событий, историко-экскурсионная и памятно-охранительная деятельность музеев.

Источниковая база исследования представлена комплексом источников, которые можно разделить на несколько групп. В исследовании нашли отражение архивные документы из двух федеральных архивов: Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), а также регионального – Государственного архива Тульской области (ГАТО).

⁶⁸ Дмитриева О.О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX-начало XX века): автореф. к.и.н. Чебоксары. 2019. С. 10.

⁶⁹ Хут Л.Р. История в цифровую эпоху: российские историки в условиях дигитализации исторического знания // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография // Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М., 2019. С. 152-153.

В Российском государственном историческом архиве важными для раскрытия темы являются документы Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (Ф. 1409), содержащие информацию о постройке памятника на Куликовом поле в 1850 году. Некоторые дела фонда Академии Художеств (Ф. 789), а также фонда Канцелярии Министерства Императорского Двора (Ф. 472) содержат информацию о живописных произведениях на тему Куликовской битвы. Многочисленные дела о сборе подписок на сооружение памятника содержат дела фонда Департамента Народного Просвещения (Ф. 733). Так, в деле 551 содержится информация о сочинении губернского секретаря А. Орлова «Дмитрий Донской». Следует отметить, что значительная часть делопроизводственных материалов, относящихся к постройке памятника-монумента на Куликовом поле и храма Сергия Радонежского хранится во многих региональных архивах.

В фондах Российского государственного архива литературы и искусства содержится информация об отражении Куликовской битвы в спектаклях, художественном творчестве (Ф. 1956).

В фондах Государственного архива Тульской области интерес представляют материалы о строительстве памятников на Куликовом поле. Они хранятся в фонде Канцелярии тульского губернатора (Ф. 90), Тульской Городской Думы (Ф. 518), а также фонде Тульской духовной консистории (Ф. 3). Большинство дел содержат материал о монументальной коммеморативной практике.

Для изучения церемониальной практики коммеморации интерес представляет дело о предоставлении Костромскому губернатору сведений о процедуре открытия монумента на Куликовом поле (Д. 22821), а также дело 34322, которое содержит информацию о преподнесении тульским дворянством золотой медали в честь 500-летия Куликовской битвы императору. Процесс формирования Куликова поля как «места памяти» характеризует «Дело о пожертвовании» В.И. Синельниковым земли под строительство памятника на Куликовом поле.

Ряд источников, примененных в исследовании, были опубликованы в сборниках документов⁷⁰.

Материалы периодических изданий изучаемого периода содержат отзывы современников о проведении юбилейных торжеств в честь Куликовской битвы, публикации документов по истории памятника на Куликовом поле, исторические рассказы на тему Куликовской битвы, заметки и статьи о реликвиях сражения 1380 года, юбилейные публикации, описывающие сражение и его роль в истории России, речи общественных и церковных деятелей, произнесенные по случаю юбилейных торжеств⁷¹.

В рамках исследования применяются *источники личного происхождения (воспоминания, переписка)*. Данная группа источников показывает восприятие коммеморации Куликовской битвы в обществе XIX – начале XX веков. Важны воспоминания участников торжеств на Куликовом поле 1880 года, которые оставили Д.Д. Оболенский и М. Казанский⁷².

Учебные издания и дидактическая литература позволяют проанализировать содержание образа Куликовской битвы, сделать выводы о его трансформации. Учебные издания Российской империи (для школ, гимназий, высших учебных заведений) позволяют проанализировать образ битвы, сложившийся во второй половине XIX – начале XX веков. Для характеристики образа Куликовской битвы применялись также статьи энциклопедий, энциклопедических словарей, справочных изданий, путеводителей, опубликованных во второй половине XIX – начале XX веков. Охарактеризовать восприятие образа Куликовской битвы в изучаемый период позволяют литературно-художественные произведения и

⁷⁰ Куликово поле. Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы / Сост. Баташова З.М., Малеванов Н.А., Петухов А.А., Сухов В.А., Фомин Н.К. Тула, 1982; Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. И авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014.

⁷¹ Речь архиепископа Тульского и Белевского Никандра, сказанная 8 сентября на Куликовом поле // Тульские епархиальные ведомости. 1880. №19. С. 193-195; Слово в день празднования в честь Донской иконы Пресвятой Богородицы // Московские церковные ведомости. 1880. №34. С. 399 – 401 и др.

⁷² Оболенский Д.Д. Куликово поле // Исторический вестник. 1903. Т. XCIII. С. 580 – 594; Казанский М. Воспоминание о селе Монастырщине и о богослужебном порядке в церкви этого села в день 8 сентября // Тульские епархиальные ведомости. 1898. №10. С. 441 – 445.

изобразительные источники (иллюстрации в журналах и учебных изданиях, полотна художников, фотографии).

В качестве источника выступают ряд сочинений историографического характера – монографии, статьи, публикации источников, посвященных Куликовской битве, опубликованные во второй половине XIX – начале XX веков. В эту группу входят труды известных историков (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров), включая военных историков (Д.Ф. Масловский, А.К. Байов и др.).

Делопроизводственная документация объединяет документы разного времени. Прежде всего, это документы о строительстве памятника Дмитрию Донскому, проведении юбилейных торжеств 1880 года, создании храма-памятника Сергия Радонежского.

Следует подчеркнуть, что специфика заявленной темы предполагает некоторую дискуссионность в разграничении историографического и источниковедческого обзоров.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка комплексного изучения коммеморативных практик, сложившихся во второй половине XIX – начале XX веков с целью сохранения памяти о Куликовской битве 1380 года.

Для изучения процесса формирования и трансформации образов Куликовской битвы в культурной памяти российского общества второй половины XIX – начала XX веков впервые привлекается широкий круг источников – учебная и дидактическая литература, периодическая печать, энциклопедии, труды военных историков.

На основании трудов общественных деятелей, материалов публицистики выявлены основные концепции, характеризующие значение Куликовской битвы, существовавшие во второй половине XIX – начале XX веков. Впервые проведен анализ характерных черт содержания образа Куликовской битвы во второй половине XIX – начале XX веков.

Привлечение широкого круга источников, прежде всего нарратива, позволяет охарактеризовать три компонента представлений о Куликовской битве (по О.Б. Леонтьевой) – информативный (сведения и факты), концептуальный (целостные представления о ходе и смысле исторического процесса), аксиологический (оценка события с точки зрения ценностных приоритетов).

Впервые подробно рассмотрен региональный аспект празднования 500-летнего юбилея Куликовской битвы в городах и уездах Европейской части России.

В контексте топонимической коммеморации выявлены основные «места памяти» Куликовской битвы на региональном и государственном уровнях, затронут вопрос о процессе их функционирования, показана взаимосвязь монументальной и топонимической коммеморации.

Подвергнут анализу процесс формирования представлений о реликвиях Куликовской битвы, выявлен ряд новых сведений о реликвиях Куликовской битвы, участии их в церемониальных практиках императорского двора.

Впервые поднят вопрос отражения Куликовской битвы в семейной памяти российского дворянства. Рассмотрен вопрос о причинах и предпосылках участия дворянства в коммеморации Куликовской битвы во второй половине XIX – начале XX веков. Выдвинут тезис о широком участии дворянства в практиках коммеморации в рамках стремления сохранить родословную память.

В научный оборот введены малоизвестные опубликованные и неопубликованные материалы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В течение второй половины XIX – начала XX веков Куликовская битва находит выражение в разных типах коммеморативных практик – *нарративной* (написание специальных научно-популярных произведений и брошюр на тему Куликовской битвы, статей в энциклопедических словарях и

периодических изданиях, параграфов в учебных изданиях, хрестоматиях, сборниках рассказов), *визуальной* (создание живописных полотен А. Ивоном, А.П. Мясоедовым, В.Г. Худяковым; предметов прикладного искусства – П.И. Сазиковым – канделябра, портфеля, преподнесенного Цесаревичу Николаю Александровичу), *монументальной и церемониальной*. Монументальная практика находит выражение в создании комплекса мемориальных сооружений на месте сражения, включающего в себя монумент и несколько церквей (колонны-памятника князю Дмитрию Донскому, церкви в с. Монастырщина, храма-памятника Сергия Радонежского, храма в с. Березовка), а также закладку инвалидного дома в Туле. Церемониальная практика, в основном, представлена организацией юбилейных торжеств, посвященных 500-летию Куликовской битвы в 1880 году, охвативших разные регионы Российской империи.

2. На протяжении второй половины XIX – начала XX веков происходит усложнение содержания образа Куликовской битвы и его смыслового значения, в связи с чем восприятие этого события становится многогранным. Итоги битвы оцениваются в контексте ее значения для становления национального самосознания и единого государства (М.О. Коялович); одного из этапов противоборства Европы и Азии (С.М. Соловьев); ее прогностической роли и последующего расширения границ Российского государства (Д.Л. Мордовцев и др.). Неоднозначность оценок события стала одной из причин актуальности образа Куликовской битвы и имела следствием развитие комплекса коммеморативных практик.

3. В исторической памяти Российской империи постепенно выделился ряд сражений отечественной истории, вокруг которых формировались практики коммеморации имперского уровня. Согласно определениям авторов XIX века, эти сражения «воспитывали и укрепляли дух русского народа», соответствуя укреплению национальной идеи. В первой половине XIX столетия к ним относились Куликовская битва, спасение Москвы в 1612 году, Полтавская битва, Бородинское сражение; во второй половине XIX века к

ним добавились еще две битвы, обретшие символическое значение – осада Севастополя в годы Крымской войны 1854-1855 годов и бой за Шипкинский перевал⁷³. В ряду перечисленных военных событий Куликовская битва являлась старейшим событием. Последующие битвы были связаны с историей Дома Романовых и утвердившейся на престоле династией Романовых, и хронологически соответствовали XVII, XVIII, XIX векам.

4. Для разных сословных групп Российской империи было характерно использование разных видов коммеморативных практик. Большая роль в реализации монументальной формы коммеморативной практики принадлежала дворянству, в реализации нарративной и церемониальной – интеллигенции. Для сохранения памяти о прошлом представители крестьянства чаще всего использовали форму топонимической коммеморации (восприятие памятниками эпохи князя Дмитрия «мест памяти» – башен Московского Кремля, церквей и монастырей, связанных с походом к Дону 1380 года).

5. Во второй половине XIX – начале XX вв. происходил процесс формирования представлений о реликвиях Куликовской битвы, они имели большое значение в реализации коммеморативных практик. Реликвии Куликовской битвы выполняли функцию трансляции памяти о событии, становились элементами церемониальных практик разных уровней – государственного (участвуют в церемониях императорского двора в качестве подарков императорам и наследникам, выполняют роль презентации государственных реликвий, как знамя Дмитрия Донского, являются частью интерьера государственных музеев и дворцов), семейного (хранятся в дворянских коллекциях как отражение исторической памяти дворянства) и общественного (представлены в экспозициях общественных музеев, хранилищах при церквях и монастырях, как посох Пересвета). Во второй половине XIX – начале XX в. экспонаты, связанные с Куликовской битвой, были представлены в экспозициях как столичных (Оружейная Палата,

⁷³ Военный сборник. Т. LXXI. СПб., 1873. С. I.

Эрмитаж, Большой Дворец), так и провинциальных музеев и учреждений (Тульская Палата Древностей).

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что разработка рассматриваемой проблемы способствует системному изучению механизмов функционирования практик коммеморации в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков. Результаты исследования могут стать теоретической основой для дальнейшего осмысления исторического опыта сохранения памяти о событиях прошлого не только в рассматриваемый период, но и в наши дни.

Практическая значимость работы. Представленный фактический материал возможно использовать при подготовке учебных пособий, учебно-методических изданий, лекционных курсов и исследований по истории Куликовской битвы, исторической памяти, коммеморации. Результаты исследования могут использоваться в преподавании отечественной истории в средних и высших учебных заведениях, а также применяться в исследовательской и экспозиционно-выставочной работе музеев.

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены автором в форме докладов на международных, всероссийских и межрегиональных научно-практических конференциях, проводившихся в Тульском государственном педагогическом университете («Молодежь и наука – третье тысячелетие»), Государственном военно-историческом музее-заповеднике «Куликово поле» («Город Средневековья и раннего Нового времени»), Тульском государственном музее оружия (Ежегодная Международная научно-практическая конференция «Мир оружия: история, герои, коллекции» 2020 – 2023 гг.), Тульском государственном университете (Ежегодная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (2021 – 2023 гг.), Всероссийская научно-практическая конференция «Начинается земля, как известно, от Кремля...»).

Многие положения данной работы отражены в 14 научных статьях, в том числе, в четырех, опубликованных в рецензируемых научных изданиях,

включенных в Перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук⁷⁴ и прочих⁷⁵.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав (в первой главе – три параграфа, во второй – четыре), заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

⁷⁴ Стребкова Л.И. Формирование церемониала юбилейных торжеств, посвященных 500-летию Куликовской битвы // Клио. 2022. № 3 (183). С.78-85; Стребкова Л.И. Юбилей Куликовской битвы 1880 года в зеркале эпохи // Клио. 2022. №. 9 (189). С. 79-84; Стребкова Л.И. Дмитрий Донской и герои эпохи Куликовской битвы в родословных преданиях российского дворянства (по материалам родословных сборников второй половины XIX века) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 108-158; Стребкова Л.И. Коммеморация Куликовской битвы в историографии начала XX - XXI веков // Клио. 2023. № 12 (204). – С.23 – 32.

⁷⁵ Стребкова Л.И. Коллекция оружия и предметов, связанных с памятливыми событиями русской военной истории в фондах Тульского Епархиального Древлехранилища // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. 16-18 октября 2019 г. Тула, 2020. С. 458-462; Стребкова Л.И. М.Н. Макаров и монумент на Куликовом поле // «Начинается земля, как известно, от Кремля...»: к 500-летию Тульского Кремля: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тула, 20-24 апреля 2020 г.). Тула: Изд-во ТулГУ, 2020. С. 100-112; Стребкова Л.И. Организация и тактика русского войска XII-XIV вв. в отечественной историографии // Город Средневековья и раннего Нового времени VII: археология, история / под ред. И.Г. Бурцева. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2021. С. 334-342; Стребкова Л.И. Куликовская битва в российских учебниках второй половины XIX – начала XX вв. // История. Историки. Источники. 2021. №3. URL: history2014.esrae.ru/33-313 (дата обращения: 21.02.2023); Стребкова Л.И. Куликовская битва в трудах русских военных теоретиков вт. пол. XIX – н. XX вв. // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 7-9 октября. Тула, 2021. С. 499-506; Стребкова Л.И. Образ Куликовской битвы в произведениях батальной живописи середины XIX века // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. 27-29 октября 2021 г. Тула, 2022. С. 515-521; Стребкова Л.И. Место Куликовской битвы в традициях русской императорской армии второй половины XIX – начала XX вв. // Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. 26-28 октября 2022 г. Тула, 2023. С. 474-480; Стребкова Л.И. Конструирование образа Куликовской битвы в учебных изданиях Российской империи рубежа XIX–XX веков // История. Историки. Источники. 2023. №4. URL: history2014.esrae.ru/42-400 (дата обращения: 18.11.2023); Стребкова Л.И. Увековечение памяти о событиях русской военной истории в русских памятниках XVIII-XIX вв.: сравнительный анализ // Tractus aevorum. 2023. 10 (4). URL: http://belsu-tractus-aevorum.ru/images/Issues/10-4/tractus_2023_10-4_474-490.pdf (дата обращения: 30.12.2023); 14. Стребкова Л.И. Опыт представления культурного наследия Куликовской битвы 1380 года в современном музее (на примере музея Куликовской битвы в Моховом) // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. 25–27 октября 2023 года / ФГБУК «Тульский государственный музей оружия» (В печати). Частично предыстория темы раскрывается в книге: Арцыбашев Е.Н., Стребкова Л.И. «Яко не в силе Бог, но в правде...». Русский дружинник в эпоху Средневековья. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2021.

Глава 1. Формирование и трансформация образа Куликовской битвы в российском обществе второй половины XIX – начала XX веков

1.1 Место Куликовской битвы среди памятных событий российской истории второй половины XIX – начала XX веков

На протяжении XIX – начала XX вв. в Российской империи происходил процесс развития коммеморативной культуры, который нашел отражение в формировании комплекса коммеморативных практик.

Большой интерес вызывает развитие церемониальной коммеморативной практики, которая развивалась в контексте государственной идеологии. Можно отметить, что все проведенные на протяжении XIX – начала XX веков юбилейные мероприятия соответствуют концепции «православие-самодержавие-народность». По смыслу и характеру празднуемого события юбилеи XIX – начала XX вв. можно разделить на церковные (900-летие крещения Руси), имеющие государственную важность и определяющие основы государственного строя (1000-летие Руси, 300-летие дома Романовых), военные (Столетие Отечественной войны 1812 года). Этой тематике соответствует и церемониал: К.Н. Цимбаев отметил, что основными видами праздничных мероприятий в изучаемый период были церковные и военные церемонии, религиозные службы и военные парады⁷⁶.

В коммеморативной культуре Российской империи на государственном (имперском) уровне церемониальная практика коммеморации применялась всего к нескольким событиям. К ним можно отнести празднование 1000-летия российской государственности (1862 г.) и 900-летие крещения Руси (1888 г.). Как отметил А.И. Буслаев, первый символизировал единение государя и дворянства, второй - союз государства и церкви. Эти юбилеи происходили в обстановке острых социальных противоречий и перемен и были призваны «возвращать к начальным событиям русской истории, тем самым создавая иллюзию непоколебимости государственного устройства

⁷⁶ Цимбаев К.Н. Истоки юбилейной культуры императорской России. С. 76.

страны»⁷⁷. Таким образом, события, память о которых сохранялась на имперском уровне, имели государствообразующее значение. При этом весьма важной была тематическая связь с историей императорской фамилии. В обоих перечисленных выше юбилеях фигура императора играла центральную роль. Имперский уровень подразумевает тот случай, когда практики коммеморации и юбилейные мероприятия охватывали разные губернии и территории Российской империи, вне зависимости от дальности их географического положения от непосредственного места события и центральных торжеств. Инициатором имперских юбилеев были государственные структуры.

Региональный уровень коммеморации характерен для сохранения памяти о событии, память о котором ограничивается рамками конкретного региона. Празднования на местах великих сражений древности – побед и поражений – в подавляющем большинстве случаев оставались событиями регионального характера, отмечались исключительно в рамках конкретной территории. Практически исключением являлись места сражений, тесно связанные с героическим прошлым императорской династии. Известным примером можно назвать Бородинское поле, на котором впервые в Европе появился комплекс монументальных памятников и стали проводиться памятные церемонии и военные парады.

Церемонии, проводившиеся на Бородинском поле, отличались особенным размахом. Так, 26 августа 1839 года в день открытия памятника на Бородинском поле было собрано 128 батальонов, 167 эскадронов, 24 пеших и 9 конных батарей, 264 орудия, 38 генералов, 277 штаб-офицеров, 2619 обер-офицеров, 11173 унтер-офицеров, 5241 музыкант, 98250 рядовых, всего 118.190 человек⁷⁸. Император приехал на место сражения уже 17 августа, лично осматривал поле битвы, принимал участие в смотре. Этот масштаб для Российской империи был беспрецедентен, с ним сложно

⁷⁷ Буслаев А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год)... С. 30.

⁷⁸ Памятник славы русским воинам, ознаменовавшим себя на Бородинском поле 26 августа 1812 года, или признательность императора Николая Павловича к падшим за веру и отечество. Изд 2-е. М., 1853. С. 73.

сравнить церемонию открытия памятника на Куликовом поле в 1850 году, в которой войска не принимали участие, или торжества в честь 500-летней годовщины Куликовской битвы, в которых принимали участие 2 батальона Таврического полка и отряд гусар. Подготовка 100-летнего юбилея Отечественной войны проводилась под личным контролем Николая II. На Бородинском поле было установлено 34 памятника⁷⁹. Личное отношение императора к празднуемому событию во многом определяло масштабы коммеморации события.

Как известно, предки императорской династии не принимали непосредственного участия в битве на Дону 1380 года. Практически единственный случай их соотнесения с Куликовской битвой встречается в юбилейном издании 1913 года, в котором говорится о Федоре Кошке, близком друге князя Дмитрия Донского, положившего конец татарскому игу. Упомянут тот факт, что, отправляясь в поход против Мамаю, Дмитрий Донской возложил на Федора Андреевича «почетную и ответственную обязанность «блюсти» свое семейство»⁸⁰. Среди членов императорской династии Донское побоище не могло восприниматься как место военной славы предков. Возможно, немногочисленные факты отражения связи истории императорской династии с Куликовской битвой в печатных изданиях второй половины XIX – начала XX веков и неучастие императора в торжествах по случаю юбилея, связанного с Куликовской битвой и торжествах при открытии памятников на Куликовом поле стоит объяснить, в том числе, отсутствием героической родословной легенды, связывавшей предка Романовых с участием в сражении 1380 года.

Одной из черт русского национального самосознания представляется важная роль отечественных войн в истории России. Превалирование концепции оборонительной войны привело к формированию ряда

⁷⁹ Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / А.В. Буганов, М.Г. Вандалковская, Л.А. Сидорова, А.Д. Соколова; отв. Ред. А.В. Буганов / Тула, 2012. С. 91.

⁸⁰ Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного Дома Романовых. М., 1913. С. 1.

праздничных дат, связанных с важными событиями русской военной истории. «Народность» нашла свое выражение в лице русской военной машины, армии. В этом контексте интересны слова, сказанные о юбилейных торжествах на Куликовом поле в 1880 году, когда «представителем народа» на праздничной церемонии выступало войско.

Наибольшее развитие в практиках коммеморации XIX – начала XX вв. получил идеал Отечественной войны, связанной с отражением нашествия иноплеменных народов.

В исторической памяти Российской империи выделился ряд сражений отечественной истории, вокруг которых формировались практики коммеморации имперского уровня. Согласно определениям авторов XIX века, эти сражения «воспитывали и укрепляли дух русского народа», соответствуя укреплению национальной идеи. В первой половине XIX столетия к ним относились Куликовская битва, спасение Москвы в 1612 году, Полтавская битва, Бородинское сражение, во второй половине XIX века к ним добавились еще две битвы, обретшие символическое значение: осада Севастополя в годы Крымской войны 1854 – 1855 годов и бой за Шипкинский перевал⁸¹. Таким образом, их число было невелико. В ряду упомянутых военных событий Куликовское сражение 1380 года являлось старейшим событием. Последующие битвы были связаны с историей Дома Романовых и утвердившейся на престоле династией Романовых, и хронологически соответствовали XVII, XVIII, XIX векам. Куликовская битва являлась в этом ряду особенным событием, так как была отделена от XVII века тремя столетиями.

Д.А. Сосницкий пришел к выводу о том, что в XIX – начале XX в. эпоха Средневековья занимала видное место в коммеморативных практиках Российской империи⁸². Отметим, что в русской средневековой истории есть несколько сражений, имеющих важное значение для последующих веков

⁸¹ Военный сборник. Т. LXXI. СПб., 1873. С. I.

⁸² Сосницкий Д. А. Юбилей допетровской Руси в императорской России. С. 1226–1239.

существования российского государства. Вместе с тем, далеко немногие из них нашли свое отражение в коммеморативной культуре. Для того, чтобы выделить особенности восприятия Куликовской битвы в обществе второй половины XIX – XX вв., рассмотрим несколько примеров.

В 1238 году произошла битва на реке Сити, представлявшая собой последнюю попытку владимирского князя Юрия Всеволодовича остановить вторжение монгольских войск и предопределившая зависимость Северо-Восточной Руси от Монгольской империи. Память об этом событии на протяжении XIX – начала XX вв. сохранялась среди жителей Ярославской губернии.

Крестьянин А. Артынов вспоминал о том, что рассказ о битве на р. Сити впервые услышал, оказавшись в окрестностях места битвы в возрасте 16 лет⁸³. Сражение на р. Сити чрезвычайно интересовало его попутчика – торговца из Санкт-Петербурга, который был родом с берегов Сити и звал его в гости, хотел показать то место, где происходила Ситская битва. А. Артынов впоследствии жалел о том, что невнимательно отнесся к этому живом рассказу: «О битве этой он весьма много рассказывал мне любопытного, но я любил слушать подобные рассказы только о своем Ростове, битва же эта была так далеко от него, что для меня и не составляла никакой важности». Он пишет и о преданиях, существовавших среди местных жителей, о памятных местах, отмеченных местными жителями. Этот факт позволяет говорить о том, что народная память хранила воспоминания об этом событии. Ситская битва упоминалась не только на страницах учебников по русской истории, но и во многих книгах для народного и детского чтения.

Автор путеводителя по Ярославской губернии И.А. Тихомиров называет Сить «исторической рекой». По его мнению, это сражение имело эпохальное значение: «на ее берегах совершился разгром Русского государства татарами, здесь покорена Русь и положена грань между древней

⁸³ Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова. М., 1882. С. 93-94.

и средней историей русского народа»⁸⁴; «Ситскою битвою закончилось прошлое, куликовскою битвою (1380 г., 8 сент.) началось новое». Вместе с тем этот автор замечает, что точное место сражения до сих пор не установлено; кроме М. Погодина, заглянувшего на верховья Сити, здесь не был ни один из крупных русских историков, мало кто бывал и из местных исследователей. 4 марта 1908 года произошел 670-летний юбилей этого сражения, оставшийся незамеченным. Рассуждая над причинами забвения этого великого сражения, И.А. Тихомиров пишет о том, что «Сить затмила собою Непрядва, Владимир – Москва, и воспоминания о погроме стали тускнеть, путаться и забываться даже и у местного населения».

В данном случае сохранение памяти о Ситской битве является примером регионального уровня коммеморации, когда память о событии сохраняется в объектах топонимической коммеморации и устных преданиях, но не находит отражения в имперском уровне.

Примером общеимперского уровня коммеморации является сохранение памяти о Шелонской битве. Летом 1914 года на одном из заседаний Разряда военной археологии и археографии, состоявшемся в собрании армии и флота профессор генерал-майор А.К. Байов сделал доклад «Шелонская операция Великого Князя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва 14-го июля 1471 года». Доклад явился результатом исследования вопроса о месте Шелонской битвы с военно-исторической стороны, сделанного по поручению Разряда военной археологии и археографии⁸⁵. В данном случае исследование места сражения и исследование битвы происходит по инициативе Императорского Русского военно-исторического общества. При этом, церемониальная коммеморативная практика не используется ни в первом, ни во втором случаях. Память о событии сохраняется либо в форме народных преданий, либо в форме публикаций и докладов.

⁸⁴ Тихомиров И.А. Ярославское Поволжье (краткий путеводитель). Ярославль, 1909. С. 23.

⁸⁵ Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1914 г. Кн. I. СПб., 1914. С. 363.

Примером другого военного события, юбилей которого пришелся на изучаемый период, являлись празднования 500-летия Грюнвальдской битвы. Правительство Российской империи, в состав которой входило большинство земель, с территории которых собиралось польско-литовское войско в 1410 году, не поддержало идею празднования юбилея на государственном уровне, и основными инициаторами выступили отдельные лица⁸⁶. В городах Российской империи, в основном западных (Смоленск, Витебск, Вильно) были изданы юбилейные брошюры и научные статьи, проведены торжественные собрания. Большинство авторов подчеркивали многовековое противостояние славян и немцев, в ряде случаев проводились аналогии с Ледовым побоищем. Публикациям была свойственен четко подробно прописанный образ врага и соотнесение с политическим контекстом. Ярким отражением общественных настроений эпохи становится поэма В.Е. Вязьмитинова «Грюнвальд», представляющая битву как борьбу двух противоположных миров – мира господства и порабощения и мира свободы⁸⁷. Отсутствие общеимперского уровня празднований можно объяснить тем, что данное сражение не имело значение государствообразующего для Российской империи и более того, имело важное значение для истории Польши, для которой эти мероприятия являлись возможностью подчеркнуть свое национальное достоинство.

Такие известные сражения, как Невская битва 1240 г. и Ледовое побоище 1242 г. воспринимались как отражение внешней агрессии, победа в оборонительной войне⁸⁸, но не связывалась с освобождением и началом нового периода российской истории. Вероятно, в связи с этим эти сражения

⁸⁶ Касович А.А. Празднование юбилеев Грюнвальдской битвы в XX веке // Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. №2 (8). Июль-декабрь. С. 83.

⁸⁷ Там же. С. 85.

⁸⁸ Кругликов Т.Д. Руководство для подпрапорщиков и войсковых унтер-офицерских школ пехоты, кавалерии и артиллерии. Вторая часть полного курса школ подпрапорщиков. М., 1912. С. 109.

нашли достойное, но все же ограниченное отражение в коммеморативных практиках второй половины XIX – начала XX веков⁸⁹.

Среди событий военной истории России наиболее полное отражение в коммеморативной культуре второй половины XIX – начала XX веков получили события, которые имели общепризнанное важное государственное значение, сформировав традицию коммеморации и воспринимались в контексте Отечественной войны.

Немаловажное значение имел синтез военной победы и полководческой доблести, основанной на служении интересам государства. Идеалами русских полководцев считаются князь Святослав, Дмитрий Донской, М.И. Кутузов, Радецкий, Петр I, которых объединяло служение общему делу, «самоотверженное приношение личных интересов, личности, самой жизни в пользу государства, в пользу России»⁹⁰.

Особенное значение Куликовской битвы среди великих военных побед России подчеркивали многие авторы. Например, Н.В. Сушков писал о том, что «История наша являет неразрывную цепь воинских деяний. Правда, от Мономаха до Донского последствия их были несчастны или незначительны. Но Куликово поле является великое основание храму Русской Славы. Сколько торжеств от торжества над Мамаем! Подобно Риму, Россия распространилась оружием на Восток, Полдень, Запад и Полночь»⁹¹.

Восприятие Куликовской битвы как государствообразующего события нашло свое отражение на страницах энциклопедических словарей, изданных в конце XIX – начале XX вв. Так, например, в целом ряде словарей можно найти информацию о том, что после Куликовской битвы изменился российский государственный герб. Причем, согласно данным статьям, за всю историю государства он менялся трижды: «до Куликовской битвы он состоял

⁸⁹ Бессуднов Д. Образ Александра Невского и российская мемориальная традиция // Ледовое побоище в зеркале эпохи: сборник научных работ, посвященный 770-летию битвы на Чудском озере / отв. ред. М.Б. Бессуднова. Липецк, 2013. С. 259-264; Шебанова А. Святой Александр Невский в русской исторической и церковно-монументальной живописи XIX-XXI веков // Ледовое побоище в зеркале эпохи. С. 264 – 270.

⁹⁰ Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. СПб., 1898. С. 43.

⁹¹ Сушков Н.В. Мечты о благе отечества // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. 4. С. 76.

из белого коня, после этой битвы его стали изображать в виде Георгия Победоносца, верхом на коне, поражающего змия»; затем во времена Ивана III к этому гербу был присоединен двуглавый орел, при вступлении на престол Александра II «распростертыя крылья орла была подняты вверх»⁹².

В контексте значения битвы для государственного строительства сражение 1380 года неоднократно рассматривалось современниками: «Такие места как Куликово поле, и такие битвы, как Куликовская надлежит вечно помнить и чтить всем гражданам Великого Русского Государства, доколе оно только существует и будет существовать»⁹³.

Во второй половине XIX века значение Куликовской битвы в истории России часто рассматривается в контексте идеи государственного строительства: «Многие считали эту победу за избавление от татарского ига, но вскоре убедились, что татары еще сильны, и нескоро может наступить желанное освобождение. Тем не менее победа сильно увеличила в глазах народа могущество московского князя и этим содействовала делу государственного объединения»⁹⁴. С точки зрения Н.И. Троицкого, Куликовская битва преодолела зло – распри князей, сблизила и объединила русских в одной мысли – любви к отечеству⁹⁵. Более подробно вопрос об изменении смыслового содержания значения образа Куликовской битвы будет рассмотрен в одном из следующих параграфов.

Образ Куликовской битвы как одного из важнейших событий российской истории со временем претерпевал изменения. Значительное количество источников разных групп второй половины XIX – начала XX вв. позволяют представить восприятие этого события довольно подробно, отследить изменения, происходящие в рамках отдельных десятилетий. Исследователи неоднократно отмечали, что образ прошлого наделен чертами

⁹² Павленков Ф.Ф. Энциклопедический словарь. СПб., 1910. Изд. 4-е. С. 515.; Всенаучный словарь / сост. В. Клюшников. Ч. 1. А-К. СПб., 1878. С. 429.

⁹³ Журналы заседания XXXXVI очередного Тульского Уездного Земского Собрания. С. 49.

⁹⁴ Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XVI. Коялович-Кулон. СПб., 1895. С. 956.

⁹⁵ Троицкий Н.И. Куликовская победа // Тульские Епархиальные ведомости. 1903. №18-19. Ч. Неоф. С. 688.

того времени, в котором существует. В связи с этим заслуживает особенного внимания вопрос влияния событий времени воспоминавшего на эволюцию образа.

В середине XIX века М.П. Погодин в контексте проблемы освобождения славянских народов Балканского полуострова проводит параллель с освобождением русского народа от иноземного владычества: «Болгаре и сербы и прочие славяне имеют такое же полное и законное право восставать против турок, какое имели греки, какое имели мы восстать против татар, ... Это не грех, а подвиг спасения, священная обязанность... Это есть освобождение народов от чуждого ига»⁹⁶.

Источники свидетельствуют о том, что особенную актуальность образ Куликовской битвы обретал в годы военных событий.

Обращение к героическим примерам побед русской армии стало востребованным в годы русско-японской войны. В печати обсуждался вопрос о полезности чтения о великих событиях русской военной истории в целях патриотического воспитания в народной школе: «Теперь везде толки о нашей войне с японцами... Читая повествования «Куликовская битва, Полтавский бой, Вторжение Наполеона в Россию, учитель и дети невольно останутся своим вниманием на современной войне». Автор статьи призывает сравнивать идущую войну с войнами прошлого, о которых ученики могут узнать из «Книги для чтения», видя в этом способ противодействия происходящей в то время революции»⁹⁷. По его мнению, эти примеры должны были прекратить ложные слухи о современной войне и настроить на патриотический лад.

Широкое обращение к теме Куликовской битвы началось в годы Первой мировой войны. Описывая современные события, протоиерей И. Восторгов иносказательно называет германского императора Вильгельма

⁹⁶ Против мысли о содействии войною революционному движению в Европе (в июле 1854) // Сочинения М.П. Погодина. Том. IV. Историко-политические письма и заметки в продолжении Крымской войны 1853-1856. М. 1874. С. 199-200.

⁹⁷ О войне в народной школе // Донские епархиальные ведомости. 1904. №18. Ч. Неоф. С. 529-530.

«новым Мамаем»⁹⁸. В военные годы в печати разворачивается активное обсуждение вопросов об отношении церкви к современной войне и участии в ней монахов. Многие авторы вспоминают примеры иноков Пересвета и Осляби, ставших участниками сражения 1380 года, Сергия Радонежского, благословившего на битву князя Дмитрия Ивановича⁹⁹.

Обращение к героическим образцам прошлого было характерно для церковной риторики военных лет. Протоиерей С. Введенский сравнивает воодушевленное чувство Ивана Грозного после взятия Казани, которое было началом миссионерской христианской деятельности в Казанском крае с настроениями Дмитрия Донского после Куликовской битвы и Петра Великого после Полтавской «преславной виктории». Рассуждая над движением русских на северо-восток Европы и вглубь Азии, И. Восторгов называет его «религиозно-культурным» движением России¹⁰⁰.

Мемориальный характер имеет заметка о 534-й годовщине Куликовской битвы, опубликованная в журнале «Военная летопись. Листок для нижних чинов»¹⁰¹. В ней подробно обрисован ход битвы, ее значение и влияние на современные события. Тема народного единства, сплочения в момент опасности перед внешней угрозой привлекает многих авторов. Например, В. Эрн пишет: «Когда разбойничий меч был вынут из ножен и занесен Давно, давно уже, быть может, с Куликовской битвы мы не знали *такого* единства духа и плоти России, такого изумительного созвучия между ее глубочайшими верованиями ее внешним историческим действием»¹⁰².

Мысль о том, что многие традиции современной армии восходят к временам Куликовской битвы, была характерна для многих писателей и общественных деятелей второй половины XIX – начала XX в. Известный

⁹⁸ Протоиерей И. Восторгов. Крестовый поход. Слово в Донском монастыре в день празднования Донской иконе Пресв. Богородицы, 13 авг. 1914 г. // Московские ведомости. 20 августа (2 сент.) 1914.

⁹⁹ Архиепископ Никон. Мои дневники. Вып. VI. Сергиев Посад, 1915. С. 251-300.

¹⁰⁰ Протоиерей С. Введенский. О войне вообще, о мировой русско-немецко-турецкой в частности, по учению Православной Церкви и заветам русской истории (против сектантов, отрицающих войну); Восторгов И. Во дни войны // Симбирские Епархиальные ведомости. 1916. №4. Ч. Неоф. С. 92.

¹⁰¹ Куликовская битва (8 сентября 1380 года) // Военная летопись. 1914. №10. С. 4.

¹⁰² Эрн В. Меч и крест. Статьи о современных событиях. М., 1915. С. 6.

фольклорист и этнограф П.И. Якушкин представляет «Задонщину» как самую старую солдатскую песню¹⁰³.

Можно сделать вывод о том, что образ Куликовской битвы воспринимался в контексте не только политической, но и военной истории России, имел яркую связь с событиями современности.

Куликовская битва заняла особое место в трудах военных историков второй половины XIX – начала XX в. Л.Г. Бескровный выделил два направления, существовавшие в военно-исторической науке 80 – 90-х годов XIX века – академическую и русскую школы¹⁰⁴. Представители русской школы (Д.Ф. Масловский, А.З. Мышлаевский) стремились утвердить «русские начала в русской военной истории». «Академики» стремились доказать отсутствие самостоятельных путей развития русского военного искусства, показать его зависимость от зарубежного. Если второй подход был традиционным для первой половины XIX века, то становление и развитие «русской школы» происходило параллельно с широким обращением к теме Куликовской битвы в трудах военных историков.

Для Д.Ф. Масловского как представителя «русской школы» Куликовская битва была примером гениальной тактики и хорошо продуманной стратегии, доказывающей высокий уровень развития военного дела в средневековой Руси. Он считал ее одним из шедевров русского военного искусства, посвятив изучению похода Дмитрия Ивановича к Дону отдельный труд¹⁰⁵.

Другой представитель «русской школы» А.К. Байов считал особенно необходимым разработку истории русского военного искусства, поскольку «до недавних пор почти все считали достойным изучение исключительно военного искусства западных народов»¹⁰⁶. В своих трудах он подчеркивал

¹⁰³ Якушкин П.И. Бывалое и небывальщина СПб, 1867. С. 138.

¹⁰⁴ Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 185.

¹⁰⁵ Масловский Д.Ф. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского, 1380 года, до Куликовской битвы включительно // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. И авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 253 – 291.

¹⁰⁶ Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. С. 263.

особенности русского военного дела, среди которых находилась такая национальная черта русской армии, как единение войска с его вождями. Отдельный параграф первого выпуска своего фундаментального труда А.К. Байов озаглавил как «Куликовский поход Дмитрия Донского»¹⁰⁷, остановившись на подробном его рассмотрении. Рассуждая о значении этой битвы, автор делает вывод о том, что победа спасла Русь и Европу от нашествия Мамаю, разрушила мнение о непобедимости татар, возвысила род Александра Невского, чем в высшей степени способствовала объединению Руси¹⁰⁸. Статья «Памяти Куликовской битвы», написанная историком, была опубликована в выпусках газеты «Русский инвалид» 8 и 10 сентября 1905 года. По отзывам современников, она имела научный интерес¹⁰⁹.

Именно с Куликовской битвы ординарный профессор Николаевской Академии Генерального Штаба Н.П. Михневич начал обзор выдающихся сражений древности¹¹⁰. Изучая развитие русского военного дела с первых веков существования государства, он делает вывод о том, что Куликовская битва в истории России имела огромное значение – придала веру в победу над страшным врагом, подняла значение великого князя Московского¹¹¹. По его мнению, русское военное искусство стояло выше европейского трижды – во времена Дмитрия Донского, Петра Великого и Екатерины II¹¹².

К теме Куликовской битвы обращался в своих трудах блестящий знаток военной истории, автор обобщающих трудов по военному искусству древних народов Н.С. Голицын¹¹³. Отрицая самостоятельность русского военного дела он, тем не менее, признавал полководческий талант и великие

¹⁰⁷ Байов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. I. От начала Руси до Петра Великого. СПб., 1909. С. 46.

¹⁰⁸ Там же. С. 55.

¹⁰⁹ Указатель статей, помещенных в «Русском инвалиде» в 1905 г. СПб., 1906. С. 74; Павловский И.Ф. К истории полтавского дворянства (1802-1902). Т. II. Полтава, 1907. С. 169.

¹¹⁰ Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. СПб., 1898.

¹¹¹ Михневич Н.П. Прошлое России от Рюрика до Романовых. М., 1913. С. 101.

¹¹² Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времен до начала 19 столетия. 2-е изд. СПб., 1896. С. 519.

¹¹³ Голицын Н.С. Всеобщая военная история древних времен / сост. кн. Н.С. Голицын. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872-1875.

заслуги Дмитрия Донского¹¹⁴. Куликовская битва заслужила его пристального внимания – он подробно рассмотрел все обстоятельства сражения¹¹⁵. Считая, что знание стратегии «приобретается только опытом и изучением истории походов всех великих полководцев»¹¹⁶, он много внимания уделил изучению Куликовской битвы, приводя ее в качестве образца ведения боя в древнерусский период. В результате на страницах многих изданий полководческий талант Дмитрия Донского сравнивался с деятельностью Суворова и Наполеона Бонапарта¹¹⁷, а поход к Дону был признан образцовым и по замыслу, и по исполнению¹¹⁸.

Представитель академической школы П.А. Гейсман, в своих трудах доказывающий западное влияние на русское военное дело, описывает Куликовскую битву подробно на нескольких страницах. Он пишет о том, что «стратегическое искусство Дмитрия Иоанновича является образцом высокопоучительным в смысле положительном»; «тактическое искусство Дмитрия также замечательно, причем даже то, что могло бы послужить ему упреком, является лишь следствием того высокого значения, которое он придавал элементу духовному»¹¹⁹. Обращаясь к оценке значения битвы, историк пишет о том, что «значение ее было громадно, преимущественно в смысле подъема духовных сил Руси».

Таким образом, среди военных историков второй половины XIX – начала XX в. представителей как «академической», так и «русской» школ Куликовская битва и полководческий талант Дмитрия Донского получили высокую оценку.

На стыке военной и политической традиций памяти появляется традиция названия кораблей, которая транслирует историческую память о

¹¹⁴ Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. I. До Иоанна III. СПб., 1877. С. 195-196; Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. С. 202.

¹¹⁵ Голицын Н. С. Русская военная история. Ч.1. С. 168 - 181.

¹¹⁶ Голицын Н.С. Великие полководцы истории. Ч. 1. СПб., 1875. С. V.

¹¹⁷ История русской армии и флота. М., 1911. С. 40.

¹¹⁸ Русская военная сила. Очерк развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней. Составлено обществом офицеров Генерального Штаба в Москве. Вып. 1. Домонгольский период. М., 1888. С. 61.

¹¹⁹ Гейсман П.А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Ч. I. СПб., 1893. С. 137.

события не только на военную среду и российское общество, но тесно связана с достижениями российского флота на международной арене. Имена героев Куликовской битвы носили военные корабли («Пересвет», «Ослябя») и воинские подразделения¹²⁰. В российском флоте эта традиция фиксируется уже в XVIII веке и продолжает существовать на всем протяжении рассматриваемого периода.

Об актуальности образа Куликовской битвы говорит тот факт, что она нашла свое отражение в коммеморативных практиках, бытовавших в среде российского офицерства и генералитета во второй половине XIX – начале XX веков.

О существовании традиций коммеморации, связанных с Куликовской битвой в среде российского высшего офицерства и генералитета говорит следующий пример. В 1908 году должно было состояться открытие Киевского Отдела Императорского Русского военно-исторического общества. Накануне было проведено заседание под началом генерала от кавалерии Сухомлинова, командующего войсками Киевского военного округа, на котором предстояло определить день открытия из числа памятных дат. Выбору дня открытия нужно было придать особенное значение, приурочить к воспоминанию важного исторического события и назначить его в тот момент, когда могло прибыть наибольшее число членов. Среди названных великих событий были предложены основание Петром Великим Киевской крепости (15 августа 1706 года), день Полтавской битвы (27 июня 1709 г.) и день Куликовской битвы (8 сентября 1380 г.). Первое событие, как мы видим, имело отношение к истории Киевской губернии, второе имело уже общероссийское значение, но территориально было привязано к Малороссии. Третьим событием, довольно неожиданно стала Куликовская битва, привязку которой к судьбам Киевской губернии объяснить довольно сложно. Далее последовало обсуждение, в котором принимали профессора Иконников, Завитневич, Кулаковский и генерал-лейтенант Маврин. Их

¹²⁰ Амелькин А.О. Образ Мамаева побоища в общественном сознании России... С. 228.

подробности остаются нам неизвестными, но в результате все три варианта были признаны неудачными по причине отсутствия на месте членов исторического общества¹²¹.

Наряду с Полтавским юбилеем члены Киевского Отдела Императорского Русского военно-исторического общества отмечали годовщину Куликовской битвы. В программе празднования первой предлагалось открыть подписку на памятник Кочубею, провести панихиду 26 июня у могил Искры и Кочубея, затем – торжественное вечернее собрание членов Отдела, на котором поручик 168 пехотного Миргородского полка Бухбиндер должен был прочитать описания битвы из «Полтавы» Пушкина, 27 июня должен был состояться военный парад. Празднование Куликовской битвы было решено отметить организацией публичной лекции¹²².

Во второй половине XIX – начале XX веков образ Куликовской битвы имел значительную роль в воспитании патриотизма среди нижних чинов российской армии. Обоснованием для широкой просветительской деятельности, знакомства солдат с героями прошлого послужили слова Александра II: «Распространение в войсках знания великих подвигов военной доблести, с целью сроднить с ними каждого солдата, есть важнейшая сторона военного образования войска... Распространение в народе верного понимания славных страниц его истории есть одна из важнейших сторон его нравственного воспитания (Из воззвания к севастопольцам в Бозе почившего Императора Александра Александровича, когда еще он был Наследником Цесаревичем)»¹²³.

В начале XX века по распоряжению военного министра во всех воинских частях в воскресные и праздничные дни проходили чтения с туманными картинами. Как правило, они проводились офицерами полков на

¹²¹ Журнал организационного заседания Киевского Отдела Императорского Русского военно-исторического общества, состоявшегося в доме Командующего войсками Киевского военного округа 14 июня 1908 года // Военно-исторический вестник. 1909. №1-2. С. 5-6.

¹²² Журналы заседаний Распорядительного комитета Киевского Отдела Императорского Русского военно-исторического общества №9 2 июня 1909 г. // Военно-исторический вестник. 1909. № 3 - 4. С. 91-92.

¹²³ Поле Полтавской битвы и ее исторические памятники. М., 1895. С. III.

темы, хорошо известные слушателям – «Куликовская битва», «Взятие Казани», «Анекдоты о Суворове», «Подвиг Ивана Сусанина». По отзывам современников, «Чтения доставляют большое удовольствие и развлечение нижним чинам, которые охотно являются на эти чтения, хотя они не обязательны и предназначаются лишь для желающих»¹²⁴. Чтения дозволялось посещать не только солдатам, но и членам их семей.

22 августа 1903 года был издан Высочайший приказ о поминовении усопших воинов в Дмитриевскую субботу. Среди величайших военных событий истории России в нем упомянуты Куликовская битва, Бородинская битва, Севастопольское сидение, освободительная война 1877-78 гг., война на Дальнем Востоке¹²⁵.

В военной среде одной из традиционных форм коммеморативных практик, связанных с Куликовской битвой, стали чтения, к организации которых были привлечены как представители духовенства, так и офицерских чинов. Как правило, они проводились по случаю празднования Дмитриевской Субботы и предварялись или завершались торжественной панихидой.

25 октября 1903 г. на Ташкентском кладбище была совершена панихида по павшим воинам, на которой присутствовали командированные от всех военных частей нижние чины и офицеры. Накануне в каждой воинской части были проведены чтения о Куликовской битве, затем отдельно в каждой части отслужены панихиды. Присутствующим было разъяснено возникновение этого церковного обычая¹²⁶.

23 октября 1904 года в Дмитриевскую субботу была отслужена торжественная панихида в Петровском Полтавском Кадетском корпусе, после чего протоиерей Щедродаров рассказал об историческом значении Дмитриевской Субботы, затем по ротам были зачитаны сообщения о Куликовской битве, в ходе которых особое внимание было уделено значению веры. На чтениях вспоминали нашествие татар, Севастопольскую оборону,

¹²⁴ Чтения с туманными картинами в полках // Петербургский листок. 1902. № 285. С. 3.

¹²⁵ Русский инвалид. 1904. №221. С. 6; № 224. С. 8; № 226. С. 6; № 228. С. 6; № 230. С. 8.

¹²⁶ Русский инвалид. 1903. № 244. С. 1.

освободительную войну, китайскую и японскую. Чтения проводили офицеры - в 1-й роте – подполковник Ромашкевич, во 2-й – полковник Никушкин, в 3-й – полковник Быков, в 4-й – штабс-капитан Терпиловский. После окончания сообщения от первой роты преподаватель Ф.О. Коваржик сделал дополнение, указав на причины, объясняющие разницу потерь в войнах древних и современных¹²⁷. В этот же день празднования прошли в Михайловском Воронежском кадетском корпусе и Александровском военном училище¹²⁸. Таким образом, они охватывали территорию всей Российской империи.

Широкое распространение этих мероприятий приводит к появлению на страницах периодических изданий многих произведений. Так, священник Михаил Мудролюбов опубликовал речь «Поучение к воинам пред панихидой в Дмитриевскую субботу»¹²⁹. На страницах журнала «Чтение для солдат», где публиковались рассказы из священной истории нового завета, уроки русской грамматики, солдатские сочинения, в 1863 году был опубликован рассказ И. Нестроева «Великий князь Дмитрий Донской» с рисунком, на 6 страницах которого описана Куликовская битва¹³⁰. В 1905 году читатели этого журнала могли познакомиться с исторической повестью А. Зенченко «Мамаево побоище»¹³¹. Рассказы о сражении на Дону публиковались во многих сборниках для солдат¹³².

Еще один аспект восприятия Куликовской битвы в обществе второй половины XIX – начала XX в. связан с осознанием важной роли церкви в истории российской государственности. Благословение войска князя Дмитрия Ивановича Святым Сергием накануне Куликовской битвы освящало отечественную войну, защиту своей земли. Именно Куликовская битва являла собой единственный пример участия монахов в войне, что опять же

¹²⁷ Материалы к истории Петровского Полтавского кадетского корпуса с 1 октября 1904 по 1-е октября 1905 г. Полтава, 1905. С. 29.

¹²⁸ Воронеж // Русский инвалид. 1904. №239. С. 3-4; Внутренние известия. Москва // Русский инвалид. 1904. № 233. С. 4.

¹²⁹ Вестник военного духовенства. №21. 1910. С. 642.

¹³⁰ Нестроев И.В. Великий князь Дмитрий Донской // Чтение для солдат. 1863. № 23.

¹³¹ Зенченко А. Историческая повесть Мамаево побоище // Чтение для солдат. 1905. Февраль. Вып 2.

¹³² Например, Бухарин С.П. «Читай, брат!»: Сборник для чтения солдатам в школах и командах: в 2 ч. / сост. Поручиком 110 пехотного Камского полка Бухариным. 1-е изд. Ковно, 1889. С. 8-10.

было связано с образом священного долга защиты отечества и темой отечественной войны. Один из рисунков знаменитого художника В.П. Верещагина на тему Куликовской битвы изображал князя Дмитрия, молящегося о победе (см.: Приложение 8). Неслучайно автор статьи из известного столичного издания отмечал, что «Имя преп. Сергия неразрывно связано с знаменитой Куликовской битвой и победой великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского над Мамаем. Битва эта решила судьбу России и в истории ей отведено одно из первых мест»¹³³. Сюжет о благословении Сергием князя Дмитрия Ивановича в 1380 году стал одним из излюбленных сюжетов живописцев. Ему была посвящена панорама художников Чахрова и Лиснера «Великий князь Дмитрий Донской принимает благословение от Святого Сергия на свержение татарского ига»¹³⁴. В центре панорамы был изображен Св. Сергий, благословляющий коленопреклоненного Дмитрия Ивановича, слева от него – князья и бояре со своими слугами, за Св. Сергием – монахи, два монаха-воина Пересвет и Ослябя, справа – войско и лес.

Наряду с этим, тема освящения похода князя Дмитрия к Дону была тесно связана с освящением государственной власти. Мысль о значении Святого Сергия для российского государства выразил К.К. Случевский в брошюре «Историческое значение Святого Сергия». Он описывает заслугу Святого Сергия в том, что «провидел с зоркостью удивительной то, чего не доставало еще расщепленной тогда на многие уделы России или, лучше сказать, провидел еще несуществовавшую единую, Самодержавную Россию...»¹³⁵.

Итак, место Куликовской битвы в коммеморативной культуре Российской империи предопределялось сочетанием трех характеристик, во многом совпадающих с тремя столпами доктрины С.С. Уварова. Не вызывало сомнения ее государствообразующее значение, которое неотъемлемо было

¹³³ Исторические даты // Петербургский листок. 1896. №143. 26 мая (7 июня). С. 7.

¹³⁴ РГАЛИ. Ф. 1956. Оп. 2. Д. 82. Л. 3 об. - 4.

¹³⁵ Случевский К.К. Историческое значение Святого Сергия. М., 1891. С. 1.

связано с самодержавием. Красноречиво прослеживается связь Куликовской битвы с образом Отечественной войны, отражающим народность – единение народа перед лицом угрозы, захватчика, несправедного поработителя. Не менее ярким и образ Куликовской битвы как великого события в истории православия через образы Сергия Радонежского и монахов – воинов Пересвета и Осляби. Благодаря этому Куликовская битва воспринималась как одно из фундаментальных событий Российского государства, нашла отражение в разных комеморативных практиках, применявшихся для увековечения памяти о выдающихся государственных, военных и церковных событиях русской истории. В связи с этим Куликовская битва стала важным элементом военной коммеморации в российских войсках.

1.2 Куликовская битва в нарративной коммеморативной практике второй половины XIX - начала XX веков

Рассматривая отражение Куликовской битвы в нарративе второй половины XIX – XX веков, важно предложить ряд уточнений смыслового характера. В частности, М.Ф. Румянцева отмечает: «Под историческим нарративом понимается хронологически организованный рассказ, сочетающий функции описания и объяснения. Последнее принципиально важно и отличает нарратив от хроники»¹³⁶. По мысли автора, на протяжении XIX века исторический нарратив обеспечивает естественную коммеморацию. С этим связан ряд его особенностей – «в ситуации классической науки нарратив не проблематизируется, а рассматривается, вероятно, как описание исторической реальности».

В данной работе под нарративом понимается дискурсивный тип повествовательного текста как интерпретации прошлого, форма и способ презентации исторической реальности. Нарратив является не столько описанием прошлого, претендующим на адекватность, сколько «инструкцией» по определению и пониманию исторической реальности¹³⁷.

Ряд исследователей пришли к выводу о том, что представления о прошлом включают три компонента – информативный (сведения и факты), концептуальный (целостные представления о ходе и смысле исторического процесса), аксиологический (оценка события с точки зрения ценностных приоритетов)¹³⁸.

Для анализа изменения образа Куликовской битвы и выделения его характерных черт такая классификация весьма удобна. Информативный компонент, таким образом, включает в себя представления о дате события, его участниках, характерных особенностях (например, соотношении сил

¹³⁶ Румянцева М.Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 44.

¹³⁷ Лубский А.В. Нарратив исторический // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 316.

¹³⁸ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России. С. 636; Леонтьева О.Б. Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010.

сторон). Концептуальный компонент показывает осмысление значения Куликовской битвы и ее итогов (влияние на ход дальнейших событий), позволяет сделать вывод о восприятии и месте этого события среди других. Аксиологический компонент тесно связан с концептуальным, включает эмоциональную оценку события и его героев (победа или поражение, геройство или трусость, великое или вполне рядовое событие).

Обращение к анализу этих компонентов «позволяет прибегнуть к реконструкции исторических представлений, существовавших в памяти эпохи»¹³⁹, в результате сделать вывод о том, какие исторические сюжеты являются востребованными историческим сознанием и почему. По мысли М. Барга, «...историческое сознание любой эпохи выступает как одна из существенных характеристик ее культуры и соответственно определяет присущий ей способ фиксации исторической памяти (миф, хроника, история), отбор, объем и содержание достопамятного, схему организации исторического опыта»¹⁴⁰. В связи с этим можно поставить вопрос о том, какой комплекс исторических представлений о Куликовской битве был характерен для исторического сознания второй половины XIX – начала XX веков.

Изучение исторической памяти о Куликовской битве имеет ряд особенностей. По мысли О.Б. Леонтьевой, обращение к образам прошлого, формировавшимся в культуре пореформенной эпохи, дает возможность проследить, как вокруг реального исторического события выстраиваются мифологические представления; сюжеты подвергаются переосмыслению. Это в большей степени применимо к событиям недавнего прошлого, когда имеется минимальная хронологическая разница между самим событием и появлением первых образов. Так, например, в большей степени возможно отследить появление образов Великой Отечественной войны, русско-японской войны. В случае с Куликовской битвой выявить образ реального

¹³⁹ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России. С. 637.

¹⁴⁰ Репина Л.П. Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // Образы времени и исторические представления. С. 14.

исторического события и мифологических представлений о нем, разделить их на две категории довольно сложно. Ввиду того, что документация, позволяющая использовать данный подход к событиям XX века, в нашем случае отсутствует, мы изначально имеем дело с набором образов, изменявшихся от столетия к столетию. История Куликовской битвы представляется как история образов, сменявших друг друга на протяжении значительного хронологического отрезка времени – от XV до XX в. С одной стороны, это усложняет задачу, так как у нас нет исходного события, описанного в «чистом виде» с документальной точностью. Более того, событие отдалено значительным временным отрезком. С другой стороны, мы можем сопоставить образы разных времен, выделить их общие черты и отличия, что позволяет отследить закономерности и механизмы формирования исторической памяти. Если количество источников о Куликовской битве для XV – XVII вв. является довольно небольшим по сравнению с таковым для других периодов, то для периода второй половины XIX – начала XX вв. мы располагаем значительным объемом источников разных групп, в связи с чем существует возможность отследить особенности трансформации каждого из трех компонентов представлений о прошлом в рамках отдельного десятилетия, что представляет немалый интерес.

Среди источников формирования памяти об исторических героях прошлого рассматриваются ордена, иконопись, историческая живопись, литературная традиция¹⁴¹. В связи с тем, что Дмитрий Донской был канонизирован в 80-х гг. XX в., а в наградной системе Российской Империи отсутствовал орден Дмитрия Донского, главными источниками формирования образа Дмитрия Донского выступали историческая живопись и литературная традиция. Это обуславливает большую роль нарратива в создании и трансформации образа Куликовской битвы в изучаемый период.

¹⁴¹ Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Князь Владимир Великий как национальный герой: создание образа // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 150 - 164.

Как уже отмечалось, в период второй половины XIX – начала XX веков нарратив в большой степени является естественной коммеморацией. Становление и развитие исторической науки в данный период приводит к становлению метанарратива, что находит отражение в публикациях.

При этом нарратив данного периода имеет ряд особенностей. Исследователи отмечают, что «Часть дореволюционных текстов о Владимире Святом сочетают в себе черты художественного произведения, публицистики и популярно-исторического текста»¹⁴². Это же можно наблюдать в отношении дореволюционных текстов о Куликовской битве.

Рассмотрим отражение Куликовской битвы в учебной литературе второй половины XIX – начала XX веков. Стоит отметить, что распространение образа этого события на страницах учебников происходит в период, когда в значительной степени изменяется восприятие истории как предмета всеобщего обучения. Если ранее знание истории расценивалось как свидетельство «цивилизованности» и предполагало принадлежность к хорошо образованному кругу лиц, то в пореформенное время изучение истории стало необходимым компонентом становления личности¹⁴³. Авторы учебников стремились дать народу понятные и знакомые образы, среди которых была и Куликовская битва. В учебных изданиях нашли отражения взгляды и позиции авторов, существовавшие в культуре эпохи. При переходе к широкому распространению образования все значительнее стала проявляться особенная роль учебных изданий – они стали конструировать массовое историческое сознание¹⁴⁴.

Как заметила М.Ф. Румянцева, «учебник является высшей формой концептуализации исторического знания»¹⁴⁵. Более того, в нем находят

¹⁴² Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Князь Владимир Великий... С.158.

¹⁴³ Володина Т. А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII – конец XIX вв.): автореф. дис. докт. ист. наук.: 07.00.00. М., 2004. С. 10.

¹⁴⁴ Федорова Н. Г. Школьный учебник по истории средних веков в дискурсивном пространстве российского общества вторая четверть XIX-начало XX вв.): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2008. С. 3.

¹⁴⁵ Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. №21. М., 2007. С. 110.

отражение наиболее стабильные консервативные формы исторического сознания. Обращение к образам событий древности, описанных в учебниках, позволяет реконструировать исторические представления, существовавший в памяти конкретной эпохи и сделать выводы о том, какие сюжеты были востребованы историческим сознанием в конкретное время. Заметим, что учебник для народа был одним из самых мощных по своему воздействию инструментов формирования массового исторического сознания, что дает возможность подчеркнуть актуальное значение тех образов, которые он формировал. Весьма важной в данном контексте является проблема взаимодействия профессионального исторического знания и массового исторического сознания. В связи с этим интерес представляет вопрос о том, насколько единым было представление о битве в разных сословиях российского общества. Поэтому отдельное внимание стоит уделить вопросу о механизмах и источниках конструирования национально-исторического мифа в конкретной социокультурной ситуации.

Целесообразно разделить учебные издания, рассмотренные в качестве источников, на три группы. Критериями деления служат в данном случае запросы и особенности аудитории, на которые учебники были рассчитаны.

Учебные книги в дореволюционной России различались по цене и предназначению: для сельских, городских и уездных училищ, гимназий. Среди учебных изданий можно выделить также сборники рассказов по русской истории, хрестоматии, пособия, которые представляли собой богато иллюстрированные, довольно дорогие издания.

В первую группу отнесем учебные издания для народных училищ и гимназий.

Учебники для народных училищ отличались простотой языка и краткостью изложения, небольшим количеством изложенных событий и фактов, стремлением охватить как можно больший период истории России, а также невысокой ценой (20–60 коп.). Авторы этих учебников, как правило,

опускали подробности и детали, ставили своей целью создать яркие запоминающиеся портреты главных исторических лиц.

К первой группе стоит отнести учебники М.Я. Острогорского, В.И. Водовозова, Н.М. Горбова, М.А. Давыдкина, А.О. Турцевича, А.К. Шуфа, Ф.Ф. Пуцыковича, А.Е. Преснякова, П.Н. Полевого¹⁴⁶.

В рамках второй группы рассмотрены учебные издания более высокой степени подготовки, предполагающие наличие базовых знаний, предназначенные для высших начальных училищ и самообразования. Это учебники Д.И. Иловайского для старшего возраста, А.Ф. Гартвига и Н.Т. Крюкова, А.И. Богмана, А.Я. Ефименко, В.В. Андреева, С.М. Соловьева, П.Н. Полевого, К.В. Елпатьевского, В.И. Фармаковского, хрестоматии А.А. Сосницкого и К.В. Елпатьевского, пособие С.Н. Васильковского, «История России» А.О. Ишимовой. Сюда же следует отнести издание «Гимназия на дому Текст: средне-учебное заведение заочно». Ближе по своему назначению к этой же группе стоят исторические повести «Рассказы про старое время на Руси» А.Ф. Петрушевского, «Откуда пошла Русская земля...» А.Е. Разина и «Родная старина» В.Д. Сиповского, призванные привить любовь к истории и расширить имеющиеся знания на основе художественных рассказов на исторические темы.

Рассмотренные в данной группе издания – хрестоматии, сборники рассказов, повестей, относятся к ряду дорогих, предназначенных для представителей высших сословий российского общества. Авторами этих учебников нередко были представители дворянства, свое распространение они также имели преимущественно в дворянской среде. Они не входили в

¹⁴⁶ Острогорский М.Я. История России, с картинками и вопросами для повторения для народных училищ. 3-е изд., СПб., 1876; Водовозов В.И. Рассказы из русской истории. Вып. 1. Изд.2-е. СПб., 1862; Горбов Н.М. Русская история для начальных школ: учебн. руковод. для низших училищ. Изд. 18-е. М., 1914; Давыдкин М.А. Краткая русская история: для народных училищ / М. Давыдкин и И. Селезнев. Изд. 2-е. М., 1911; Турцевич А.О. Краткий учебник русской истории. 7-е изд. Вильна, 1913; Шуф А.К. Рассказы и биографические очерки из русской истории (с кратким описанием древностей Москвы). Учебник для младшего возраста. 8-е изд. М., 1893; Пуцыкович Ф.Ф. Русская история для народных и других элементарных училищ. 15-е изд. СПб., 1891; Пресняков А.Е. Русская история: курс младших классов. М., Пг., 1915; Полевой П.Н. Иллюстрированные рассказы из отечественной истории с портретами и картами в тексте для начальных школ. СПб., 1892.

круг необходимых учителю и предназначались «в помощь учащимся». Заметим, что значительное число дворянских детей в XIX в. по-прежнему получали домашнее образование, поэтому эти дорогие многостраничные (300-400 стр.), хорошо иллюстрированные издания пользовались большой популярностью в их среде.

Третья группа представлена учебными изданиями для высшей школы. В нее входят работы профессиональных историков С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, А.Е. Преснякова и др.

К четвертой группе стоит отнести брошюры популярного характера, часто используемые для проведения народных чтений и рассчитанные на малообразованную аудиторию. Для неграмотных представителей народа такие издания выполняли роль учебников, которые воспринимались на слух и преследовали две главные цели – образовательную и воспитательную. Множество таких брошюр было издано к юбилею 1880 года¹⁴⁷, некоторые – к пятисотлетию дня кончины Дмитрия Донского¹⁴⁸. Многие из них впоследствии неоднократно переиздавались¹⁴⁹. Некоторые издания сопровождалась иллюстрациями¹⁵⁰.

К пятой группе изданий, которые формировали образ Куликовской битвы, можно отнести публикации на страницах журналов для детского чтения, имевших распространение в высших слоях общества.

Таким образом, рассмотрение литературы этих пяти групп позволяет сделать максимально широкий охват аудитории читателей, в максимальной степени рассмотреть образ Куликовской битвы, существовавший на страницах учебных изданий и транслируемый через них.

¹⁴⁷ Тихомиров Е.А. Куликовская битва: исторический очерк: к 500-летней годовщине Куликовской битвы. М., 1880.

¹⁴⁸ Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской и преподобный Сергей Радонежский: к пятисотлетию дня кончины Дмитрия Донского 1389 - 19 мая – 1889. М., 1889.

¹⁴⁹ Майков А.Н. О святых московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище. Изд.5-е. Спб., 1907.

¹⁵⁰ Старинное славянское описание Куликовской битвы с картинными изображениями разных моментов Мамаева побоища на верху каждого листа. Б.м., б.г.

Выделим те параметры, сочетание которых охарактеризует понимание битвы в каждом из рассматриваемых учебников. Целесообразно обратить внимание на подробности описания битвы, суждения о ее предпосылках и выводы о её значении; упоминание имен героев битвы; освещение роли церкви в событиях 1380 г., особенности изложения хода битвы, обращение к образу врага; мотив противостояния христианства и мусульманства (или язычества). Кроме того, важным нам кажется установление того, на какие источники опирался конкретный образ, как он связан с научными представлениями этого времени. Уделено ли внимание памятникам – как письменным, так и материальным.

Отметим, что описание указанных выше параметров характерно для большинства учебных изданий второй половины XIX – начала XX в. Учебники более раннего времени отличались лаконичностью повествования о Куликовской битве. Например, в учебнике Н.Г. Устрялова Куликовская битва описана в нескольких предложениях, выводов о ее значении не приводится¹⁵¹. Главными итогами правления Дмитрия Донского названо то, что он «сильно потряс удельную систему и одержал блестящую победу над монголами». В сочинении И.К. Кайданова битва и ее последствия описаны в четырех предложениях¹⁵². Значение битвы не описано, при этом приводится суждение о том, что «эта победа не избавила еще России от владычества Татар», поскольку «Вскоре Тохтамыш с многочисленными полчищами Татар вторгнулся в Россию, овладел Москвою, произвел в ней страшное кровопролитие, и совершенно разорил и опустошил ее и другие города».

Обращаясь к характеристике источников первой группы, можно выделить следующие особенности.

Обращает на себя внимание тот факт, что образ врага в учебных изданиях описывался далеко не всегда. Большинство авторов делали акцент

¹⁵¹ Устрялов Н.Г. Руководство к первоначальному изучению русской истории. Изд. 11-е. СПб., 1859.

¹⁵² Кайданов И.К. Краткое начертание российской истории, составленное для руководства при первоначальном изучении российской истории профессором Иваном Кайдановым. 4-е изд. СПб., 1838. С. 17.

на описании русского войска, противоборствующая сторона интересовала их в меньшей степени. В целом характерна невыраженность и непроработанность образа врага. Это находит отражение и в том, что имя соперника Пересвета в тех изданиях, где поединок описан, зачастую не называется, или же называется по-разному.

Ряд авторов приводят описание политической ситуации в Золотой Орде накануне битвы, черты характера кочевников с целью эмоционального воздействия на читателя. Оценки влияния битвы на последующие отношения с Ордой оценены однозначно – победа не имеет результатом свержение монгольского ига. Итоги битвы часто описываются в контексте разорения Москвы Тохтамышем.

Куликовская битва воспринимается не как военный конфликт, а как событие, играющее значительную роль в создании Московского государства.

Для авторов большинства учебников Куликовская битва представляла собой идеал объединения всех княжеств, что отличало ее от Невской битвы или Ледового побоища, которые воспринимались как военные победы, но не имели государствообразующего значения.

Представления о количестве участников, пространстве битвы и ее масштабе у большинства авторов довольно однообразны – число участников битвы с русской стороны оценивается цифрой в 150–200 тысяч русского войска (М.Я. Острогорский, В.И. Водовозов, Н.М. Горбов, В.В. Андреев, П.Н. Полевой), пространством битвы служит местность в 10 верст (Н.П. Горбов, М.А. Давыдкин), что подчеркивает ее масштаб. Оценки численности войск противника сильно различаются, иногда не приводятся вовсе. В некоторых изданиях указывается географическая привязка места битвы – Епифанский уезд Тульской губернии (Полевой П.Н. Краткое учебное руководство...).

Оценка потерь русского войска присутствует не во всех изданиях. В учебнике В.И. Водовозова можно встретить следующую оценку итогов: «Куликовская победа стоила дорого: в живых осталось не более 40 000 и

московскому князю невозможно было вступить в новую борьбу с татарами», посечено же было 133.000 воинов¹⁵³.

«Образ своего» включает в себя князей, бояр, воевод, ряд авторов делают акцент на том, что «великий князь сражался в рядах простых воинов» (М.Я. Острогорский, Н.М. Горбов). Состав русского войска описан далеко не у всех. Один из авторов, который представил состав русского войска, был П.Н. Полевой. Он пишет о том, что в московском войске были подвластные Москве князья белозерские, ростовские, ярославские и муромские, ополчение тверское и владимирское и полки двух литовских князей¹⁵⁴.

В художественной литературе и публицистике упоминание участников битвы представлено в целом таким же. Большую роль в формировании образа Куликовской битвы сыграла трагедия В.А. Озерова «Дмитрий Донской», на протяжении XIX – н. XX веков неоднократно исполнявшаяся на театральной сцене (См. Приложение 20). В исторической драме «Мамаево побоище или Димитрий Донской», сочиненной А. Боярским, поставленной в первый раз 20 января 1891 года в Москве в театре г. Лентовского, основными действующими лицами являются Дмитрий Московский, князья тверской, белозерский, смоленский, Мамай, московский боярин, русский воин, Боброк-Волынский, Михаил Бренской¹⁵⁵. Это позволяет судить о единстве образа участников битвы, отраженном на страницах учебных изданий и художественных произведений.

Еще одна особенность, характерная для многих учебных изданий – создание образа «народного князя» (М.Я. Острогорский, В.И. Водовозов). В этом контексте особо подчеркивается роль народа в сохранении памяти об этой битве – «Народ долго помнил Куликовскую битву и сложил даже про это песню, которая называется «Сказанием о мамаевом побоище»¹⁵⁶. Многие

¹⁵³ Водовозов В.И. Рассказы из русской истории. Вып. 1. Изд.2-е. СПб., 1862. С. 90.

¹⁵⁴ Полевой П.Н. Русская история для мужских средних учебных заведений. 5-е изд. СПб., 1903. С. 74 – 78.

¹⁵⁵ Мамаево побоище или Димитрий Донской. Большая историческая драма в пяти действиях. Соч. А. Боярского. М., 1891.

¹⁵⁶ Острогорский М.Я. История России, с картинками и вопросами для повторения для народных училищ. 3-е изд., СПб., 1876.

авторы (например, М.Я. Острогорский, В.В. Андреев) связывают народную традицию сохранения памяти о битве с празднованием Дмитриевской субботы: «В воспоминание установлено праздновать Дмитровскую родительскую субботу»¹⁵⁷.

У М.Я. Острогорского акцент в данном случае сделан на народном единстве, участвующие в этом событии герои – князь Дмитрий, простой народ и святой Сергей. Логика описания подчинена триединству «церковь – князь – народ». В этом легко прослеживается одна из основных идей XIX столетия – «православие-самодержавие-народность».

Стоит отметить также отсутствие темы княжеств-союзников и противников, видимо, также по причине ее политизированности. Заметим, что про описанную в некоторых источниках «измену» Олега Рязанского не сказано совсем – очевидно, что она нарушала картину общерусского единства в борьбе с общим врагом.

В большинстве случаев инициатива в развязывании конфликта возлагается на Орду, что позволяет сделать вывод о том, что война с Ордой воспринималась авторами как отечественная. Однако, существует несколько исключений. Так, инициатива вступить в войну с Ордой приписывается московскому князю в учебнике М.А. Давыдкина. В большинстве изданий опущен вопрос о предпосылках и причинах столкновения Дмитрия и Мамаю.

В некоторых учебных изданиях кратко указаны сведения о том, что на месте сражения возведен памятник; в большинстве изданий говорится об обретении Дмитрием прозвища «Донской», а также о традиции поминовения павших воинов в Дмитровскую субботу. Сведений о находках на месте сражения почти не упоминаются, исключением выглядит «Общеобразовательный очерк русской истории» В.В. Андреева, который пишет о том, что «Долго окрестные крестьяне находили разное оружие и военные доспехи, переделывали в ножи, серпы и т.д.». В редких изданиях, в основном предназначенных для военных, встречается описание построения

¹⁵⁷ Острогорский М.Я. История России, с картинками и вопросами для повторения... С. 29.

полков русского войска, но такие подробности относятся скорее к исключениям. Немногочисленные авторы, например, В.В. Андреев, обращаются к описанию места битвы и ее памятных мест. Этот автор упоминает Зеленую Дубраву – лес из 112 дубов, Монастырщину и Красный Холм как ставку Мамаю. В некоторых учебниках можно встретить краткие сведения о произведениях Куликовского цикла, созданных в память о Куликовской битве. Он же упоминает любопытные подробности при описании битвы: «Задние ряды русских положив длинные пики на плечи ставшим на колени первым рядам»¹⁵⁸.

Во всех без исключения учебных изданиях подчеркивается роль церкви. Некоторые авторы приводят справки о Троице-Сергиевой Лавре (М.Я. Острогорский), Святом Сергии Радонежском. Отмечается роль митрополита Алексия в воспитании Дмитрия (Ф.Ф. Пуцыкович). В ряд исторических персонажей, связанных с битвой, неизменно входят Сергей Радонежский, Пересвет и Ослябя. Кроме того, в учебниках можно встретить имена командиров засадного полка, в редких случаях – Михаила Бренка (В.И. Водовозов).

В качестве источников для написания текста учебников авторы часто использовали Никоновскую летопись. На характер изложения Никоновской летописи указывают пересказанные цитаты, например, «Пешая русская рать уже лежала как скошенная трава...» у А.О. Турцевича и «русская великая рать... аки сено посечено лежаху» в Никоновской летописи. Редкие авторы приводят отрывки из литературных памятников Куликовского цикла (например, Ф.Ф. Пуцыкович).

Переходя к рассмотрению учебников для более образованной части населения, стоит отметить, что на протяжении всего XIX века значительную роль продолжал играть образ битвы, созданный в труде Н.М. Карамзина. Д.Д. Оболенский называет Н.М. Карамзина и А.О. Ишимову в числе авторов,

¹⁵⁸ Андреев В.В. Общеобразовательный очерк русской истории. СПб., 1871. С. 37-38.

которые заложили основы его знаний о Куликовской битве. Описание битвы, выполненное Н.М. Карамзиным, учили наизусть.

Отрывок из труда Н.М. Карамзина, посвященного Куликовской битве, как одного из лучших произведений отечественной прозы и поэзии воспроизводили многие учебные издания XIX века. Так, например, его можно встретить в «Русской хрестоматии для старших классов среднеучебных заведений» А.А. Сосницкого¹⁵⁹ в «Сборнике грамматических задач» для младших классов гимназий¹⁶⁰. Рассказ о Куликовской битве Н.М. Карамзина был признан образцом повествования как одного из видов прозаических сочинений для написания школьных сочинений¹⁶¹.

Рассуждая над вопросом о том, что дала русскому обществу «История Карамзина», А.И. Воскресенский пришел к следующему выводу: «Трудно найти в какой-либо литературе произведение более благородное», «Оно благородно сочувствием ко всему великом в природе человеческой, благородно отвращением ото всего низкого и грубого. Мягкий, снисходительный, любящий, Карамзин умел быть неумолим, когда встречался с явлением, возмущавшим его душу... Но, с другой стороны, с какой любовью он останавливается на каждом светлом лице, на каждом доблестном подвиге»¹⁶².

Следует отметить, что Н.М. Карамзин считал описание нашествия Батыя и Куликовской битвы лучшими эпизодами из написанного труда и зачитывал их императору Александра I 18 марта 1811 года во время пребывания его в Твери¹⁶³ (на тот момент он довел повествование до времен Василия Темного).

¹⁵⁹ Сосницкий А.А. Русская хрестоматия для старших классов средне-учебных заведений. Пособие при изучении теории прозы и поэзии. М., 1885.

¹⁶⁰ Сборник грамматических задач (опыт практической грамматики). Курс 2-х младших классов гимназий / Сост. Л. Васильев. СПб., 1872. С. 59 - 63.

¹⁶¹ Теория словесности. Свод теоретических положений, выведенных из разбора образцов прозы и поэзии / Сост. К. Козьмин и В. Покровский. 7-е изд. М., 1900. С. 28; Филонов А. Теория словесности. Для средних учебных заведений. 7-е изд. СПб., 1900; Белоруссов И. Учебник теории словесности. 18-е изд., М., 1900. С. 29.

¹⁶² Воскресенский А.И. Три речи в память Карамзина, Гоголя и Жуковского (1901 и 1902 гг.). В. Волочек, 1902. С. 11.

¹⁶³ Овсянников Н.Н. Указатель тверской старины. Тверь, 1903. С. 57.

Несмотря на краткий объем (всего два листа), рассказ Н.М. Карамзина дает наиболее проработанный, полный образ битвы, наделенной яркими характеристиками. В рассказе присутствуют временные (шестой и девятый час дня) и пространственные характеристики (пространство в 10 верст, реки Дон и Меча). Действующими лицами с русской стороны выступают князья, бояре, воеводы, «полки российские», чиновники. Битва описывается как противостояние «Россиян» и «Моголов», причем образ врага в ней не прописан. Представление о соотношении сил и потерь приводится следующим образом: в начале сражения «сила Татар еще превосходила нашу», к моменту завершения битвы погибло «множество Россиян, но вчетверо больше неприятелей»; «по сказанию некоторых историков, число всех убитых простиралось до 200 тысяч». Таким образом, имеется виду численное превосходство противника, которое не только смогли преодолеть на пути к победе, но и обратить в свою пользу, и в итоге потери русского войска были значительно меньше потерь противника.

Кроме князя Дмитрия в рассказе упомянуты в контексте сражения командиры Засадного полка Владимир Андреевич и Дмитрий Волынский, в числе погибших перечислены пять имен князей, шесть первостепенных бояр. Характерно, что поединок Александра Пересвета с Печенегом упомянут не в начале, а в конце рассказа, где русский монах назван в числе погибших на поле. Н.М. Карамзин упоминает о традиции поминовения памяти погибших в этой битве воинов, установленной князем Дмитрием. Таким образом, Куликовская победа воспринимается как событие вечное и тесно связанное с существованием России.

Написанное живым, поэтичным языком сочинение А.О. Ишимовой неоднократно переиздавалось на протяжении всего XIX века и пользовалось большой популярностью. Ее известность была столь высока, что Д.Д. Оболенский даже поставил ее в один ряд с Н.М. Карамзиным: «Близость Куликова поля и была причиною, что мы еще детьми слышали бесконечные рассказы про донское сражение и интересовались описанием его

Карамзиным, Ишимовой и др. Мы знали наизусть целые страницы, повествующие о Куликовской битве».

В ее сочинении «Донское сражение или битва Куликовская» описана в отдельном параграфе на 11 страницах. Продолжая традицию Н.М. Карамзина, А.О. Ишимова дает персонажам яркие образные характеристики, в целом наделяя их чертами исключительно отрицательными (Ягайло, Мамай, «бесчеловечные татары», «Олег, которого Дмитрий считал себе другом»), или положительными (Дмитрий, Сергей, Александр Пересвет и Ослябя)¹⁶⁴. Передавая особенности атмосферы эпохи, А.О. Ишимова приводит фрагмент стихотворения Языкова «Баян к русскому воину». Стоит отметить, что А.О. Ишимова была одним из авторов, которые, помимо использования красивого художественного языка, необычайно внимательно подходили к изучению документов. Проникая вглубь далеких времен, она создает образ войска князя Дмитрия: «Князья ростовские, белозерские, ярославские с дружинами, бояре владимирские, суздальские, переяславские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, углицкие, серпуховские с детьми боярскими. Все эти дружины составили многочисленное войско...». Заметим, что другие авторы не уделяли внимания перечню дружин и городов, ставших участниками битвы. Одну из многих заслуг А. О. Ишимовой, которая не повторяла, но переосмысливала многое, можно увидеть в этом. В рядах русского войска она называет «более 150 тысяч воинов, конных и пеших», «Всего же по уверению некоторых историков было до 200. 000 тел, вчетверо больше убито татар».

Для других изданий второй группы характерны такие особенности, как акцент на значительном масштабе события и большом значении роли церкви.

Авторами всех учебников подчеркивался необычайный масштаб этой битвы (оценка численности русского войска удивительно единодушно установлена в 150 – 200 тысяч русских воинов, число погибших несколько

¹⁶⁴ Ишимова А.О. История России в рассказах для детей. 6-е изд. СПб., 1890.

варьируется у разных авторов; подчеркивается, что битва разворачивалась на 10 верстах), сюжет описания битвы завершается нашествием Тохтамыша. Военных подробностей хода битвы (построения полков, особенностям расположения их на местности) не указано, ни в одном из учебников нет карт и схем. Единственная описанная всеми подробность – появление на поле засады, решившей ход боя. Рассказ о предпосылках и причинах конфликта Дмитрия и Мамаю раскрывается далеко не всеми авторами, упоминание битвы на Воже встречается редко, ситуация накануне битвы оценивается неоднозначно – инициатива предписывается то Мамаю, то Дмитрию, который хотел начать борьбу за освобождение. Во всех учебниках в разной степени присутствует описание роли церкви (прежде всего – святого Сергия, иногда – Алексия) в победе русского воинства. Несмотря на это, мотива противостояния православия и мусульманства нет ни в одном случае.

Ключевой мыслью для большинства учебников является идея победы, одержанной народным войском под командованием князя Дмитрия, который сражается рядом со своими воинами. Повествование о сражении основано, как правило, исключительно на тексте Никоновской летописи, ряд устойчивых выражений из которой присутствуют в тексте большинства учебников. Древние памятники письменности – «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» изредка упомянуты (например, у М.Я. Острогорского), иногда приводятся их фрагменты, но о памятнике, установленном на месте сражения в 1850 году не сказано ни в одном из рассмотренных нами учебников.

Главными фигурами повествования выступают князь Дмитрий Иванович, Сергей Радонежский, иногда митрополит Алексей, князь Владимир Андреевич и воевода Боброк Волынский. Общая схема повествования строится вокруг триединства «Князь – народ – церковь». В учебниках для народных училищ образы иноков Пересвета и Осляби присутствуют далеко не всегда (их упоминают Н.М. Горбов, А.О. Турцевич, А.К. Шуф), упоминание поединка Пересвета с Телебеем встречается лишь в

повествовании А.К. Шуфа, стремившего к особенной наглядности создаваемых им образов.

Таким образом, относительное единство образа обеспечивалось во многом одинаковым набором источников, на которые описались авторы учебников; вносимые детали и подробности, как правило, появлялись в случае обращения авторов к дополнительным источникам.

Образ врага выражен в разной степени – от упоминания самих татар (они очень редко описаны, в ряде случаев приводятся в отдельных главах свидетельства «дикости» татар у М.Я. Острогорского), до включения в этот образ Олега Рязанского (все авторы, за исключением М.Я. Острогорского), литовцев (Н.М. Горбов), тверяков и нижегородцев (у С.М. Соловьева).

В трудах исследователей, изучавших образы войны XX века, можно встретить утверждение, что «образ войны» – это сложная структура, которая включает в себя образ врага, собственный образ, представления о характере войны, ее масштабах, соотношении сил и перспективах¹⁶⁵.

Рассматривая отражений событий смутного времени в русской литературе 1806-1807 гг., А. Зорин акцентирует внимание на нескольких факторах, выдвинувших события 1613 года на место одного из ключевых событий русской истории¹⁶⁶. К числу этих факторов стоит отнести борьбу с завоеванием: «Угроза извне грозила основам государственного бытия и самому существованию России, которой суждено было уцелеть, только опершись на народное единство и национальные традиции». Куликовская битва была также событием, предотвратившим вторжение извне, и, в связи с этим, обрела значение события государственной важности.

А. Зорин отмечает, что в произведениях начала XIX в., посвященных событиям Смуты, «присутствует фигура чужака, волей судеб оказавшегося соратником вождя и готового ради своих корыстных интересов войти в

¹⁶⁵ Сенявская Е.С. «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти... С. 318 - 329; Антипин Н.А. Русско-японская война... С. 11.

¹⁶⁶ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII-первой трети XIX века. М., 2001. С. 178.

тайные сношения с неприятелем и погубить родину, оказывается совершенно необходимой»¹⁶⁷. Таковым является казак Заруцкий. Этот персонаж создает образ врага народа и отражает мифологию измены, существовавшую в общественном сознании 1809 – 1812 годов. Существовавшие в русском обществе с конца XVIII в. антипольские настроения находят отражение в формировании образа поляков, утвердившихся в Москве в годы Смуты.

Данная аналогия интересна, так как летописная повесть о Куликовской битвы также содержит подобный образ внутреннего врага, в роли которого выступает князь Олег Рязанский. Однако, обратившись к тексту учебников XIX в., можно убедиться, что образ рязанского князя-изменника присутствует далеко не во всех учебниках; более того, в том случае, если упомянут его переход на сторону Мамаю, этот факт либо упомянут вскользь, либо находит логичные объяснения (например, у Д.И. Иловайского¹⁶⁸). В целом, стоит отметить такую черту, как непрописанность образа врага – Мамаю и Орды.

Так, например, в «Кратком учебном руководстве по русской истории» М.Н. Погодина Олег Рязанский не упомянут, Орда не описана, в другом учебнике этого автора говорится о том, что Олег был покорен Мамаю, так как боялся опустошения своих земель. Нет упоминания об измене Олега Рязанского в учебниках А.Ф. Гартвига, С.М. Соловьева¹⁶⁹, А.Я. Ефименко, большинстве энциклопедических словарей второй половины XIX – начала XX веков.

Этому могло способствовать несколько факторов. Во-первых, основным, наиболее доступным источником для авторов учебников XIX века оставалось «Сказание о Мамаевом побоище», не делающее акцент на измене рязанского князя. Во-вторых, Куликовская битва была событием далекого прошлого и не воспринималась как битва между враждующими этносами.

¹⁶⁷ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... С. 177.

¹⁶⁸ Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. Изд. 30-е. М., 1895. С. 77.

¹⁶⁹ Однако, в этот сюжет присутствует в книге Соловьева С. М. Общедоступные чтения о русской истории. 5-е изд. М., 1908. С. 57.

Оценки Мамаю и его войска иногда имеют эсхатологический оттенок, изображаемые темными красками, но все это описывается лишь в общих чертах и отнюдь не конкретизируется. Образ внутреннего врага был неостребованным, акцент делался на представление события как объединяющего и создающего народ. Косвенно об этом может говорить тот факт, что в большинстве учебных изданий того времени не описан и даже не упомянут поединок Пересвета с Челубеем, приобретший большую популярность в следующем XX столетии.

Выводы о значении битвы прописаны в большинстве случаев одинаково размыто (повлияла на русский дух) и практически нивелируются нашествием Тохтамыша. Можно сказать, что в данном случае авторы учебников следуют традиции скептически настроенного И.К. Кайданова, который в своей учебнике сделал вывод, что Куликовская битва «не избавила от владычества татар»¹⁷⁰. Более глубокое понимание значения битвы дают учебники профессиональных историков – С.М. Соловьева, А.Е. Преснякова, Д.И. Иловайского, предназначенные для более старшего возраста. Стоит отметить, что их взгляды практически не нашли отражения на страницах рассмотренных нами учебников для народных училищ. Обращение к фигуре Ивана III, с которым в русской историографии этого времени связывалось окончание татарского ига, присутствует лишь изредка. Таким образом, учебники, предназначенные для народных училищ, объединены общей схемой описания битвы и сделанными выводами; учебники для гимназий дают более полный обзор происходивших событий и более глубокое понимание итогов Куликовской битвы.

При этом критики не оставляли без внимания неоднозначность итогов сражения. Так, к недостаткам учебника русской истории Д.И. Иловайского, который использовался в российских гимназиях на протяжении нескольких

¹⁷⁰ Кайданов И.К. Краткое начертание российской истории...С. 17.

десятилетий, «не менее трети столетия», относили то, что значение Куликовской битвы «не разъясняется, а только указывается»¹⁷¹.

Стоит отметить, что Куликовская битва воспринималась большинством авторов учебников как тема общеизвестная, а, следовательно, простая для понимания. Например, Н.П. Покотило охарактеризовал ее так: «Тема очень легкая, пригодна для начинающих V класса» и рекомендовал ее для подготовки устных рефератов¹⁷².

Теме Куликовской битвы были посвящены многие художественные рассказы. Образ Куликовской битвы, сформировавшийся на страницах хрестоматий, сборников рассказов, повестей отличался большой самостоятельностью. Подобные издания имели распространение в среде состоятельных горожан и предназначались «в помощь учащимся». Заметим, что значительное число дворянских детей в XIX в. по-прежнему получали домашнее образование, поэтому эти дорогие многостраничные (300-400 стр.), хорошо иллюстрированные издания пользовались большой популярностью в их среде.

Авторы рассказов не стеснялись узкими рамками источников и данных современной науки, а давали волю фантазии, стремясь с наиболее объемному, с художественной точки зрения, насыщенному деталями образу. В какой-то степени, авторы создавали новое «Сказание о Мамаевом побоище», которое из-за своего архаичного языка к концу XIX в. было вытеснено из массового исторического сознания и представляло интерес исключительно для профессиональных историков. Их вдохновлял старый сюжет, который они облекали уже в другую форму, понятную современным читателям. Из наиболее известных рассказов о Куликовской битвы стоит отметить повести К.В. Елпатьевского и В.Д. Сиповского, рекомендованные для домашнего чтения авторами многих учебников и пособий.

¹⁷¹ Форстен Г. Наша учебная литература // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1901. Ч. 333. № 2. С. 36.

¹⁷² Покотило Н.П. Практическое руководство для начинающего преподавателя истории. СПб., 1912. С. 145-146.

Историческая хрестоматия К.В. Елпатьевского включает такие стихотворения поэтов XIX века, как «Игумен всея Руси» А.А. Навроцкого и «Мамаево побоище» А.А. Голенищева-Кутузова, а также рассказы В.Д. Сиповского «Куликовская битва» и «Св. Сергей Радонежский»¹⁷³. Военным событиям истории средневековой Руси в хрестоматии уделено гораздо меньше места, чем событиям XIX в. (осаде Севастополя посвящены 6 сюжетов, войне 1812 г. – 12 сюжетов, Куликовской битве – 5).

Главными героями произведений о Куликовской битве являются святой Сергей и народ; фигура князя Дмитрия вынесена на второй план. А.А. Голенищев-Кутузов в рассказе «Мамаево побоище» представляет образ народной битвы. Отношению к Донскому побоищу как к народной битве обусловлено и представлениями о развитии военного дела в тот период, которые закрепились в среде военных историков. Так, например, П. Медовиков писал о том, что «поголовное ополчение и оборонительная война составляют отличительные черты нашего ратного дела со времени господства над Россией Монголов. В то время, когда в Западной Европе стали появляться первые постоянные войска, у нас, в случае войны, вооружался весь народ...»¹⁷⁴.

Повествование В.Д. Сиповского строится на тексте Никоновской летописи, содержит множество ярких цитат («Не в силе Бог, но в правде» звучит из уст Ольгердовичей, «Честная смерть лучше позорной жизни»)¹⁷⁵. Русское войско представляется им как ополчение: «никогда не собиралось такого большого ополчения», более 150 тысяч конных и пеших¹⁷⁶. Влияние текста летописи заметно в описании образа сражения: «Копья у воинов второго ряда были длиннее чем у передних», «Одежда у татар была темного цвета», русское же войско «блестящее», на «10 верст вокруг» развернулось

¹⁷³ Елпатьевский К.В. Рассказы и стихотворения из русской истории: ист. хрестоматия для мл. кл. сред. Учеб. Заведения / сост. К. В. Елпатьевский. 3-е изд. СПб., 1909.

¹⁷⁴ Руководство к познанию русской истории П. Медовикова. Часть I. Отделение 1. М., 1853. С. 228 - 229.

¹⁷⁵ Сиповский В.Д. Родная старина: отечественная история в рассказах и картинах. 3-е изд. СПб., 1887-1896. С. 142-149.

¹⁷⁶ Там же. С. 144.

сеча. Описание численности войск также приводится по летописи: 40 тысяч уцелело русских, более 200 тысяч погибло с двух сторон. Итоги битвы он оценивает весьма скептически: «Не кончились беды от татар», Рязань изменила общему делу, Тверь, Псков и Новгород не прислали помощи, Тохтамыш и Эдигей (!) жгли Москву, произошло и нашествие Тамерлана в 1395 г. Определенный положительный итог был – после Дмитрия выросло поколение, не боявшееся татар, но великим ли он выглядел после перечисления целого ряда нашествий? В то же время, В.Д. Сиповский относился к редким авторам, которые упоминали о памятнике, установленном на месте сражения в 1850 г. Кроме подробного описания битвы, издание содержало рисунки установленного на Куликовом поле памятника (см. Приложение 13), рисунки воинов, например «Вождь в юшмане шишаке и приволоке», «Воин в кукяке и стеганой шапке», «Ратник в бахтерце и в шишаке с еловцем» (см. Приложения 10, 11, 12). Авторы учебника А.Ф. Гартвиг и Н.Т. Крюков предлагали учащимся нарисовать оружие, одежду и головные уборы воинов XIV века по этим изображениям¹⁷⁷.

Учебное издание В.И. Фармаковского, по мнению современников, заслуживало внимания, представляя собой нечто «среднее между учебником и книгой для чтения». Описание Куликовской битвы представлено в нем на 4 страницах. Автор не стремится к образности, поэтому произведение лишено цитат, слов прямой речи, характеристики персонажей. Следуя схеме изложения, принятой многими авторами учебников, после правления Ивана Калиты сразу же описывается княжение Дмитрия Донского, показывая преимущество проводимой ими политики. В тексте много оценок, за скупыми фактами кроется множество выводов. Отмечены отдельные особенности политического процесса, ситуация накануне битвы. Автор рисует портреты двух противников: с одной стороны - слабеющая из-за

¹⁷⁷ Гартвиг А.Ф., Крюков Н.Т. Учебник русской истории для высших начальных училищ и торговых школ. Книгоизд-во К.И. Тихомирова. М., 1914. С. 76.

усобиц татарская орда, с другой стороны – собираемая уже 40 лет московскими князьями Русь. Огромное внимание автор уделяет психологии, подчеркивая, что за 150-летнее время владычества татар выросло новое поколение, презиравшее, а не боявшееся татар. Одной из главных причин войны между Мамаем и Дмитрием он видит не отказ выплаты дани, а то, что «Дмитрий не оказывал почтения татарам».

Итогом битвы стало большое количество убитых (уцелела десятая часть русского войска), вскоре произошло нашествие Тохтамышша, после которого на Русь была снова возложена «дань великая». В выводе присутствует мотив единства – «русские люди поняли теперь, что огромные полчища татар не страшны для них, когда в России не будет розни – когда вся русская земля встанет против врагов, как один человек»; «счастье русской земли – в Московском княжестве, государи которого раньше других принялись собирать русскую землю и успешнее других совершали это дело» – заключает он, рассуждая о результатах грамотной политики московских князей. Таким образом, «победа не освободила Россию, но была полезна»¹⁷⁸. Полное же освобождение России, по его мнению, произойдет через 100 лет и будет связано с именем Ивана III.

Затрагивая вопрос о том, какие источники использовались авторами изданий для написания текста учебников, стоит отметить, что к основным источникам относятся тексты летописей и «Сказание о Мамаевом побоище». На основе летописей воспроизводится образ Куликовской битвы в пособии С.Н. Васильковского. Описание битвы на 17 страницах приведено по Никоновской летописи, нашествие Тохтамышша описано по Новгородской летописи¹⁷⁹.

Одним из авторов, которые строили свое повествование о битве на основе «Сказания о Мамаевом побоище», был А.Ф. Петрушевский. Автор

¹⁷⁸ Фармаковский В.И. Русская история с присовокуплением необходимых сведений из всеобщей истории. Изложено по способу Грубе. 2-е изд. Вятка, 1875. С. 64.

¹⁷⁹ Васильковский С.Н. Русская история в источниках. Пособие для средних учебных заведений. Ч. 1. М., 1880. С. 280 - 296.

вводит описание битвы в подробный контекст – излагает основы политики московских князей, показывает роль бояр при малолетнем князе Дмитрие, показывает Дмитрия как сильного государственного деятеля, который «крепит власть». Среди характерных его черт он называет воинственность и склонность к войне: «В войне искал счастья, война почти не прерывалась в его княжение»¹⁸⁰. Его жесткостью он объясняет победу Москвы в борьбе с Тверью, Рязанью, Литвой и Ордой. Кроме цитат из «Сказания о Мамаевом побоище», автор вставляет в текст фрагменты из народных песен. Полностью повторяя сюжет «Сказания о Мамаевом побоище», он завершает его нашествием Тохтамыша, заимствованным из летописи.

Главный итог битвы он видит в демонстрации силы единства: «Русская земля увидела, что может одолеть татар, что силы у нее на это хватит, если не уйдет эта сила на смуты и усобицы. Русские перестали смотреть на татарскую орду так опасно, боязливо, как прежде. Да и татары были уже не те, что в Батыево время: Куликовская битва много сбавила с них спеси»¹⁸¹. Текст проиллюстрирован изображением князя Серпуховского, который поздравляет Дмитрия Донского с победой.

В начале XX в. актуальным становится погружение в обстановку XIV столетия, появляются попытки художественного переосмысления образа битвы.

Одну из таких попыток предпринял А.Е. Разин и продолживший его дело В.И. Лапин. Их книга под названием «Откуда пошла русская земля» стала первой попыткой издания всей истории России в рассказах. Озаглавив ее цитатой древнерусского летописца Нестора, авторы создавали свою, новую, более актуальную для современности, взамен устаревшей летописной, историю России.

«Соблюдая историческую истину», авторы задумали «представить ее в беллетристической форме, соединяя знание исторических фактов с развитием

¹⁸⁰ Петрушевский А.Ф. Рассказы про старое время на Руси, от начала Русской земли до Петра Великого. 16-е изд. М., 1906. С. 99 - 103.

¹⁸¹ Петрушевский А.Ф. Рассказы про старое время на Руси...С. 108.

художественного вкуса». Как заметил И.А. Гончаров, «Эти рассказы занимательны для всех возрастов и понятны для всех степеней образования». Рассказ «Мамаево побоище» основан на вымышленном сюжете, в котором главными действующими героями являются люди XIV столетия, имена которых известны из древнерусских источников. Сюжет строится вокруг диалогов старого боярина Александра Даниловича Белевута – участника Куликовской битвы с новгородским кормчим и княжной Софьей Витовтовной. На страницах рассказа оживают многие участники Куликовской битвы – Александр Пересвет, Иван Квашня, Семен Мелик и многие другие. Одним из героев рассказа является Селиван Борисович Волынский-Боброк – внук Д. М. Боброка-Волынского. Действие сюжета разворачивается спустя десять лет после Куликовской битвы на Новгородской земле, что позволяет вспомнить и князя Александра Невского. Оценка значения победы выглядит двойственно. С одной стороны: «Здесь была не просто победа над какими-нибудь немцами на Чудском озере – это была орда, не один татарский отряд, а вся орда прикочевала на Куликово поле, и вся орда бежала от русской силы», 143-летнее рабство завершилось, Русь «просияла бессмертной славой, сама себе стала госпожой и над московским великим князем не стало больше ордынского царя»¹⁸². С другой стороны, победа была одержана слишком большой ценой – новое нашествие, которые устроил Тохтамыш, остановить уже не смогли – зароптали бояре и княжества, изменили, не пошли больше на помощь Москве; «совсем-было справился покойный князь Дмитрий, да народилась новая орда, и тяни опять ту же лямку...И народу вовсе не стало: какой был, весь потратили на Куликовом поле». Таким образом, снова присутствует традиционный сюжет о разорении Москвы Тохтамышем. Текст сопровождается иллюстрацией, изображающей поединок Пересвета с татаринцем. Автор настолько погружается в атмосферу эпохи, что, повествуя о ней, не называет имени татарина (Челубея), который начал битву.

¹⁸² Разин А.Е. Откуда пошла Русская земля и как стала быть: русская история в повестях. СПб., 1914. С. 696.

Особенностью этого издания можно считать то, что попытка автора детально отразить быт и менталитет человека эпохи Куликовской битвы приводит к включению в сюжет значительного числа бояр и акцентированию внимания на их роли в жизни княжеств того времени («дело сделали бояре с митрополитом Алексием»). Основным источником для повествования выступает «Сказание о Мамаевом побоище», переосмысленное и изложенное автором в художественной форме.

Описание Куликовской битвы в традиции «Сказания о Мамаевом побоище» характерно для сборника «Отечественные героические рассказы». В издании приведен план Куликовской битвы и два рисунка, изложены военные подробности, но при этом значение битвы не описано вовсе. Нехарактерным в целом для русских учебников является представление князя Олега и Ягайло как однозначных врагов Москвы¹⁸³.

В некоторых изданиях по русской истории рассказ о Куликовской битве не выделялась в отдельный параграф. Например, в «Рассказах по русской истории» сражение описано в контексте возвышения Москвы. Окончание периода зависимости от Орды связывается с временами Ивана III и отказом от выплаты дани. Акцент сделан не на военную победу, а на событие, имеющее следствием создание государства: «Победа эта не имела, впрочем, решительного значения: не раз еще после этого являлись татары под стенами Москвы и заставляли князей возобновить платеж дани. Тем не менее, Куликовская битва произвели сильное впечатление». Куликовская битва рассматривается как первая победа, проявление силы объединенного московского государства, предоставившая московскому князю авторитет освободителя от врагов¹⁸⁴.

Таким образом, всем рассмотренным выше изданиям характерна однозначная оценка итогов битвы: победы, одержанной большой ценой, которая не завершила период ига; присутствует мотив единства русских

¹⁸³ Отечественные героические рассказы. Сост. К.К. Абаза. Изд. 3-е. СПб., 1896. С. 38 - 49.

¹⁸⁴ Рассказы по русской истории. Общедоступная хрестоматия с рисунками. Составленная кружком преподавательниц под ред. С.П. Мельгунова и В.А. Петрушевского. М., 1909. С. 95.

княжеств. Вместе с тем, нашествие Тохтамыша стало неотъемлемой чертой образа сражения, заставляющей авторов быть осторожными в ее позитивных оценках.

Для школьной аудитории были написаны многочисленные рассказы на тему Куликовской битвы, дававшие яркое представление об этом событии и ее героях: «Кому из русских неизвестна куликовская битва? Нет в России ни одного селения, в котором бы не знали о Мамаевом побоище, о мужественном сопротивлении русских и о блистательной победе над Татарами»¹⁸⁵; «Поражение Татарских полчищ и спасение России Димитрием Донским известны всякому. Слава Куликовской битвы переживет отдаленные века»¹⁸⁶.

Тема Куликовской битвы нашла свое отражение на страницах детского журнала «Задуманное слово». Журнал был рассчитан на аудиторию старшего возраста. В 1882 году на страницах журнала была опубликована историческая повесть Кладо «Андрей Литовец» с 30-ю рисунками¹⁸⁷, повествующая об одном из героев Куликовской битвы, в 1896 году – исторический очерк И. Нестерова «Герой Куликовской битвы» с четырьмя иллюстрациями, изображающими русского всадника, битву, поединок и гробницу Пересвета и Осляби в Симоновском монастыре¹⁸⁸.

В журнале для детей под названием «Игрушечка» приводится рассказ «Куликовская битва»¹⁸⁹. Повествование завершается описанием традиции поминовения в Дмитровскую субботу и упоминанием памятника, воздвигнутого на месте сражения, приложено его изображение. Куликовская битва вписана в сюжет исторического романа Н. Полевого «Клятва при

¹⁸⁵ Иеродиакон Харлампий. Пятьсотлетие Куликовской битвы. М., 1880. С. 3.

¹⁸⁶ Историческое обозрение Нижнего Новгорода и его губернии // Журнал МНД 1840. № 6. С 378.

¹⁸⁷ Историческая повесть Кладо «Андрей Литовец» с 30-ю рисунками // Задуманное слово. Чтение для старшего возраста. Сост. Под ред. С.М. Макаровой. СПб., М., 1882. Т. 7. С. 1-72.

¹⁸⁸ Исторический очерк И. Нестерова «Герой Куликовской битвы» с четырьмя иллюстрациями, изображающими русского всадника, битву, поединок и гробницу Пересвета и Осляби в Симоновском монастыре // Задуманное слово. Журнал для детей старшего возраста. 1896. №12. С. 177-182.

¹⁸⁹ Куликовская битва // Игрушечка. 1880. №41, 42, 43.

Гробе Господнем. Русская быль XV-го века»¹⁹⁰, выдержавшего несколько изданий.

На страницах журнала «Юный читатель» содержался рассказ Юлии Безродной «Освобождение», напечатанный в нескольких выпусках. Автор пришел к следующему выводу: «Сын Дмитрия Донского, Василий, уже почти не платил дани татарам, хотя они продолжали ее у него требовать; а правнук его, великий государь Иван Васильевич, наконец, сбросил с себя навеки позорное иго»¹⁹¹.

Стоит отметить, что в рамках школьной программы учащиеся сталкивались с темой Куликовской битвы не только в рамках курса русской истории и русской словесности, но и арифметики. В одном из сборников при решении задач на вычисление времени приведен способ расчета времени, прошедшего от Куликовской битвы до Бородинского сражения¹⁹².

Переходя к рассмотрению 4-й группы изданий, стоит заметить, что Куликовская битва была одной из популярных тем для народных чтений. Объяснить это можно большим распространением брошюр о Куликовской битве и большой известностью этого события, легкой доступностью волшебных фонарей для устройства таких чтений.

Так, например, 1 февраля 1904 года в 4 часа вечера в Ключниковском начальном училище Ковровского уезда Владимирской губернии учительницей Анной Баскаковой прочитано «Татарское иго на Руси», сопровождавшееся световыми картинками и пением, при картине «Куликовская битва» хор пропел «Мы дружно на врагов». Слушателей было около 200 человек всех возрастов¹⁹³. Рассказы о Куликовской битве входили в программу чтений, проводимых в селах Тульской губернии¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Полевой Н. Клятва при Гробе Господнем. Русская быль XV-го века. М., 1900.

¹⁹¹ Безродная Ю. Освобождение // Юный читатель. 1899. № 40. С. 1206.

¹⁹² Арифметика. Сост. П. Миронов. Изд 2-е. Уфа, 1901. С. 88.

¹⁹³ Народные чтения в Ключниковском начальном училище (Ковровского уезда, Владимирской губернии) в 1903-4 г. // Вестник Владимирского губернского земства. 1905. № 2. С. 34.

¹⁹⁴ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 39803. Л. 118 об.

Имея ввиду большое нравственно-воспитательное значение рассказа о Куликовской битве, его включали во многие популярные издания XIX века. В качестве примера можно привести брошюру А.Ф. Петрушевского «Рассказы про старое время на Руси», 8-й выпуск которой содержал рассказ про Мамаево побоище¹⁹⁵. Значительная представленность темы Куликовской битвы в литературе для народа привела к широкой узнаваемости образа Куликовской битвы. Это позволяло многим авторам заключить: «Какая победа в древние и новые времена была славнее Донской, где каждый Россиянин сражался за отечество и ближних?»¹⁹⁶.

В учебной литературе имело место значительное влияние народных представлений о Куликовской битве, нашедших отражение в фольклоре. Широкое отражение битвы в народном фольклоре XIX века, который собирался и публиковался наряду с источниками – летописями и произведениями Куликовского цикла («Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище») внесло свой вклад в восприятие ее как «народной битвы». Упоминание в былинах способствует закреплению представления о Куликовском сражении как о победе, одержанной народом.

Рассуждая над формированием образа Куликовской битвы в учебных изданиях, стоит отметить, что в народной среде его черты накладывались на определенные характеристики, сформированные фольклором.

Б.Н. Путилов отмечает, что в русском фольклоре XIX века Куликовская битва стала образом эпическим, который далеко не всегда соотносился с конкретным сражением¹⁹⁷. Вместе с тем, топоним Куликово поле прочно вошел в ряд эпических мест, упоминаемых в былинах, балладах и исторических песнях. В былинах встречалось имя Мамаю, упоминалось «Мамаево побоище», хотя смысловое содержание былин могло не быть связанным с битвой 1380 года ни географически, ни исторически. В

¹⁹⁵ Петрушевский А.Ф. Рассказы про старое время на Руси. Вып. 8. Димитрий Донской и Мамаево побоище. В серии «Библиотека для школ и народа». М. 1915.

¹⁹⁶ Словарь добродетелей и пороков, с прибавлением некоторых достопамятных происшествий. Сост. Кн. П. Енгальчевым. СПб., 1828. Ч. 1. С. 145.

¹⁹⁷ Путилов Б.Н. Куликовская битва в фольклоре. С. 109.

народной среде бытовали духовные стихи о Дмитрие Солунском, в котором воспроизводится картина нашествия Мама на русский город. Духовные стихи создавались и культивировались в специфической среде, где наряду с художественной атмосферой фольклора жила и книжность, и устная церковная легенда¹⁹⁸. Вместе с тем, почитание Дмитрия Донского и официальные воспоминания о Куликовской битве на протяжении XIX и начала XX веков были связаны с образом Дмитрия Солунского. Поминовения по убитым на Куликовом поле совершалось в Дмитровскую субботу между 18 и 26 октября. Дмитрий Солунский был небесным покровителем Дмитрия Донского и в ситуации, когда Дмитрий Донской не был канонизированным святым, его почитание облекалось в форму почитания его небесного покровителя. И все же, в ряде изображений, миниатюр, опубликованных на страницах изданий XIX века, можно встретить единичные случаи изображения князя Дмитрия с нимбом, что свидетельствует о древней традиции его почитания (см. Приложение б).

Стоит отметить, что изображение Куликовской битвы было характерным для русской художественной традиции. Несмотря на то, что сюжеты, связанные с конкретными историческими событиями прошлого в рисованном лубке являются редкими, Куликовская битва нашла здесь свое отражение. Самый большой из рисованных лубков, сохранившихся до наших дней, написанный И.Г. Блиновым в 1890-х гг. по образцу печатного гравированного лубка конца XVIII в. с текстом «Сказания о Мамаевом побоище» посвящен этому событию¹⁹⁹.

В середине XIX в. был впервые поднят вопрос о достоверном изображении Куликовской битвы в академической среде. О том, что образ Куликовской битвы был актуальным, говорит факт появления во второй половине XIX века целого ряда полотен на тему Куликовской битвы. С одной

¹⁹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹⁹ Русский рисованный лубок. М., 1992. С. 13 – 14; Иткина Е.И., Кучкин В.А. Рукописный настенный лист с изображением Мамаева побоища // Куликовская битва в литературе и искусстве / отв. ред. А. Н. Робинсон. М., 1980. С. 168 – 170.

стороны, эти произведения отражают исторические представления людей той эпохи, в которую они создаются, с другой стороны, воздействуют на формирование исторических представлений следующих поколений.

Многочисленные дискуссии, возникающие во второй половине XIX в. в среде как художественных критиков, так и просвещенного общества, были основаны на разной трактовке источников. Они отражают неоднозначность самого образа битвы, сложившуюся в то время. Все возрастающее количество изданий о Куликовской битве, содержащих зачастую разрозненные, несогласованные друг с другом факты и отличающиеся в деталях описание битвы порождало появление разных точек зрения на то, каким должен быть образ этого сражения, на изображении каких его характерных черт стоит обратить внимание.

Однако все участники дискуссии сходились на том, что образ битвы нужно тщательно проработать и насытить деталями и подробностями – дискуссия шла лишь о степени изображения этих подробностей. Это свидетельствует о том, что во второй половине XIX века происходит осмысление образа Куликовской битвы – не только ее значения как абстрактной военной победы древности, как это было в первой половине столетия, но и характерных черт этого образа, которые раньше не подвергались анализу.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX веков Куликовская битва находит отражение в разных группах исторического нарратива – от художественных произведений, до рассказов в школьных учебниках и журналов для солдат. Теме Куликовской битвы посвящаются народные чтения, создаются художественные произведения. Во всем разнообразии форм нарратива можно выделить набор характерных черт образа Куликовской битвы. Это невыраженность, отсутствие подробно описанного «образа врага», слабо представленные образы непосредственных участников сражения. Среди героев битвы отмечаются князь Дмитрий Иванович, его соратники военачальники Владимир Серпуховской и воевода

Боброк-Волынский, святой Сергей и иноки, которые становятся неотъемлемыми чертами образа сражения.

Большинство авторов ограничиваются общим описанием, представляющим образ битвы как победу добра над злом. Все авторы солидарны в подчеркивании особенного, огромного масштаба битвы. Само же описание сражения, особенно в учебниках, имеет много сходства с былинным, иногда оно приводится с прямыми цитатами. Все авторы отмечают очень значительную роль церкви. Очень распространенной была трактовка итогов сражения через призму последующих событий – разорения Москвы Тохтамышем, возобновления уплаты дани. При этом большинство авторов признавали важность победы в Куликовской битве для истории российского государства.

1.3 Осмысление значения Куликовской битвы в трудах историков и общественных деятелей второй половины XIX - начала XX веков

На протяжении XIX столетия восприятие значения Куликовской битвы претерпевает существенные изменения. Во второй половине XIX столетия происходит усложнение содержания образа, имеющее следствием усложнение его восприятия и смыслового значения.

Так, поколение современников войны 1812 года воспринимало Куликовскую битву как одно из государствообразующих военных событий российской истории. В письме к М.М. Сперанскому В.А. Жуковский, обращаясь к наследнику престола, писал: «Государь Русский! Помни, что ты Русский! Помни Куликовскую битву, помни Минина и Пожарского, помни 1812 год!»²⁰⁰. Таким образом, Куликовская битва стояла в одном ряду с освобождением России от французов в 1812 году и освобождением России от нашествия поляков в 1612 году, воспринимаясь именно как событие, приведшее к освобождению от иноземного нашествия. Подобное отношение к результатам сражения можно увидеть на страницах популярных изданий. Например, В. Бурьянов писал: «здесь же впервые Россия увидела возможность свергнуть иго Татар, которые наконец почувствовали силу своих врагов и это то сражение положило, так сказать, основание окончательной победе нашего отечества над обессиленными Ханами; 1380 год и Куликово Поле будут всегда незабвенными для России»²⁰¹. В первой половине века Н.В. Савельев-Ростиславич писал о том, что «освобождение Руси было единственным желанием, мыслью всей жизни Дмитрия»²⁰². Ярким примером восприятия Куликовской битвы интеллектуалами начала XIX века служит сочинение Ф. Покровского (см. Приложение 1).

Особенное отношение к указанным выше событиям в обществе XIX столетия, а также связь, существовавшую в их восприятии, неоднократно

²⁰⁰ Письмо Жуковского к Сперанскому о воспитании Государя Александра Николаевича // Русский архив 1883. Кн. 1. М., 1883. С. 334.

²⁰¹ Бурьянов В. Прогулки с детьми по России. Ч. III. СПб., 1837. С. 416.

²⁰² Савельев-Ростиславич Н.В. Историческое значение и личный характер Дмитрия Иоанновича Донского. СПб., 1837. С. 30.

подчеркивалась исследователями на основе изучения письменных источников – публицистических и печатных материалов²⁰³. В изданной учителем тульской гимназии Ф.Г. Покровским брошюре «Дмитрий Донской – Великий князь Московский» в образе Мамаю представал перед читателем современный ему Наполеон; одной из задач автора было «соединить важные происшествия, разделенные великим расстоянием времени»²⁰⁴. «Некоторое сходство обстоятельств эпохи Мамаева побоища с современными великими отечественными событиями»²⁰⁵ неоднократно подчеркивали современники на страницах газет и журналов. «Бородино, Севастополь – вот имена, которые неразлучно представляются воображению русских» - писала газета «Русский инвалид»²⁰⁶. Во время обороны Севастополя не раз возникали образы героев войны 1812 г. и воинов далекой древности – Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского²⁰⁷.

Однако, во второй половине столетия намечается некоторое изменение восприятия Куликовской битвы. Ассоциировать итоги битвы стали с другими историческими событиями.

Как отметил Б.Б. Глинский, «Вся русская историография до XVIII столетия исходит из Киевского «Синописа», содержание которого вскрывает две тенденции читавшей его публики: православную (крещение) и национальную (Куликовская битва); сюда историки XVIII столетия присоединяют еще третью, государственно-монархическую»²⁰⁸.

Для второй половины XIX – начала XX столетий можно выделить ряд главных тенденций восприятия значения и итогов Куликовской битвы.

Главным образом эти тенденции, нашедшие потом отражение в массовой литературе, берут свое начало в трудах историков. Именно поэтому

²⁰³ Федотова М.С. Севастопольская оборона 1853-1856 гг. в пространстве памяти. С. 84-107; Ашурков В. Н. На поле Куликовом. 4-е изд. Тула, 1980.

²⁰⁴ Ашурков В. Н. На поле Куликовом. С. 79.

²⁰⁵ О памятнике, сооруженном на Куликовом поле великому князю Димитрию Ивановичу Донскому // Русская старина. 1880. Т. XXIX. С. 438.

²⁰⁶ Севастопольский обед // Русский инвалид. 1869. № 22.

²⁰⁷ Федотова М.С. Севастопольская оборона (1854-1855 гг.) в культурной памяти дореволюционной России. С. 63-64.

²⁰⁸ Исторический вестник. 1897. Ч. XVIII. С. 908.

целесообразно начать обзор с выводов, сделанных в трудах историков, после чего рассмотреть отражение этих выводов на страницах периодической печати, учебных изданий и энциклопедических словарей.

В трудах многих историков второй половины XIX в. центральной становится **идея возникновения национального самосознания** как основного фактора возникновения наций.

В труде С.М. Соловьева прослеживается представление значения Куликовской битвы в рамках концепции борьбы Азии с Европой. Историк характеризует значение сражения 1380 года как окончание периода господства «кочевых варваров» на Восточно-Европейской равнине вследствие усиления европейского государства. Сопоставление Куликовской битвы с поражением Атилы на Каталаунских полях и поражением арабов у Тура, приведенное С.М. Соловьевым²⁰⁹, можно было встретить на страницах многих изданий конца XIX века.

Мнение С.М. Соловьева разделяли многие современники, например, К.Н. Бестужев-Рюмин²¹⁰. Продолжил мысль С.М. Соловьева выпускник историко-филологического факультета Московского университета, преподаватель истории и географии в гимназиях Брянска, Рыбинска и Ярославля П.И. Мизинов. В своих рассуждениях он отталкивается от мысли становления национальных государств: «Наступил 19 век, век возрождения разных национальностей Европы: народы вернулись к прошлому, что было когда-то, но, казалось., заглохло на веки. Началось возрождение народных, национальных преданий...»²¹¹, и потому рассматривает значение Куликовской битвы как события, имевшего значение для становления нации.

Для теории возникновения национального государства необходим образ врага, в связи с чем П.И. Мизинов рассматривает Куликовскую битву в парадигме борьбы цивилизаций с варварами. Он оценивает ее как шаг к

²⁰⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 3. СПб. Изд 2-е., 1851. С. 980.

²¹⁰ Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т. I. СПб., 1872. С. 402.

²¹¹ Мизинов П.И. Славянские просветители IX века // Историко-литературные статьи и речи. Рыбинск, 1886. С. 21-22.

освобождению, пишет о ее результате, которым стало спасение европейской цивилизации²¹². Автор отмечает широкое отражение Куликовской битвы в народной памяти – былинах и лубках.

Рассматривая Куликовскую битву с точки зрения православного патриотизма, Н.И. Троицкий называет ее Русским Марафоном, где была «сломлена та же восточная, азиатская, дикая, страшная сила, какая низринулась на греков в виде персов, а на Русь в виде татар»²¹³.

Подобную позицию можно встретить в юбилейной речи Н.П. Барсова, сказанной в Варшаве 8 (20) сентября 1880 года. Автор характеризует Куликовскую битву как знаменательное событие не только в истории России, но и всей европейской цивилизации, отмечая, что она представляет собой один из эпизодов постоянной борьбы Европы с Азией. Для него характерно восприятие Орды как внешней силы, которая направляет ход событий, в борьбе с которой появляется русский народ. Поскольку Орда воспринимается как внешняя сила, не влияющая на внутренние процессы, Н.П. Барсов не разделяет мысли Н.И. Костомарова о влиянии власти ханов Золотой Орды на становление самодержавия на Руси. Вторая половина XIV века осмысливается Н.П. Барсовым как эпоха пробуждения народного сознания, причем инициатором борьбы выступает сам народ. Рассуждая о значении Куликовской битвы в русской истории, он называет ее поворотным пунктом в борьбе с Азией, связывает с ее итогами не только становление национального государства, но и будущее расширение границ Российской империи: присоединение Казанского и Астраханского ханств, Сибири и Средней Азии, освобождение балканских славян²¹⁴.

²¹² Мизинов П.И. Куликовская победа // Историко-литературные статьи и речи. Рыбинск, 1886. С. 48.

²¹³ Троицкий Н.И. Памятование об историческом прошлом в деле школьного воспитания // Тульские древности. Тула, 2002. С. 23.

²¹⁴ К пятисотлетию Куликовской битвы (8 сентября 1380 г.): лекция, читанная в пятисотлетнюю годовщину ее 8 (20) сентября 1880 г., при открытии курса русской истории, в Императорском Варшавском университете Н. П. Барсовым, э. о. профессором и библиотекарем Университета. Варшава, 1880. С. 24.

В.О. Ключевский также обращает внимание на большую роль народа в победе, одержанной на Куликовом поле²¹⁵. Историк подчеркивает военный фактор в становлении Российского государства: «Вся сила московского государства была в том, что «оно было народным лагерем, образовавшимся из боевой Великороссии Оки и верхней Волги и боровшимся на три фронта, восточный, южный и западный. Оно родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты»²¹⁶. По мнению историка, лидерство Москвы было обусловлено ее особенной ролью центра борьбы с Ордой, что, в свою очередь, было следствием географического расположения на территории Великороссии.

В ряде случаев Куликовская битва мыслится как отправная точка национального единства. В некоторых случаях, в годы Первой мировой войны, речь идет о политическом единстве русского народа, восходящему к временам Куликовской битвы: «Освобождение Руси после Куликова Поля и политическое единство русского народа, теперь окончательно осуществляемое»²¹⁷.

Мысль о важном значении национального самосознания находит отражение среди многих представителей образованного общества второй половины XIX века: «После куликовской битвы – идея политического возвеличивания Москвы, «третьего Рима», находит для себя широкую нравственную основу в росте национального самосознания, в страстном стремлении свергнуть постыдное иго. Быстро развивавшееся сознание политического могущества к концу XV века уже вполне определенно высказывается лучшими людьми времени еще до фактического свержения татарского ига: с этим игом уже не в силах примириться русское чувство»²¹⁸.

²¹⁵ Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства. Речь, произнесенная на торжественном собрании Московской Духовной Академии 26 сентября 1892 г. в память преп. Сергия. М., 1892.

²¹⁶ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 525.

²¹⁷ Прикарпатская Русь. С. 1000 // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. №45. Ч. Неоф. С. 1002.

²¹⁸ Чтения в обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете. XXI. Чтения по истории русской литературы проф. А. С. Архангельского. 1903. С. 53-54.

Идея возникновения национального самосознания находит отражение в трудах представителей военного дворянства. Так, например, в юбилейном издании, посвященном столетию Военного министерства, можно встретить следующий вывод: «Таким образом, уже при Дмитрии Донском, после Куликовской битвы, Московское княжество выросло в национальное Московское государство. Народность сознала свое единство, она почувствовала свою силу»²¹⁹.

Далее рассмотрим, как эта мысль нашла свое отражение на страницах учебных изданий второй половины XIX – начала XX вв.

В учебнике А.И. Богмана, в котором сделан вывод о том, что «Куликовская битва была до известной степени днем рождения национального Русского государства»²²⁰. Она породила народные песни и сказания, титул царя, легенды и стала достойным внимания событием национальной важности. А.И. Богман характеризует ее как «Одно из самых крупных столкновений Европы и Азии и имеющая поэтому интерес и для обще-европейской истории». По его мысли, битва получила громадное значение для Московского княжества как первое и очень заметное национальное предприятие в удельное время: Дмитрий «действовал против татар во имя не только московских, но и общерусских интересов, придал этим своей смелой борьбе народный, общерусский характер». Таким образом, с итогом битвы связывается становление внешней политики, направленной на защиту интересов всей Русской земли, политики уже самостоятельной, а не зависимой от татарских ханов.

Куликовская битва рассматривается А.И. Богманом в рамках княжения Дмитрия Донского; однако, наряду с описанием ее положительных итогов приведены и ее негативные последствия. Интересно отметить, как позитивная оценка передачи великого княжения Владимирского по

²¹⁹ Столетие Военного министерства 1802-1902. Гл. ред. ген. от кавалерии Д А Скалон. С. 20.

²²⁰ Богман А.И. Русская история: пособие для средних школ и самообразования. Ч. I. СПб., 1912. С. 167.

наследству у Д.И. Иловайского²²¹ контрастирует с негативной оценкой этого факта у А.И. Богмана, который трактует его как повод к новой усобице, начавшейся после смерти Василия Дмитриевича.

Интересно и соотнесение итогов Куликовской битвы с другим важным событием русской военной истории древности – взятием Казани. Он замечает, что «Взятие Казани имело громадное значение, еще большее, чем Куликовская битва. Подвиг Дмитрия Донского заключался в первом решительном отпоре, данном татарам, подвиг же Иоанна IV в первом решительном наступлении на них, в первом завоевании татарского царства»²²². Здесь встречается концепция, которую мы уже встречали в периодизации русской военной истории Н.Н. Сухотина, в которой этап оборонительный (до XVI века) сменялся этапом наступательным.

Автор одного из учебных изданий К.В. Елпатьевский пишет о том, что Куликовская битва не уничтожила иго, но способствовала объединению Руси под властью Москвы, усилила сознание национального и религиозного единства русских²²³.

Одновременно с этим в трудах некоторых авторов присутствует тенденция ограничивать значение Куликовской битвы исключительно рамками возвышения Москвы и обретения ею роли общерусского центра. Пример подобного подхода к осмыслению итогов битвы можно найти в учебнике А.Я. Ефименко, написанном для старших классов средне-учебных заведений. Автор был преподавателем русской истории на Санкт-Петербургских Высших Женских курсах, ставил своей целью «научное знакомство с общим ходом исторического процесса» в соответствии с трудами современных историков. Учебник был рассчитан на аудиторию, уже знакомую с элементарными фактами русской истории. Куликовская битва рассматривается в рамках одноименного параграфа, при этом сама битва не

²²¹ Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. Изд. 30-е. М., 1895. С. 79.

²²² Богман А.И. Русская история. С. 287.

²²³ Елпатьевский К.В. Учебник русской истории: с приложением родословной и хронологической таблиц и указателя личных имен. 8-е изд. СПб., 1903. С. 74.

описана совсем, не названы ее участники, представлен исключительно вывод о ее значении.

В организации военного противостояния с Ордой автор подчеркивает инициативу московского князя, подчеркивая, что эта борьба «не была вынужденной», приписывает Дмитрию мысль воспользоваться благоприятным моментом – ослаблением Золотой Орды в ходе смуты. Противостояние происходит при «полном сочувствии» всех русских князей, кроме Рязанского княжества, которое осталось в стороне из-за окраинного положения и опасности разорения. Итог выглядит непривлекательным, описывается в контексте последующего похода Тохтамыша: «Знаменитая Куликовская битва была победой, которая была куплена ценой потерь, ослабивших территорию не меньше, чем это сделало бы тяжелое поражение. Нашествие Тохтамыша и разорение Москвы показали, что силы Золотой Орды еще далеко не истощены, и что она может пока держать в руках свой русский улус»²²⁴. Сражение описано как эпизод именно московской истории, имеющий значение прежде всего для самой Москвы. Речь идет о становлении Москвы как национального центра - московский князь впервые выступил как национальный вождь всей северной Руси. Значение первого значительного отпора, данного Орде, было признано современниками, в результате передача Дмитрием Владимирского княжения по наследству была воспринята как факт «правильный и законный».

Подобным образом описан итог Куликовской битвы в учебнике бывшего директора Рязанской учительской семинарии А.Ф. Гартвига и преподавателя Подольского высшего начального училища Н.Т. Крюкова. Согласно позиции этих авторов, Куликовская битва не освободила русских от татарской неволи, доказательством чего служит разорение Москвы Тохтамышем. Вместе с тем, Куликовская победа имела важное значение - она показала всем, что Русь способна разбить врага в случае объединения всех княжеств. При этом «Люди разных княжеств стали теперь смотреть на

²²⁴ Ефименко А.Я. Учебник русской истории. СПб., 1909. С. 73.

Московского князя, как на своего единственного защитника и вождя против татар... Победив непобедимых, Дмитрий стал выше других князей, к нему, как к единому государю потянулись все русские люди, его столица Москва скоро стала столицей для всего русского народа»²²⁵. Таким образом, речь шла о моральном признании Москвы как общерусского центра, московского князя – как правителя всей Руси.

Но в качестве движущих сил этого национального объединения могли выступать разные акторы – народ, либо самодержавная власть.

Концепция появления самодержавия как основной силы, способствующей объединению разрозненных русских княжеств в единое государство, не была чем-то новым. Концепция самодержавной власти как стержня российской государственности уже существовала во времена Карамзина, который стал одним из самых ярких ее выразителей.

Найдя свое воплощение в знаменитой триаде «православие-самодержавие-народность», она продолжила существовать во второй половине XIX столетия.

Во многих изданиях популярного характера, учебной литературе подчеркивалось значение в этом процессе православной веры как государственно-образующей религии, имеющей роль идеологической конструкции. Во многих учебниках рассказ о битве завершался упоминанием зародившейся после нее традиции поминовения воинов в Дмитровскую субботу.

На страницах научно-популярных изданий можно было встретить мысль о том, что освобождение Руси стало возможно благодаря активному участию православной церкви и поддержке ей зарождавшегося самодержавия. Подчеркивалась роль святителя Алексия, преподобного

²²⁵ Гартвиг А.Ф., Крюков Н.Т. Учебник русской истории для высших начальных училищ и торговых школ. Книгоизд-во К.И. Тихомирова. М., 1914. С. 76.

Сергия, которые поддерживали князей в «предварительных опытах борьбы с татарами»²²⁶.

Во второй половине XIX в. и начале XX в. идея зарождения после Куликовской битвы самодержавной власти московских государей использовалась в основном в церковной риторике. Так, например, протоиерей И. Соколов оценивал итог Куликовской битвы следующим образом: «победа положила начало свержению татарского ига, потом объединению уделов под державною рукою Московского княжества и собранию всей Русской земли в то единое целое, которое, постоянно и постепенно укрепляясь внутри и расширяясь в пределах своих, возросло наконец в величайшую мировую державу Российскую. Московские князья Даниил, Иоанн Калита, Дмитрий Донской – родоначальники ныне царствующего дома Романовых – имена «собирателей» русской земли»²²⁷.

В наиболее полном виде эта идея нашла отражения в учебниках для народного чтения. Так, например, представляется итог Куликовской битвы в рассказе И. Кулжинского «Дмитрий Донской и битва Куликовская»: «Хотя Куликовская победа не освободила еще Россию от Татарского владычества, но она убедила всех Русских, что нет для России другого спасения, как Единодержавный и Самодержавный Государь»²²⁸.

Ответы на актуальные вопросы современности приверженцы этой консервативной позиции искали именно в примерах прошлого. Сильное государство возможно лишь при крепкой самодержавной власти, направляемой и укрепляемой церковью – именно такую модель взаимодействия князя Дмитрия Ивановича и Св. Сергия передает неизвестный нам автор статьи «О том, какую главную задачу поставил пред пастырями минувший год», необычайно популярной во многих

²²⁶ Корсунский И. Государственное значение церковно-приходской школы М., 1888. С. 25 - 26.

²²⁷ Прот. И. Соколов. Вопрос о царском самодержавии в истории священной и отечественной и в современной жизни (по поводу современного шатания умов). Из чтения в Императорском Лицее 13 декабря 1904 года. // Ярославские епархиальные ведомости. 1905. №2. Ч. неоф. С. 27.

²²⁸ Кулжинский И.Г. Рассказы из русской истории. Сочинение для простонародного чтения И. Кулжинского. СПб., 1853. С. 46.

периодических изданиях 1905 года. Автор статьи напоминает читателям о том, как собиратели Руси укрепляли самодержавную власть – «московские митрополиты, святой Сергий церковными прещениями и закрытием храмов и «благоуветными беседами» смирял под крепкую руку Димитрия противившихся ему князей – Нижегородского и Рязанского. Он же, по некоторым сказаниям, был вдохновителем духовного завещания князя, утвердившего новый порядок престолонаследия – тот порядок, который составляет опору и основу единодержавия и самодержавия»²²⁹.

Приверженцы церковной традиции видели современные события через призму событий прошлого, искали в них смысл, ответы на современные вопросы, наделяли чертами идеала, искали те сильные стороны, которые могли преодолеть современные трудности. Именно этим можно объяснить столь частое обращение к образу Куликовской битвы в периодических изданиях времен войн и революций начала XX века.

На страницах некоторых изданий можно встретить трактовку итогов Куликовской битвы как события, заложившего основы для развития самодержавной власти московских государей: «...раз государь и население смотрели на государственную власть, как на вотчинную, как на власть собственника, то, конечно, она (власть) была ничем неограниченной и сильной. К такому характеру московского самодержавия впоследствии прибавилась еще одна важная черта: уже после Куликовской битвы русские люди увидели в московском государе защитника всей Руси и всего русского народа, а в дальнейшем такой взгляд все больше утверждался; как представители целого народа, отдельной нации (а не только «своей» земли), московские государи почувствовали себя особенно гордо»²³⁰. При этом развитие этой мысли приводило к выводу о противоречиях между князем и его окружением: «После Куликовской битвы московские государи считали

²²⁹ Какую главную задачу поставил пред пастырями минувший год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Ч. Неоф. 1905. №3. С. 51; Ближайшая задача русских пастырей (извлечено из статьи «О том, какую главную задачу поставил пред пастырями минувший год») // Черниговские епархиальные известия. Ч. Неоф. 1905. №7. С. 227.

²³⁰ Гимназия на дому: средне-учебное заведение заочно. Вып. 6. Пг., 1917. С. 118.

себя защитниками всей Руси и всего русского народа и представителями нации. Такое укрепление самодержавной власти московских государей шло в разрез со стремлениями и взглядами некоторых слоев русского общества того времени (бояр и бывших князей)»²³¹.

В целом же вопрос взаимоотношения князя и бояр, их роли в этом событии не имел однозначной оценки. Так, к недостаткам брошюры В. Прозоровской «Дмитрий Донской» – некоторые авторы относили «возвеличение личности Донского, происшедшее оттого, что мало обращено внимания на роль бояр в это время»²³². В учебниках П.Н. Полевого участниками битвы названы князья, бояре, воеводы, подчеркивается, что великий князь сражался в рядах простых воинов²³³. В московском войске сражаются подвластные Москве князья белозерские, ростовские, ярославские и муромские, а также ополчение тверское и владимирское, двое литовских князей. В большинстве учебников состав русского войска не описан вовсе. Из участников битвы, кроме великого князя, упомянуты почти исключительно командиры Засадного полка. Упоминания о князьях, бывших участниками сражения, содержались во многих энциклопедических словарях конца XIX-начала XX вв.. Так, например, помимо имен командиров Засадного полка в них можно было найти упоминания князей Андрея Ольгердовича, Корибута (Дмитрия) Ольгердовича, Андрея Федоровича Стародубского, Михаила Андреевича Бренка, Иоанна Васильевича, Иоанна Федоровича Белозерского, бояр Ивана Родионовича Квашни и Федора Андреевича Кошки. Их имена, однако, не были собраны в одной статье, находились в разных частях и даже томах энциклопедий.

Довольно однозначно и прямолинейно итог Куликовской битвы выглядит во многих трудах военных теоретиков.

²³¹ Там же. С. 232.

²³² Указатель книг для детского чтения (в возрасте 7-14 лет): Для родителей, воспитателей, учителей и учительниц нач. шк. и гор. уч-щ, и для обществ. учреждений, ведающих дело нар. образования / А.Е. Флеров и В.С. Мурзаев. Вып. 1. Изд. 2. М., 1916. С. 99 - 100.

²³³ Полевой П.Н. Иллюстрированные рассказы из отечественной истории с портретами и картами в тексте для начальных школ. СПб., 1892; Полевой П.Н. Русская история для мужских средних учебных заведений. 5-е изд. СПб., 1903.

Так, Н.Н. Сухотин оценивает битву как «час освобождения Руси от монголов». В созданной им периодизации военной истории России, в которой периоды выделялись по изменениям целей войн и противников, это событие завершает второй период, после которого начинается долгая борьба, постоянный отпор нападениям – вынужденный отсутствием сил на наступление. Интересна и следующая характеристика - «...рать 180 000 человек наносит первый удар монголам – их полумиллионному полчищу»²³⁴. В ряду идеалов русских военных деятелей, которых объединяли служение общему делу, «самоотверженное приношение личных интересов, личности, самой жизни в пользу государства, в пользу России», автор называет князей Святослава, Дмитрия Донского, Кутузова, Радецкого и Петра Великого.

Однозначную оценку итога битвы как победы, одержанной русскими, можно встретить на страницах учебника П.Н. Полевого. Однако, освобождение от татарского владычества связывается с именем Ивана III²³⁵. Автор привел описание боев под Шипкой, обороны Севастополя, войны с Наполеоном 1812 года, походов Суворова, битвы под Полтавой, подвига Сусанина, Пожарского и Минина, взятие Казани. Издание сопровождалось рисунками выдающихся государственных и военных деятелей каждой из отмеченных эпох.

При описании событий древнерусской истории в учебнике П.Н. Полевого значительное внимание уделяется роли христианства. Если в описании событий Нового времени описаны биографии светских деятелей, то при изложении событий IX – XV веков значительный объем занимают биографии святых. По сравнению с описанием Невской битвы и Ледового побоища, деятельности Александра Невского (4 листа), описание Куликовской битвы представлено в подробном контексте возвышения Москвы (14 листов). Описанию Куликовской битвы посвящено 3 листа, на которых, в том числе, имеется изображение поединка Пересвета и Темир-

²³⁴ Сухотин Н. Н. Война в истории русского мира. СПб., 1898. С. 6.

²³⁵ Полевой П.Н. Иллюстрированные рассказы из отечественной истории с портретами и картами в тексте для начальных школ. СПб., 1892. С. 70.

Мурзы. Численность войск с обеих сторон оценивается в более чем 200 тысяч человек, которые сражались на пространстве 10 верст. Социальный состав войска описан исключительно как «русские» (в форме «Русские») - здесь нет упоминаний ни князей, ни бояр, ни простого народа. Из героев битвы упомянуты командиры Засадного полка. Детально описан сюжет с обнаружением раненого князя Дмитрия после завершения боя. Итог сражения оценен однозначно: «Победа была полная!». Рассказ завершается описанием традиций поминовения павших в бою воинов – Дмитриевской субботы, появление «Задонщины», прозвищ полководцев «Донской» и «Храбрый». Интересно упоминание факта о том, что «в царствование Императора Александра II, в воспоминание о победе Дмитрия Донского над Мамаем, на Куликовом поле был воздвигнут памятник воинам, павшим в Куликовской битве»²³⁶. Стоит иметь в виду, что памятник был возведен и открыт при императоре Николае I, но в данном случае этот факт приписывается Александру II. Скорее всего, в сознании некоторых современников празднование юбилея 1880 года соединилось с открытием памятника, о котором до юбилея широкой общественности было почти ничего не известно.

Если для первой половины XIX века была свойственна трактовка главного итога Куликовской битвы как освобождения от ига, то во второй половине столетия она становится не столь однозначной. Напротив, во многих изданиях подчеркивается, что освобождение от ига не является одним из результатов Куликовского сражения.

Неоднозначно оценивалась и степень зависимости Руси от Орды после Куликовской битвы. С одной стороны, было широко распространено априорное суждение «все знают, что куликовская битва не покончила дела с ордой»²³⁷, которое можно было встретить на страницах газет и с которого начиналось описание результатов битвы во многих изданиях XIX века.

²³⁶ Полевой П.Н. Иллюстрированные рассказы... С. 61.

²³⁷ Биржевые ведомости. 1862. № 248. С. 1069.

В некоторых случаях авторам учебных изданий даже ставят в вину неясное описание итогов битвы: «г. Покровский не развил до конца данную тему, опустив рассказ о том, чем кончилась попытка Дмитрия Донского; вследствие этого у детей может составиться убеждение, что иго было им свергнуто. Для избежания такой неверности представления, следовало бы сказать, что войска после битвы разошлись, чем татары и воспользовались, и теперь уже только нечаянными нападениями заставили русских снова платить дань»²³⁸. При этом признавалось, что для учеников I класса данный материал является и без того довольно сложным²³⁹.

В большинстве изданий XIX века встречается оценка Куликовской битвы как одного из важных рубежей в деле свержения монголо-татарского ига. Так, например, словарь под редакцией Ф.Ф. Павленкова содержал информацию о том, что «Иго монгольское – тяготело над Русью 237 лет (1243 – 1480)»; «Увеличившееся могущество Москвы и ослабление орды внутренними раздорами значительно ослабили узы рабства. Куликовская битва, 1380, показала, что Русь может бороться с монголами. Наконец, Иоанн III окончательно свергнул иго монгольское...»²⁴⁰.

Акцент на основной итог Куликовской битвы как освобождение от власти монголо-татар во второй половине XIX в. встречался далеко не всегда, но в официальных речах можно было слышать, как «положено твердое основание к свержению бывшего над нами ига Монгольского»²⁴¹. Такая трактовка встречается в основном в речах духовенства. Так, «зарей» освобождения России от трехсотлетнего татарского ига считает главный итог битвы архиепископ Арсений²⁴².

²³⁸ Протоколы Комиссии преподавателей истории и русского языка средних учебных заведений г. Тифлиса. Изд. 2-е, Тифлис, 1903. С. 32 - 33.

²³⁹ Там же. С. 32.

²⁴⁰ Павленков Ф.Ф. Энциклопедический словарь. С. 815.

²⁴¹ Высокопреосвященного Макария, Архиепископа Донского и Новочеркасского, Его Императорскому Высочеству, благоверному Государю, Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему, прибывшему в Новочеркасск 13 мая 1890 года // Донские епархиальные ведомости. 1890. №13. Ч. Неоф. С. 500.

²⁴² Речь, по случаю празднования 500-летия русской артиллерии. Сергей, Дмитрий, Куликовская битва зря освобождения России от трехсотлетнего татарского ига // Собрание слов и речей высокопреосвященного Арсения (Брянцева), архиепископа Харьковского и Ахтырского, говоренных в разных местах его служения. Т. 2. Кн. 1. Харьков, 1908. С. 66.

При этом представления о завершении периода монголо-татарского ига также не отличались единством. Например, в издании, посвященном столетию Военного министерства, утверждалось, что «полное свержение всякой власти Татар, теперь, очевидно, стало вопросом времени – и осуществилось это давно желанное событие ровно через сто лет, в 1480 г., при правнуке Дмитрия Иоанновича Донского, при вел. кн. Иоанне III Васильевиче»²⁴³. В другом издании можно встретить другую дату: «избавиться окончательно от монгольского ига удалось уже значительно позже (в 1502 году)»²⁴⁴.

В попытке найти выход из логического тупика о том, что битва не освободила от ига, предпринимались попытки осмысления значения битвы в глобально-исторической перспективе. Так, например, автор популярных исторических рассказов Д.Л. Мордовцев прямо писал о том, что значение Куликовской битвы было не в свержении ига, а в том, что она определила ход дальнейших событий на века: «победа куликовская нравственным влиянием на дух народный стала как-бы первообразным событием не только освобождения Руси от татар, но и обратного покорения первой последних – господства славянского племени над завоевательными и разрушительными племенами Средней Азии»²⁴⁵. Таким образом, значение Куликовской битвы в восприятии писателей XIX века иногда сводилось к ее **прогностической роли**.

Мысль о том, что Куликовская битва определила вектор внешней политики российских правителей в сторону последующего покорения улусов Золотой Орды проводится уже в сочинении Г.В. Геракова. После страшного сего сражения продолжавшегося 10 часов, Россияне хотя не освободились из-под ига Татарского, но перестали платить подать. Правнук Донского Иван Васильевич не только освободил Россию, но и покорила некоторые царства

²⁴³ Столетие Военного министерства 1802-1902 Гл. ред. ген. от кавалерии Д.А. Скалон. С. 20.

²⁴⁴ Чтения в обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете. XXI. Чтения по истории русской литературы проф. А.С. Архангельского. 1903.

²⁴⁵ Мордовцев Д.Л. Мамаево побоище: историческая повесть. М., 1881. С. 164.

татарские»²⁴⁶. Как особую веху в истории отношений Европы и Азии рассматривает Куликовскую битву автор книги об истории Хивинского похода 1873 года: «Куликовская битва... была поворотным пределом в истории отношений Восточной Европы с Азией. Распространение влияния последней на запад прекращается и, наоборот, начинается сперва медленное, едва заметное наступательное движение России на восток...²⁴⁷». В тексте автор проводит связь битвы с современными ему событиями: «Какие печальные следы ни оставило татарское владычество над Россией, оно имело, однако и ту полезную сторону, что ознакомило правителей государства с политическим и общественным строем, нравами и обычаями азиатского мира. Знакомство это послужило русским государям основанием для последующей политики их в отношении к Средней Азии, которую они вели с искусством, немислимим без обстоятельного усвоения ими как хороших, так и слабых сторон государственного устройства восточных народов».

Для рассмотрения вопроса о том, какие оценки итогов Куликовской битвы существовали в массовом сознании представителей образованного общества в XIX – XX вв., наиболее удобно обратиться к статьям энциклопедических словарей. Во-первых, описание итогов битвы приведено в них в максимально лаконичном виде. Во-вторых, в них включали общепринятые и только необходимые в обыденной жизни знания. Вот как описывал свою задачу автор одного из энциклопедических словарей начала XX века: «При подборе слов имелись ввиду практические запросы обыденной жизни, в текст вносилось только то, что считалось необходимым для сподручных настольных справок читателю книг, газет и журналов – общее предпочиталось специальному, а из специального брались такие части, которые уже стали, так сказать, достоянием общей печати. Объяснения и толкования слов приведены в возможно сжатом виде, при чем особенное

²⁴⁶ Гераков Г.В. Твердость духа русских. Петроград, 1804. С. 67.

²⁴⁷ Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873 г (из официальных источников). СПб., 1900. С. 9.

внимание обращалось на правильное изложение фактических данных»²⁴⁸. В конце XIX-начале XX вв. энциклопедический словарь был одним из самых востребованных видов изданий: «Надобность в Энциклопедическом Словаре, особенно в наше время общего подъема народного самосознания и пробуждения в массах интереса к самообразованию, ощущается во всех слоях общества и на всех ступенях развития»; доступная цена делала словарь полезным «и при наличии многотомных и обширных энциклопедий».

Как правило, авторы словарей связывали факт продолжения зависимости Руси от Орды после Куликовской битвы с последующим нашествием Тохтамыша. Вот, например, как описан итог Куликовской битвы в «Русском энциклопедическом словаре»: «Куликовская битва не повела к окончательному освобождению Руси от Татар, так как через два года после нее Тохтамыш, новый хан Золотой Орды, опять поработил ее. Но Куликовская победа имела нравственное влияние на дух народный»²⁴⁹. Во «Всенаучном словаре» также можно было встретить вывод о большом моральном влиянии битвы: «Хотя эта битва и не послужила к окончательному свержению монгольского ига, но она имела огромное нравственное влияние на русских»²⁵⁰. Этот же вывод повторен в другом издании начала XX века²⁵¹.

В связи с тем, что итоги Куликовской битвы неизменно описывались в контексте последующего разорения Москвы Тохтамышем, попытки объяснить важность этого события находились разные. Так, например, в словаре Ф.Ф. Павленкова можно встретить следующее суждение: «выигранная русскими, битва не повела к окончательному освобождению России от татарского ига, так как чрез 2 года Тохтамыш снова поработил Русь; но она имела огромное значение, так как впервые здесь русские взяли

²⁴⁸ Предисловие // Энциклопедический словарь общепольных сведений по всем отраслям знания с общедоступным объяснением значения иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык. Составил Ильин. М., 1908.

²⁴⁹ Русский энциклопедический словарь / гл. ред. Н. Березин и др. Т. 5: И – Кяхта. М., б. г. С. 466.

²⁵⁰ Всенаучный словарь. С. 998.

²⁵¹ Энциклопедический словарь общепольных сведений... С. 179.

верх над татарами». То есть, в данном случае значение битвы определяется как первая победа русских войск над татарскими²⁵².

В некоторых изданиях можно встретить оценку Куликовской битвы как переломного момента в отношениях с Ордой: «Русские понесли страшный урон (пало $\frac{3}{4}$ войска, 4 князя, 13 бояр, а сам великий князь был ранен), но в конец подорвали господство татар»²⁵³. При этом, главное значение битвы виделось в изменении внутренней иерархии власти на Руси, а в международном контексте – в спасении Европы (вывод С.М. Соловьева): «К победа имеет такое же значение во всемирной истории, какое имели Каталунская и Торская победы: она спасла Европу от нашествия азиатцев; в частности, в русской истории она послужила доказательством нового порядка вещей, начавшегося на северо-востоке Руси: младшие князья, оставив распри, стали подручниками старшего, великого князя, под предводительством которого и победили грозного врага».

В общественном сознании с правлением князя Дмитрия связывался также факты многочисленных изменений в военной и государственной жизни: появление серебряной мелкой монеты и огнестрельного оружия в войсках²⁵⁴, появление полков в российской войске²⁵⁵.

Наряду с оценками, подчеркивающими важность значения Куликовской битвы для истории России, во второй половине XIX столетия присутствуют и другие оценки, показывающие неоднозначность восприятия этого события.

Так, в изложении Н.И. Костомарова Куликовская битва выглядела как событие спонтанное, внезапное и не имеющее особенного значения, что возмутило многих публицистов и общественных деятелей²⁵⁶. В печати

²⁵² Павленков Ф.Ф. Энциклопедический словарь. С. 1119.

²⁵³ Настольный энциклопедический словарь. Т. IV. М., 1892. С. 2498.

²⁵⁴ Павленков Ф.Ф. Энциклопедический словарь. С. 668; Всенаучный словарь. С. 573.

²⁵⁵ Взгляд на постепенное усовершенствование военной науки // Энциклопедический альбом, заключающий в себе собрание разных любопытных сведений и исторических обозрений наук, художеств, торговли и проч. Сост П. Машковым. СПб., 1835. С. 123.

²⁵⁶ Вспомнилось 17 октября. Внутреннее обозрение // Русская мысль, 1906 №11. С. 160; Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 463.

разворачивается полемика между Н.И. Костомаровым и М.П. Погодиным, которая вызывает большой общественный резонанс.

М.О. Коялович стал одним из авторов, который выступил в защиту героического образа Дмитрия, сложившегося в общественном сознании России первой половины XIX века. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, преподаватель Рижской духовной семинарии, Петербургской духовной академии, с 1868 г. он преподавал на кафедре русской гражданской истории. Он писал: «Мы не могли никогда понять, каким образом мог быть поднят вопрос о храбрости Димитрия и его честности по отношению к Бренку»; «Что же касается Бренка. То мы считаем даже странными ссылки на подобные извинительные случаи из жизни западноевропейских полководцев. Наш русский князь XIV века выше их, и не нуждается в сравнении с ними»²⁵⁷. Несколько трудов М.О. Кояловича затрагивают тему Куликовской битвы²⁵⁸. Они представляют собой интересное и самобытное явление.

В сочинениях М.О. Кояловича прослеживается мысль о большой роли Куликовской битвы в становлении национальной идеи. Однако, в отличие от однообразной трактовки его современников, он соотносит и показывает роль не только народных сил, но и государственных людей. М.О. Коялович стал одним из авторов, который отводил большую роль образованию подле престола московских князей общественной силы – «большой сборной силы русских государственных людей», которая сделала возможной одержать победу на Куликовом поле. При этом значительная роль отводится и народу: «...настали такие времена, что только общественная, народная поддержка могла спасти московскую государственность». М.О. Коялович приводит много интересных рассуждений о подготовке битвы, наделяя участников битвы яркой характеристикой и объясняя их поступки практичностью и

²⁵⁷ Коялович М.О. Куликовская битва и ее значение в истории русской государственности и русской церкви. СПб., 1880. С. 27.

²⁵⁸ Коялович М.О. Куликовская битва и ее значение...; Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.

целесообразностью. Так, например, «Дмитрий, подобно Александру соединял в себе доблесть и практичность». Интересна его трактовка итогов битвы. Признавая общепринятый факт о том, что Куликовская битва не свергла иго, он ставит акцент на другом ее итоге – становлении московского государства²⁵⁹.

В сочинениях революционных демократов второй половины XIX в. – Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова Куликовская битва рассматривалась в контексте национально-освободительного движения. Они представляли победу в сражении как результат действия народных масс Руси²⁶⁰. Рассматривая сражение через призму публицистики, они видели в победе над войском Мамаея отражение героической борьбы русского народа, а не закономерное следствие политики московских князей по собиранию русских княжеств, отрицая триаду «православие – самодержавие – народность» как один из конструктов национального самосознания. Таким образом, в их трудах замечается «антикоммеморативная» тенденция. И.С. Огоновская²⁶¹ пишет о том, что «антикоммеморативные практики» обладают деструктивным потенциалом. С одной стороны, оценки Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова представляют собой попытки нового осмысления хорошо известного образа, с другой – разрушение сложившейся традицией, долгое время остававшегося неизменным, базировавшемся на «Сказании о Мамаевом побоище» образа битвы. Протест В.Г. Белинского против «Сказания...» можно рассматривать как реакцию на память как таковую. Оценки революционеров-демократов окажут значительное влияние на формирование нового образа Куликовской битвы в первые годы советской власти.

Появление новых исторических романов, возрастание числа художественных произведений приводит к деструктуризации единого образа

²⁵⁹ Коялович М.О. Куликовская битва и ее значение...С. 28 – 29.

²⁶⁰ Горский А.Д. Куликовская битва в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 27.

²⁶¹ Огоновская И.С. Коммеморативные практики...С. 240.

битвы и разделению его на отдельные образы, более характерные для той или иной общественной группы.

Наличие нескольких прямо противоположных оценок значения Куликовской битвы представляет собой первую попытку разрыва традиции, существовавшей в историографии Куликовской битвы и восходящей к XVI веку. О.А. Амелькин рассмотрел проблему столкновения мировоззрений представителей разных сословий и слоев общества, обращаясь к дискуссии старообрядца Д.В. Аверкиева и нигилиста Д.И. Писарева, которые по-разному представляли значение Куликовской битвы в истории России. Ранее этот вопрос подробно рассмотрела О.А. Державина²⁶². Их оценки этого события отражают представления и системы ценностей разных общественных групп, не совпадающие и прямо противоположные в своей основе. Если для представителя революционно-демократического лагеря Д.И. Писарева первостепенное значение для победы над войском врага имела роль народа, то для христианина-традиционалиста Д.В. Аверкиева – православная вера.

Признание значительного воздействия церковной составляющей образа битвы на ход последующих событий русской истории было свойственно не только для представителей старообрядчества. Рассуждая о сохранении в народной памяти такого события как Куликовская битва, В.О. Ключевский подходит к мысли о своеобразной, религиозно-мифологической интерпретации Куликовской битвы в народном сознании: «Время давно свеяло эти дела с народной памяти, как оно же глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов. Но память святого пустынножителя доселе царит в народном сознании, как гроб с его нетлеющими останками невинно стоит на поверхности земли». Историк подчеркнул, что из

²⁶² Державина О. А. Куликовская битва в русской драматургии второй половины XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 247 – 257; Державина О.А. Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). М, 1990.

куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей.

В 1912 году тульский чиновник, дворянин князь А.Н. Шаховской издал книгу «Что нужно знать каждому в России»²⁶³. Книга была рассчитана на патриотическое воспитание молодежи, кроме общепользных сведений о государственных символах и законах содержала исторические рассказы и сведения, среди которых, наряду с событиями русско-турецкой войны, Отечественной войны 1812 года, подвигом Ивана Сусанина было изложено описание Куликовской битвы. Заметим, что это событие излагалось самым первым, сразу за ним следовали события Смутного времени. Важно отметить, что автор избегает описания значения битвы, настраивая читателя на победный лад и сообщая лишь о больших потерях русского воинства. В качестве литературы для написания рассказов он опирался на «Историю» С.М. Соловьева, однако в этом популярном издании отсутствуют выводы историка о всемирно-историческом значении битвы. Таким образом, здесь нашел отражение его личный взгляд на Куликовскую битву как одно из государственно-важных событий русской истории.

Таким образом, на протяжении второй половины XIX – начала XX веков образ Куликовской битвы отличался неоднородностью, содержал много смыслов, в связи с чем в разных формах коммеморативных практик могла подчеркиваться отдельная характеристика образа, актуальная в конкретный момент.

В трактовке значения Куликовской битвы можно найти несколько главных идей, отражающих восприятие этого события.

Если для первой половины XIX века была свойственна трактовка главного итога Куликовской битвы как освобождения от ига, то во второй половине столетия она становится не столь однозначной. Напротив, во многих изданиях подчеркивается, что освобождение от ига не является одним из результатов Куликовского сражения. В большинстве изданий XIX

²⁶³ Шаховской А.Н. Что нужно знать каждому в России. СПб., 1912.

века встречается оценка Куликовской битвы как одного из важных рубежей в деле свержения монголо-татарского ига.

Во второй половине XIX века усложняется и приобретает множество смыслов трактовка главного результата битвы как освобождения от ордынского ига.

В трудах многих историков второй половины XIX в. значение Куликовской битвы рассматривается через призму возникновения национального самосознания как основного фактора возникновения наций. В качестве движущих сил национального объединения в трудах разных авторов выступали разные акторы – народ, либо самодержавная власть.

В контексте национально-освободительного движения Куликовская битва рассматривалась в сочинениях Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова.

Ряд авторов полагают, что главным значением Куликовской битвы стало усиление московского княжества и обретение им положения центра объединения русских земель.

В некоторых изданиях значение Куликовской битвы иногда сводилось к ее прогностической роли, определяющей последующий рост Российского государства и присоединение территорий Золотой Орды. В рассматриваемый период предпринимается попытка оценить значение Куликовской битвы во всемирно-историческом контексте.

В целом, публикация произведений «Куликовского цикла», возрастание числа художественных произведений на тему Куликовской битвы приводит к деструктуризации единого образа битвы и разделению его на отдельные образы, более характерные для той или иной общественной группы. Это приводит к актуальности образа Куликовской битвы и легкой его адаптации для представителей разных социальных групп и сословий.

К факторам, влияющим на актуальность события прошлого, можно отнести отражение интересов, идеалов разных сословий общества. Широкое смысловое содержание образа битвы привело к тому, что в образе

Куликовской битвы 1380 года нашли отражение аксиологические ценности разных сословных групп – дворянства, церкви, крестьянства.

Другой причиной популярности и актуальности образа Куликовской битвы на всем протяжении периода – в постоянной трансформации содержания образа.

Широкая трактовка результатов и последствий битвы становится причиной все новых обращений к попыткам ее осмысления, что, в свою очередь, порождает возникновение новых смыслов и наполняет содержание образа новыми чертами. Неоднозначность оценок события становится одной из причин популярности обращения к образу, в том числе в форме развития комплекса коммеморативных практик.

Таким образом, место Куликовской битвы в коммеморативной культуре России второй половины XIX – начала XX веков определялось ее значением как одного из определяющих событий русской истории.

В период второй половины XIX – начала XX веков Куликовская битва нашла широкое отражение в нарративной коммеморативной практике. Наиболее характерные черты образа Куликовской битвы, такие как представление о общенародном войске и особом масштабе битвы нашли свое отражение в учебных изданиях. Основными источниками образа, представленного на страницах учебных изданий, служили летописи и «Сказание о Мамаевом побоище».

Трансформация и изменение традиционного восприятия битвы, основанного на «Сказании о Мамаевом побоище» были вызваны расширением источниковой базы, публикацией произведений Куликовского цикла, появлением многих художественных произведений. Научный анализ произведений Куликовского цикла начинается только в начале XX века. Одной из главных функций нарратива в данный период было обеспечение естественной коммеморации.

Глава 2. «Места памяти» Куликовской битвы и их взаимодействие в культурном пространстве Российской империи второй половины XIX – начала XX веков

2.1 Юбилей Куликовской битвы 1880 года как концентрация исторической памяти и комплекс различных форм коммеморативных практик

На протяжении XIX – начала XX веков на территории Российской империи происходил процесс становления, оформления и трансформации различных форм коммеморативных практик. Некоторые из форм коммеморации имели европейское происхождение – перенесенные на русскую почву, они подвергались переосмыслению. Наряду с привнесением традиционных для европейских стран форм коммеморации проводился активный поиск новых форм увековечения исторических событий. «В России XIX века происходил одновременный процесс поиска новых образцов и становление целого ряда практик, вводящих эти образцы в пространство культурной памяти»²⁶⁴.

По форме выражения авторы выделяют четыре вида практик коммеморации: нарративную, визуальную, монументальную, церемониальную²⁶⁵. Нарративная представляет собой публикацию воспоминаний участников событий, исторических и художественных произведений; визуальная отражается в фотографиях, произведениях изобразительного и декоративного искусства; монументальная заключается в создании музеев, памятников архитектуры, мемориалов, а также церквей. Церемониальная состоит в выработке особых ритуалов празднования памятных дат и юбилеев. Юбилей представляет собой интегративную коммеморативную практику, так как сочетает в себе все перечисленные выше их виды. Наблюдаемый в научной литературе последних лет интерес к изучению юбилейных торжеств объясним этой важной его особенностью.

²⁶⁴ Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 885.

²⁶⁵ Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К. *Исторические юбилеи...* С. 281.

В 80-х гг. XIX века был отмечен целый ряд юбилейных дат, связанных с Куликовской битвой и ее участниками. Это отмечавшееся в 1880 году 500-летие Куликовской битвы, в 1889 году – 500-летие кончины князя Дмитрия Донского, в 1891 г. – 500-летие преставления преподобного Сергия Радонежского. Как отметил А.О. Амелькин, эти даты вызвали новый всплеск внимания к Куликовской битве²⁶⁶. Однако, отправной точкой широкого внимания к героям битвы и событиям, с ней связанным, стал именно юбилей 1880 года, который заслуживает особого внимания.

В юбилейных торжествах 1880 года, посвященных Куликовской битве, можно выделить черты каждой из коммеморативной практик. Интерес представляют некоторые факты, которые свидетельствуют о том, что юбилей включал в себя некоторые черты, которые сложно отнести к тому или иному виду практик. Для того, чтобы определить место юбилея Куликовской битвы 1880 года в коммеморативной культуре Российской империи XIX века, рассмотрим его характерные особенности.

Рассмотрим процесс формирования церемониальной коммеморативной практики, которая стала основой для проведения праздничных торжеств 1880 года. Под церемониалом обычно понимается «порядок совершения церемоний, установленных для того или иного торжественного случая»²⁶⁷.

Вопрос о разработке церемониала юбилейных торжеств 1880 года обсуждался на региональном и столичном уровнях. Разработанная в итоге обсуждения программа утверждалась лично императором.

Программа празднования, предложенная тульским земством, включала в себя три пункта²⁶⁸. Во-первых, «на Куликовом поле *необходимо* отслужить панихиду по погибшим воинам», во-вторых, «*можно* устроить выставку вещей, найденных на поле и хранящихся в частных коллекциях». При этом «Можно будет просить их владельцев ссудить их на некоторое время управе,

²⁶⁶ Амелькин А.О. Образ Мамаева побоища в общественном сознании России... С. 227.

²⁶⁷ Штернберг Л. Церемониал // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1903. Т. XXXVIII. 495 с.

²⁶⁸ Доклады Тульской губернской Земской Управы XV очередному Губернскому Земскому Собранию. Тула, 1879. С. 109.

которая может составить им опись и объяснение». В-третьих, «учредить приют для нескольких инвалидов последней войны с неверными». Таким образом, на первом месте в программе стояла религиозная часть, воспринимаемая важнее двух других предложений.

Идейным вдохновителем празднования юбилея Куликовской битвы в 1880 году и автором наиболее развернутой программы торжеств стал Д.И. Иловайский. Ему же принадлежит и заслуга широкой огласки идеи о праздновании юбилея Куликовской битвы в 1880 году, так как он впервые поднял этот вопрос в печати²⁶⁹. В 1879 году он писал о том, что в будущем 1880 году исполнится ряд великих дат русской истории – двадцатипятилетие царствования Александра II, пятисотлетие Куликовской битвы, четырехсотлетие окончательного свержения татарского ига²⁷⁰.

Программа юбилейных торжеств, посвященных 500-летию Куликовской битвы, предложенная Д.И. Иловайским, состояла из целого ряда масштабных мероприятий, охватывающих всю Россию²⁷¹. Давая оценку этой программы, С.И. Демидов писал о том, что «в этой идее, предложенной Иловайским, нет и следов «провинциальности», которую мы видели в проектах 20-х годов XIX в.». С выводом о том, что программа имела беспрецедентный масштаб не только для празднования Куликовской битвы, но и для России в целом, можно согласиться. Размах торжеств, предлагаемый Д.И. Иловайским можно сравнить только с празднованием тысячелетия России, отмеченном в 1862 году в нескольких городах.

В дни кончины Дмитрия Донского и Ивана III в Архангельском соборе должны были пройти поминальные богослужения, в день Куликовской битвы 8 сентября – молебны по всей России, особенно в учебных заведениях. Таким образом, юбилейные торжества, по мысли Д.И. Иловайского, должны

²⁶⁹ Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы, происходившее 8 сентября на Куликовом поле в Епифанском уезде Тульской губернии и 9 числа в г. Туле (извлечено из Тульских губернских ведомостей) // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. С. 243.

²⁷⁰ Петербургский листок. 1879. №7. С. 2.

²⁷¹ Иловайский Д.И. Пятисотлетие Куликовской битвы // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. С. 205.

начаться с религиозной части. Заметим, что рядом с именем Дмитрия Донского он ставит в один ряд Ивана III, к временам правления которого относится окончательное свержение ига. Таким образом, и в программе тульского земства, и в программе Д.И. Иловайского комплекс религиозных действий воспринимается как неотъемлемая и чрезвычайно важная черта церемониала торжеств.

В качестве торжественных мероприятий, которые можно было организовать на Куликовом поле, Д.И. Иловайский предлагает обычный в то время набор коммеморативных практик: богослужение, воинский парад, дружескую трапезу и патриотические беседы. Следует отметить, что главный акцент Д.И. Иловайский делает именно на общероссийском масштабе торжеств, как таковой набор коммеморативных практик интересует его в меньшей степени. Кроме того, несмотря на то, что «памятник уже поставлен на Куликовом поле», Д.И. Иловайский предложил установить «скромную часовню или другое какое сооружение в приличными надписями, чему положить основание в самый день 8 сентября и, если возможно, царственной рукою»²⁷². Таким образом, историк указывает на то, что 500-летний юбилей Куликовской битвы достоин посещения императора.

Исследователь юбилейных торжеств Российской империи XIX – н. XX вв. Д.А. Сосницкий отмечает, что литургия, крестный ход и праздничный обед характерны для церемонии праздничных торжеств, проводимых во второй половине XIX- начале XX вв.²⁷³. В результате программа Д.И. Иловайского соответствовала уже сложившейся традиции организации подобных торжеств.

Стоит заметить, что юбилей 1880 года был не первым торжественным мероприятием, организованным на Куликовом поле. Первая торжественная церемония была устроена здесь в 1850 году по случаю открытия памятника Дмитрию Донскому и 500-летия со дня его рождения. Несколько слов скажем

²⁷² Иловайский Д.И. Пятисотлетие Куликовской битвы. С. 207.

²⁷³ Сосницкий Д.А. Юбилей донетровской Руси в императорской России. С. 1236.

о ней, так как важно понимать, какие черты церемонии 1850 года продолжили жить в юбилейных торжествах 1880 года. Для описания характерных черт церемониала открытия памятника обратимся к ее описанию современниками.

В Государственном архиве Тульской области хранится интересная переписка между костромским и тульским губернаторами. В январе 1851 года костромской губернатор И.В. Каменский обратился к тульскому губернатору П.М. Дарагану с просьбой сообщить о церемониале, происходившем при открытии памятника Дмитрию Донскому «для сведения и соображений» при предстоящем открытии памятника царю Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину²⁷⁴. Церемониал был описан в ответном письме лаконично и точно: «В присутствии Начальника Губернии и прочих приглашенных к торжеству лиц, Епархиальный Архиерей совершал в церкви ближайшего селения литургию, по окончанию коей, те же лица сопровождали из этой церкви крестный ход к памятнику, а по приближении к нему Преосвященным совершено освящение воды и молебствие с возгласением многолетия Императорскому Дому причем произведено освящение памятнику кроплением св. водою. Затем отпета панихида о успокоении душ победителя на сем месте татар В.К. Д. И. Донского и православных павших на Куликовом поле в Мамаевом побоище. Торжество заключено обеденным столом, приготовленным в нарочно устроенных павильонах и народным пиршеством под открытым небом, в округе памятника. По отсутствию войска, военной церемонии не происходило»²⁷⁵. Если обратиться к последовавшей затем церемонии открытия памятника царю Михаилу Федоровичу в Костроме, можно заметить, что она также включала такие пункты, как литургия, крестный ход к памятнику,

²⁷⁴ ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Т. 29. Д. 22821. Л. 1 об.

²⁷⁵ ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Т. 29. Д. 22821. ЛЛ. 2-3.

окропление его святой водой, панихида у памятника, торжественный обед²⁷⁶. Почти единственное отличие заключалось в присутствии на торжествах в Костроме войск. Можно заключить, что костромской губернатор использовал тульский опыт проведения церемонии.

Стоит отметить, что на открытие памятника тульским губернатором Казадаевым были приглашены великие князья Николай и Михаил Николаевичи, находящиеся в тот момент на территории Тульской губернии²⁷⁷. М.Т. Яблочков писал о присутствии их на торжествах.

В торжествах 1850 года, проведенных на Куликовом поле по случаю открытия памятника, мы встречаем следующие коммеморативные практики: литургию, крестный ход, панихиду, торжественный обед. Сходство церемониала торжеств 1850 и 1880 годов отмечали многие исследователи²⁷⁸.

Стоит отметить, что дальнейшее обсуждение программы происходило совместно: председатель земской управы говорил о ней с Д.И. Иловайским, который выразил участие «всячески содействовать успеху этого Всероссийского народного празднества и даже обещал изготовить описание Мамаева побоища, которое можно было бы распространить в народе к этому дню и раздавать брошюры даром на празднества»²⁷⁹. Таким образом, в юбилее должна была быть задействована нарративная практика коммеморации.

В связи с тем, что Д.И. Иловайский придавал обучению и воспитанию юношества, он предложил собрать его на торжествах «в значительном числе». Он выразил надежду, что в торжествах 1880 года примут участие ученые общества, университеты, старшие классы среднеучебных школ, в том числе – военных, города и земства. Д.И. Иловайский выразил уверенность в

²⁷⁶ Открытие памятника в г. Костроме Царю Михаилу Феодоровичу и поселянину Ивану Сусанину // Вознесенский Е.П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующего Императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии. Кострома, 1859. С. 55-83.

²⁷⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 7036.

²⁷⁸ Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 301

²⁷⁹ Доклады Тульской губернской Земской Управы XV очередному Губернскому Земскому Собранию. Тула, 1879. С. 108-109.

том, что в юбилейных торжествах «теплое участие примет и все русское общество, и этот праздник будет иметь характер вполне общенародный»²⁸⁰.

В обсуждении программы торжеств приняло участие тульское дворянство, сыгравшее немалую роль в его организации. После многочисленных консультаций из программы земства исчез пункт о выставке находок с Куликова поля, но появились несколько новых пунктов – к панихиде и постройке инвалидного дома добавилось изготовление юбилейной медали и исторического блюда, запечатлевшего образа князя Дмитрия Ивановича. В таком виде программа была представлена на рассмотрение императору 16 мая 1880 г.²⁸¹. Заметим, что Д.И. Иловайский предлагал сочетание нарративной и монументальной практик, но в готовой программе от последней отказались. Участие императора в торжествах не обсуждалось.

Отдельный пункт программы, который вызвал немалый интерес организаторов и участников юбилея – участие в юбилейных торжествах войск. Отметим, что при открытии памятника Дмитрию Донскому в 1850 году вопрос о присутствии войск на церемонии рассматривался, но был отклонен по причине отсутствия командировавшихся поблизости воинских частей.

Представители тульского дворянства считали, что «Празднество было бы неполно, если бы на нем не участвовало русское воинство», поэтому просили у императора одобрения участия в торжествах войск. Изначально речь шла о командировании на участие в торжествах двух батальонов Таврического полка (1 и 2-го)²⁸², находившихся на летних учениях в районе Елифани, неподалеку от места предстоящих торжеств. Однако, немалый интерес к участию в торжествах проявили офицеры – отряд гусар под

²⁸⁰ Доклады Тульской губернской Земской Управы XV очередному Губернскому Земскому Собранию. С. 206.

²⁸¹ Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы. Извлечено из отчета Тульской губернской земской управы за 1880 г. // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. С. 226.

²⁸² Урбан И.Э. Краткая история 6-го Гренадерского Таврического полка. Тула, 1890. С. 55, 57.

командованием Кульгачева совершил кавалерийский переход из Москвы до Куликово поля, повторивший путь следования дружин князя Дмитрия Ивановича. Эта поездка, ставшая необычной формой коммеморативной практики, относится к инициативе офицерства и проявляет его немалый интерес к такому событию, как Куликовская битва. По ее результатам был написан труд Д.Ф. Масловского, представлявший подробное описание тактических и стратегических обстоятельств похода князя Дмитрия Ивановича. Активное участие офицеров русской армии в проведении торжеств на Куликовом поле в 1880 году показывает их неподдельный интерес к событиям древней отечественной истории, что было одной из характерных черт развития русской военной истории в 70-80-х гг. XIX в. Одобрение императором проведения на Куликовом поле военного парада организаторы праздничных мероприятий считали очень важным²⁸³.

Программа мероприятий утверждалась императором лично. Им были одобрены все основные пункты, кроме участия в торжествах на Куликовом поле представителей дворянства и земства разных регионов.²⁸⁴ Масштаб празднования, предложенный Д.И. Иловайским, должен был быть ограничен. Тем не менее, благодаря стараниям организаторов известие о праздничных торжествах на Куликовом поле распространялось по всей территории России в виде статей в периодических изданиях.

В основу церемониала торжественных мероприятий, происходивших на протяжении XIX века вплоть до революции 1917 года был положен принцип деления на две части: церковную (молебен, крестный ход) и светскую (открытие памятников, выступление военных оркестров, торжественные заседания и публичные чтения и лекции)²⁸⁵. Во второй половине XIX века все большее внимание уделяется изданию специальной

²⁸³ Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы. Извлечено из отчета Тульской губернской земской управы за 1880 г. С. 228.

²⁸⁴ Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы, происходившее 8 сентября на Куликовом поле в Епифанском уезде Тульской губернии и 9 числа в г. Туле...С. 226-227.

²⁸⁵ Сосницкий Д.А. Юбилей допетровской Руси в императорской России. С. 1237-1238.

литературы для народа, с целью донести значение и смысл проводимых торжеств.

Обратимся к описанию особенностей каждой из двух обозначенных выше составляющих юбилея Куликовской битвы 1880 года – церковной и светской.

Необычной чертой церковной части торжеств 1880 года было сослужение двух епископов – Тульского Архиепископа Никандра и епископа Саратовского Тихона. Для провинциальных городов такое сослужение было редким явлением, для сельской местности, в которой располагалось место торжеств, это было делом невиданным. Высшее духовенство Тульской епархии было представлено не только Архиепископом Никандром, но и ректором тульской семинарии А. И. Романовым, а также архимандритом белевского монастыря Антонином. Участие в торжествах епископа Саратовского Тихона было обусловлено его личной инициативой – он прибыл на Куликово поле, так как был уроженцем Тульской губернии. Не осталась в стороне от участия в юбилейном праздновании Троице-Сергиева Лавра, сохранившая тесную историческую связь с событиями Куликовской битвы. В торжествах на Куликовом поле приняли участие два иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры, уроженцы Тульской земли. В них участники юбилейных торжеств увидели ожившие образы героев Донского побоища Пересвета и Осляби²⁸⁶.

Архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Леонид также вложил свой вклад в проведение торжеств, написав небольшую брошюру²⁸⁷, значительное количество экземпляров которой было куплено представителями тульского земства и роздано в народные школы и войска. В момент юбилейных торжеств этой книге отводилась особая роль: начало этого произведения было прочитано иеромонахом Троице-Сергиевой Лавры Аароном вместо проповеди на литургии в монастырщинском храме.

²⁸⁶ Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы... С. 232.

²⁸⁷ Кавелин Л.А. Участие преподобного отца нашего Сергия в событиях 1380 года, положивших начало освобождению России от татарского ига. Москва: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1880.

Подготовка брошюры сопровождалась не только сбором необходимой информации, но и включала в себя исследовательский процесс – архимандрит Леонид установил имя Нектария, неизвестного прежде посланца от Преподобного Сергия, который принес князю Дмитрию накануне битвы просфору и «грамотку». Это имя было провозглашено в ходе панихиды наряду с именами священноиноков Александра и Андрея.

После панихиды у места захоронения павших воинов, отмеченного часовней и оградой и литургии состоялся крестный ход к Красному холму, где был отслужен молебен, после которого состоялся военный парад и торжественный обед.

Церковная часть празднования следовала уже существовавшей традиции. В 1850 году при открытии памятника-колонны на Красном Холме в храме с. Монастырщины была проведена литургия, затем состоялся крестный ход к памятнику, у которого был проведен молебен и панихида по убиенным. Отметим также, что литургия и молебен были центральными событиями тульских торжеств, посвященных празднованию 25-летия царствования Николая Павловича. Важность церковной составляющей подчеркивается также тем, что опубликованная впоследствии фотография участников торжеств получила название «Молебствие у памятника», изображая именно эту часть церемонии (см. Приложение 4).

Высшее руководство губернии было представлено на торжествах тульским губернатором С.П. Ушаковым, тульским губернским предводителем дворянства Ф.А. Свечиным, председателем губернской земской управы А.Н. Кислинским, председателем Тульской уездной земской управы Д.П. Докудовским, уездным предводителем дворянства Богородицкого уезда князем М.Р. Долгоруковым. Участие в торжествах приняли также профессор Д.И. Иловайский и известный публицист А.А. Гатцук²⁸⁸. Представителями русской армии на торжествах были начальник

²⁸⁸ Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы... С. 231.

штаба Московского военного округа генерал-майор С.М. Духовской, начальник 13-й кавалерийской дивизии генерал-майор Кульгачев.

По оценкам Д.Д. Оболенского, присутствовавшего на торжествах, число собравшихся на празднике составило около 20 000 человек.

Важную роль в торжествах сыграло и местное дворянство. Так, накануне дня празднования, Д.Д. Оболенский, усадьба которого находилась неподалеку, организовал для Д.И. Иловайского и офицеров-кавалеристов экскурсию, которая позволила представить знаковые места столь далекого от них по времени события.

На следующий день торжественные мероприятия состоялись в губернском городе Туле. В кафедральном соборе Тулы была проведена литургия, затем состоялась закладка представителями земства инвалидного дома. Он должен был стать еще одним памятником, построенным на средства тульского дворянства. Известно, что пожертвования на его возведение внесла княгиня Е.Э. Трубецкая, бывшая потомком участвовавших в Куликовской битве князей Белозерских. При инвалидном доме должна была быть создана библиотека, для которой прислал экземпляр сочинения своего отца бывший тульский губернатор В.А. Казадаев. Это произведение, представляющее собой подробное описание предпосылок и обстоятельств Куликовской битвы и особенно правления Дмитрия Ивановича, посвященное императрице Елизавете Алексеевне, является замечательным примером коммеморации Куликовской битвы первой четверти XIX столетия²⁸⁹. В пользу инвалидного дома было издано сочинение Д.И. Иловайского.

Затем состоялся обед в дворянском собрании, собравший до 50 лиц, в числе которых были все названные выше участники торжеств 8 сентября.

В мае следующего года золотая медаль в честь 500-летия Куликовской битвы была преподнесена императору делегацией тульских дворян - предводителем тульского дворянства Ф.А. Свечиным, Глебовым,

²⁸⁹ Казадаев А. Историческое похвальное слово Димитрию Донскому. СПб., 1827.

председателем Губернской Управы А.Н. Кислинским, председателем Епифанской земской управы Игнатьевым²⁹⁰.

На празднование 500-летней годовщины была потрачена сумма в 5850 рублей 31 коп., из которых половину расхода тульское дворянство приняло на себя²⁹¹.

Следует отметить неоднозначную оценку юбилея современниками. Представители либеральной оппозиции увидели в торжествах на Куликовом поле отражение общественных противоречий. Автор статьи «На Куликовом поле», опубликованной в журнале «Новое время» сразу же после проведения юбилейных мероприятий в сентябре 1880 года, дал событию резкую характеристику²⁹². Поскольку автора волновало положение земства в провинции, он указывал на приниженную роль его представителей на празднике, который, с его точки зрения, имел характер административно-чиновничий: «присутствовали одни губернские администраторы, военные да помещики». Роль народа на праздновании, по его мнению, также была принижена: «Народ был на празднике живописной декорацией», поскольку «обращаться к народу с живой речью, не поучать не принято».

Одно из столичных изданий сетовало на недостаточный масштаб мероприятий, указывая, что юбилей Куликовской битвы имел провинциальный характер.

Таким образом, в формировании программы торжественных мероприятий юбилея Куликовской битвы 1880 года принял участие широкий круг лиц: общественные деятели (Д.И. Иловайский), военные (С.М. Духовский), представители духовенства, земства и дворянства. В результате сложился сложный комплекс мероприятий, включавший в себя двухдневную программу празднования на Куликовом поле и в губернском центре.

²⁹⁰ ГАТО. Ф. 90. Д. 34322. Л. 50

²⁹¹ Журналы XVII очередного Тульского Губернского Земского Собрания Тула 1881. С. 61.

²⁹² Фролова Л.П. Роль тульской либеральной оппозиции в праздновании 500-летия Куликовской битвы. С. 149.

Отдельные элементы церковной части церемониала продолжили жить после 1880 года.

В церемониале юбилейных торжеств, 1880 года, посвященных 500-летию Куликовской битвы, можно выделить две части: народно-всесословную (8 сентября), с представителями дворянства, земства, духовенства, войсками и церковными лицами, и дворянско-земскую (9 сентября) с представителями дворянства, земства и церкви. Первая часть включала в себя панихиду, литургию, крестный ход, молебен, военный парад, торжественный обед; вторая – литургию, закладку инвалидного дома и торжественный обед. Если первая часть отличалась особенным размахом (до 20 000 человек), то вторая была довольно ограниченной (до 50 лиц). Хотелось бы обратить внимание на то, что в обоих частях огромная роль отводилась церкви, которая начинала и сопровождала все праздничные торжества. Многие элементы торжеств 1880 г. повторяли церемониал, сложившийся при открытии памятника Дмитрию Донскому в 1850 г.

Необычной чертой юбилея было выделение двух центров торжеств – Куликова поля как места сражения 1380 года и Тулы как губернского центра и центра культурной жизни местного дворянства, что объясняется спецификой географического расположения главного места проведения торжеств и стремлением придать мероприятиям как можно большую представительность.

Согласно сложившемуся церемониалу проведения юбилейных торжеств и другим подобным мероприятиям рубежа XIX – XX вв. (например, юбилеем Дома Романовых и Бородинской битвы 1912 года), праздничная церемония на Куликовом поле также состояла из церковной и светской частей. Однако это разделение можно назвать в данном случае очень условным. Церковные обряды стали неотъемлемой и очень важной частью церемонии празднования юбилея Куликовской битвы 8 и 9 сентября: все мероприятия начинались с торжественной литургии, на них обязательно присутствовали представители духовенства. Светская часть мероприятий дополняла церковную. Широкое

участие церкви и представителей духовенства в проведении комплекса коммеморативных мероприятий 1880 года нашло отражение в разработке особого порядка богослужения, издании памятной брошюры, присутствии на Куликовом поле представительства черного и белого духовенства разных губернии Российской империи: архиепископа Тульского и Белевского Никандра, ректора Тульской духовной семинарии, схимонахов Троице-Сергиевой Лавры, саратовского епископа Тихона.

Организаторами юбилейных мероприятий в Тульской губернии стали представители дворянства и земства. Как и в деле строительства первого памятника-монумента, установленного на Куликовом поле в 1850 г., дворянство проявило достаточную сплоченность и твердость в достижении намеченной цели, добившись разрешения на проведение торжеств. Несмотря на осторожное отношение императора к проведению массового мероприятия на Куликовом поле в условиях нестабильной обстановки, торжества состоялись и были проведены на высоком уровне. В них участвовали представители нескольких сословий Российской империи (крестьянства, духовенства и дворянства), что привлекло к этому событию внимание периодической печати разных губерний.

Отсутствие на торжествах 1880 года императора во многом способствовало тому, что юбилей Куликовской битвы стал восприниматься как «провинциальный». Однако участие в торжествах на Куликовом поле известного историка Д.И. Иловайского, саратовского архиепископа Тихона и монахов Троице-Сергиевой Лавры, начальника штаба Московского военного округа генерал-майора С.М. Духовского и ветеранов русско-турецкой войны вывело юбилей в число важных событий в культурной жизни Российской империи вт. пол. XIX – н. XX вв.

Поездка офицеров, осмотр ими поля битвы и экскурсия, проведенная Д.Д. Оболенским для Д.И. Иловайского и почетных гостей вышли за рамки официальной части церемониала. Для юбилейных торжеств 1880 года была характерна большая роль частной инициативы.

Целый ряд торжественных мероприятий, посвященных 500-летию юбилею Куликовской битвы, произошли в разных городах России. Поскольку все они были организованы по частной инициативе и не имели общей программы, они имели разный характер и число участников.

В Санкт-Петербурге 500-летний юбилей Куликовской битвы был отмечен представителями интеллигенции. В Исаакиевском соборе преосвященным Гермогеном была отслужена литургия, во время которой известный проповедник Янышев произнес торжественное слово. По свидетельству очевидцев, «Собор был полон народа, но он точно окаменел от жгучих слов проповедника»²⁹³.

В память 500-летнего юбилея Куликовской битвы в Санкт-Петербурге было устроено торжественное заседание членов Общества любителей российской словесности.

Интерес представляет оценка, которую дал этому заседанию Ф.М. Достоевский. В ответ на приглашение он написал О.Ф. Миллеру о том, что «к 8 сентября мне нет ни малейшей возможности прибыть, не смотря на все мое чрезвычайное желание». Более важно другое: «Какая прекрасная мысль особое торжественное заседание нашего общества на память 500-летия Куликовской битвы. Спасибо К.Н. за будущую статью. Это именно надо теперь. Надо возрождать впечатление великих событий в нашем интеллигентном обществе, забывшем и оплевавшем нашу историю. Жду непременно, что скажете ваше слово и вы. Как бы хорошо было упомянуть хоть вскользь об «ушедшем спать» великом князе (вероятно, от трусости), когда другие бились. Нужно высоко восстановить этот прекрасный образ и затереть бездну мерзких идей, пущенных в ход об нашей истории за последние 25 лет»²⁹⁴. Таким образом, можно заключить, что мысль о проведении этого торжественного заседания была восторженно и очень тепло встречена представителями столичной интеллигенции, которая

²⁹³ По случаю Пятисотлетия Куликовской битвы // Петербургский листок. 1880. №174. 9 (21) сентября. С. 2.

²⁹⁴ Письмо к Оресту Федоровичу Миллеру. Старая Русса. 26 августа 1880 г. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 343.

придала ему чрезвычайно важное значение. Можно отметить, что актуальность юбилейных мероприятий была связана с неоднозначным восприятием образа битвы и новыми попытками его переосмысления.

Затем члены Славянского благотворительного Общества собрались в зале Русского Географического Общества. Профессор К.Н. Бестужев-Рюмин произнес речь о Куликовской битве, которая была встречена громкими рукоплесканиями. Профессор О.Ф. Миллер прочел стихотворение графа Голенищева-Кутузова и описание Мамаева побоища поэта двадцатых годов. Далее произнес речь, в которой затронул современные проблемы – «коснулся чувств народа к историческим явлениям русской государственной жизни и розни, существующей между интеллигенцией и народной массой», завершив ее словами «Да будем мы все едины»²⁹⁵. Слово произнес протоиерей Яхонтов. В Тулу была послана поздравительная телеграмма.

Таким образом, празднование юбилея в столице не сопровождалось массовыми мероприятиями. Однако, стоит отметить, что материалы о праздновании на Куликовом поле неоднократно публиковались на страницах столичных изданий, что демонстрирует интерес читателей к данному событию. Например, на страницах «Петербургского листка» была опубликована заметка «Пятисотлетие Куликовской битвы», представляющая собой краткую справку о том, как происходила Куликовская битва; на страницах другого выпуска были опубликованы сведения о торжествах на Куликовом поле, отмечены речи Д.И. Иловайского и С.М. Духовского²⁹⁶.

Стоит отметить, что при отсутствии единой программы мероприятий организация юбилейных торжеств в губерниях целиком возлагалась на местных инициаторов, в связи с чем в разных местах Российской империи празднование носило разный масштаб и включало разные формы коммеморативных практик.

²⁹⁵ Петербургский листок. 1880. №174. 9 (21) сентября. С. 2; Ашурков В.Н. На поле Куликовом. Тула, 1980. С. 103-104; Шмурло Е. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829-1897. Юрьев, 1899. С. 227.

²⁹⁶ Петербургский листок. 1880. № 176. Л. 1.

Отметить 500-летний юбилей Куликовской битвы решили некоторые монастыри, история которых была связана с Куликовской битвой.

Особенное значение юбилей Куликовской битвы имел для Симонова монастыря, который почитался как место захоронения двух героев Донского побоища – Осляби и Пересвета. В 1870 году по случаю 500-летнего юбилея Симонова монастыря Морское министерство отправило в обитель лампадку с изображениями Пересвета и Осляби – в том виде, как изобразил их профессор Пименов на фрегатах²⁹⁷.

В день 500-летнего юбилея Куликовской битвы 8 сентября в храме Рождества Богородицы Симоновского монастыря местным благочинным с приходским священником была совершена литургия²⁹⁸. Накануне перед этим днем прихожане, жители Симоновской слободки и крестьяне села Кожухова пожелали отслужить панихиду по всем воинам, погибшим в Куликовской битве. У гробницы отслужили панихиду, после литургии священник произнес слово, потом благочинный раздал свидетельства выпускникам Старо-Симоновской школы. Как отмечал очевидец, «Посторонних богомольцев в церкви не было». Таким образом, торжество в Симоновском монастыре имело местный характер. Пятисотлетнюю годовщину Куликовской битвы праздновали в Николо-Угрешском монастыре, так как его история также была связана с историей Куликовской битвы²⁹⁹.

Совсем другой характер имели торжества, устроенные в честь 500-летнего юбилея Куликовской битвы в г. Коломне. Город имел особенное значение в истории Московского княжества и Куликовской битвы, в связи с чем юбилею этого события жителями отводилось особенно место. В 1380 году в Коломне Дмитрий Иванович провел смотр русского войска перед походом за Дон.

²⁹⁷ Лампадка морского министерства // Всемирная иллюстрация. 1871. №112. С. 130.

²⁹⁸ Московские церковные ведомости. 1880. № 38.

²⁹⁹ Тихомиров Е.А. Куликовская битва. Исторический очерк. М., 1880. С. 40.

Влияние коммеморативных практик на самоидентификацию горожан отмечают многие современные исследователи³⁰⁰. В связи с тем, что жители Коломны помнили о роль своего города в походе на Дон 1380 года и воспринимали Куликовскую битву как одно из важнейших событий истории их города, торжественные мероприятия в честь 500-летия Куликовской битвы имели здесь особенный размах.

Замысел праздника принадлежал местным жителями П.И. Обухову и И.А. Пивоварову. По их предложению Городская Дума выделила из городских общественных денег сумму для убранства Пятницких (Спасских) ворот башни Кремля и самой башни, перед которой должно было состояться празднество. Была открыта добровольная подписка среди жителей города, результатом которой стала значительная сумма денег. Остальные расходы приняли на себя инициаторы торжеств Обухов и Пивоваров.

Праздник начался во всех городских церквях с молитвы об упокоении душ героев, сражавшихся за веру и отечество. Главное торжество разворачивалось в Успенском соборе, основанном в память о победе над Мамаем. Архимандрит Троице-Голутвина монастыря Сергей совершил литургию в сослужении со строителем Богоявленского Голутвина монастыря Варлаамом и соборным духовенством. На богослужении присутствовали почетные лица города, местные жители всех сословий, наблюдалось большое стечение народа. К концу литургии собралось все городское духовенство и была отслужена панихида об упокоении душ князя Дмитрия Ивановича и его сподвижников. Затем состоялся крестный ход вокруг кремлевских стен при колокольном звоне ближайших к Пятницким воротам церквей. На подготовленном возвышении пред образом Спасителя на воротах было отслужено благодарственное молебствие с провозглашением многолетия Государю, Синоду и всем православным христианам и вечной памяти князю

³⁰⁰ Репина Л.П., Воробьева О.В., Иванова Т.Н. и т.д. Международная научная конференция «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» // Диалог со времен. 2017. №59. С. 386.

Дмитрию и его воинам. Протоиерей собора С. С. Скворцов произнес речь, поле чего крестный ход двинулся через Пятницкие ворота к собору.

Общий эффект, который произвело празднество на горожан, описал один из очевидцев: «Прекрасное зрелище представляла эта картина народного торжества. День был великолепный, солнечный, вполне летний». Особенно эффектным было убранство Пятницкой башни – высокие мачты с разноцветными флагами, перевитые гирляндами зелени и цветов, на верху башни и у ворот было установлено «транспаратное» изображение князя Дмитрия Донского на коне в боевом вооружении, над ним – московский герб, на вершине башни – корона. На стенах башни были написаны имена главных героев битвы: Димитрий Волынский, князь Владимир Андреевич, Пересвет, Ослябя и названия мест битвы – Дон, Непрядва, Куликово Поле, цифры 500 и транспарантная надпись «8 сентября Коломна празднует 500 лет Димитрию Иоанновичу Донскому, победителю Мамаю» (см. Приложение 14). Вечером Пятницкие ворота, башня и расположенные рядом с ними здания были иллюминированы разноцветными фонарями и шкаликами, наверху башни было расположено электрическое солнце, иногда вспыхивали разноцветные бенгальские огни³⁰¹.

Коломенские торжества 1880 года описал в романе «Вася Радугин» священник В.И. Востоков, бывший в то время воспитанником Коломенского духовного училища и ставший их очевидцем. Вот как он смыслил происходящее на его глазах торжество: «в старину он (имеется ввиду г. Коломна-прим.) больше других подвергался татарским погромам, поэтому здесь и 500-летие Куликовской битвы праздновалось торжественнее. Колокола звонили, совершались молебствия, по вечерам горела иллюминация; стояли прекрасные сентябрьские дни, горожане почти жили на улицах, ученья не было дня три, и ученикам дозволялось гулять по городу»³⁰².

³⁰¹ Московские церковные ведомости. 1880. № 38. С. 461.

³⁰² Очерк из жизни духовной школы. Священника В. Востокова. М., 1904. С.77 - 78.

Торжественные мероприятия в день 8 сентября 1880 года произошли во многих городах Российской империи.

В Калуге 8 сентября были совершены молебствия в мужской и женской гимназиях и реальном училище с провозглашением вечной памяти князю Дмитрию Донскому и его сподвижникам³⁰³. В классической гимназии директор П.С. Бибииков и наставник Загряжский произнесли речи. В женской гимназии речь сказал наставник русского языка А.Н. Троицкий. Он отметил, что это было «событие величайшей важности, которое составляет поворотный пункт в истории нашего отечества».

Центром празднования в Одессе стала духовная семинария. Накануне праздника четыре одесские газеты уведомили население города о готовящемся торжестве. В семинарской церкви была совершена заупокойная литургия, семинарский хор исполнил духовный концерт, преподаватель семинарии С.П. Соловьев произнес чтение, которое продолжалось более часа. Как вспоминал один их очевидцев, «Ученики семинарии и народ, заметно, слушали чтение с любопытством», «Общее впечатление празднества было весьма благоприятное и сильное»³⁰⁴. Участники торжеств вспомнили и об особенном торжестве, отмечаемом на самом месте события.

В Елисаветградском реальном училище 8 сентября 1880 года были проведены литературные чтения, на которых собрались члены правления, преподаватели, ученики и их родители. В.Н. Ястребов рассказал о значении Куликовской битвы, Н.Ф. Марков прочел статью «О песнях татарского периода», ученический хор исполнил гимн «Боже, Царя храни!»³⁰⁵. В Брянской прогимназии в день 500-летнего юбилея со дня Куликовской битвы речь произнес выпускник историко-философского университета Московского университета, преподаватель истории и географии в гимназиях Брянска, Рыбинска и Ярославля П.И. Мизинов. Лекцию «К пятистолетию

³⁰³ Празднование 8 сего сентября 500-летия Куликовской битвы на самом месте события // Калужские епархиальные ведомости. №18. 1880. Ч. Неоф. Прибавления к епархиальным ведомостям. С. 380 -384.

³⁰⁴ Прибавления к Херсонским Епархиальным ведомостям. 1880. №18. 15 сентября. С. 614.

³⁰⁵ Систематический свод постановлений Елисаветградского уездного земского собрания за 1865-1895 годы. Составил Е.И. Борисов. Елисаветград, 1895. С. 701.

Куликовской битвы» прочитал при открытии курса русской истории в Императорском Варшавском университете выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета библиотекарь Варшавского университета Н.П. Барсов³⁰⁶.

Таким образом, в провинциальных городах основными формами коммеморации выступили церковные службы, духовные концерты (Одесса), народные гуляния (Коломна), чтения (Одесса, Калуга, Елисаветград), лекции (Варшава), речи (Брянск). Местами проведения юбилейных мероприятий были духовные семинарии (Одесса), гимназии и училища (Калуга, Елисаветград, Брянск), университеты (Варшава).

Еще один вид коммеморативных практик, ярко проявившийся при праздновании юбилея Куликовской битвы 1880 года – юбилейные публикации. Стоит отметить, что в первой половине XIX века было издано несколько публикаций о Куликовской битве, носящих мемориальный характер. Среди них стоит выделить сочинение Ф. Покровского. Интерес к теме Куликовской битвы проявляли многие авторы, например, служащий московской уголовной палаты губернский секретарь Александр Анфимович Орлов, сочинивший произведение «Димитрий Донской или начало Российского величия»³⁰⁷. Материалы о праздновании юбилейных торжеств в Тульской губернии были собраны и представлены в особенном издании, опубликованном в Туле в 1881 году³⁰⁸.

Торжественные мероприятия на Куликовом поле широко освещались на страницах местной тульской прессы³⁰⁹. Мысль Д.И. Иловайского о широком освещении юбилейных торжеств в печати была воплощена в жизнь - материалы о праздновании на Куликовом поле были напечатаны во многих периодических изданиях разных губерний, рассчитанных на самую разную

³⁰⁶ К пятистолетию Куликовской битвы (8 сентября 1380 г.): лекция, читанная в пятистолетнюю годовщину ее 8 (20) сентября 1880 г., при открытии курса русской истории, в Императорском Варшавском университете / Н. П. Барсовым, э. о. профессором и библиотекарем Университета. Варшава, 1880.

³⁰⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д 551.

³⁰⁸ Празднование Пятистолетней годовщины Куликовской битвы. Тула, 1881.

³⁰⁹ Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле» // Труды ГИМ. Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. Вып. 150. С. 303.

аудиторию. Так, на страницах «Исторического вестника» перепечатывались материалы из «Московских Ведомостей», содержащие сведения об истории памятников Куликова поля и освещавшие современные вопросы празднования, обсуждаемые тульским земством и дворянством³¹⁰. Журнал «Чтение для солдат» привел небольшую, но обстоятельную заметку о церемониале празднования, привел слова генерала С.М. Духовского на торжественном обеде, сказанные войскам³¹¹. Материалы о праздновании были напечатаны на страницах «Московских церковных ведомостей» (№38 1880), откуда перепечатывались по разным провинциальным изданиям³¹².

Если говорить о публикациях на общеимперском уровне, то одной из самых известных юбилейных брошюр, написанных к юбилею Куликовской битвы, стало исследование Д.И. Иловайского «Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского»³¹³. В нем были обстоятельно изложены причины противостояния с Мамаем, описан ход сражения, приведена оценка итогов и значения этого сражения в истории России. О.А. Амелькин отмечает, что выбранное автором название брошюры должно было подчеркнуть роль князя Дмитрия и вернуть его образ в плеяду выдающихся деятелей русского военного искусства.

Большое распространение получила брошюра иеродиакона Харлампия «Пятьсотлетие Куликовской битвы», изданная в Москве в юбилейном 1880 году.

В Херсоне некий гг. Рычин предложил опубликовать брошюру «Описание Куликовской битвы» в честь отмечающегося торжества, с чем обратился в Совет Братства св. Апостола Андрея Первозванного. Предложение Рычина о распространении написанной брошюры было отклонено, поскольку, как отметили члены Совета, уже существуют

³¹⁰ Исторический вестник. 1880. Т. II. С. 799-800.

³¹¹ Чтение для солдат. 1880. Кн. 6. С. 136-139.

³¹² Празднование 8 сего сентября 500-летия Куликовской битвы на самом месте события // Калужские епархиальные ведомости. №18. 1880. Ч. Неоф. Прибавления к епархиальным ведомостям. С. 404-405.

³¹³ Амелькин А.О. Образ Мамаева побоища... С. 227.

произведения на данную тему – статья преподавателя Одесской семинарии Сергея Соловьева и труд профессора Д. Иловайского³¹⁴.

На страницах многих провинциальных газет в 1880 году появились заметки о Куликовской битве, ее значении в российской истории, а также о проведении торжественных мероприятий на Куликовом поле. Краткая заметка о праздновании на Куликовом поле была опубликована в «Московских церковных ведомостях»³¹⁵. Одна из статей «Донских епархиальных ведомостей» описывала юбилейные торжества в Тульской губернии³¹⁶, другая поднимала вопрос о свержении татарского ига. Интересно, что автор второй заметки писал о том, что «Нынешний год можно назвать юбилейным годом в исторической жизни Руси», ставил в один ряд такие великие события, как 25 лет со дня вступления на престол государя, 500 лет Куликовской битвы, 400 лет стоянию на Угре и освобождению от ига³¹⁷. Значение битвы изложено через призму событий последующих веков, подчеркнута роль религии, которая оставалась неизменным стержнем русской государственности.

Юбилейный очерк был опубликован на страницах «Полтавских епархиальных ведомостей»³¹⁸. В статье подробно раскрываются обстоятельства возвышения Московского княжества, его борьбы с другими княжествами, приводятся ссылки на «Мамаево побоище» А.Ф. Андрияшева. Автор очерка стремился показать, что сделали возможными успех битвы и личные достоинства князя Дмитрия, и исторически сложившиеся обстоятельства. Упоминание последующих событий - нашествия Тохтамыша и сожжения Москвы – позволило сделать вывод о том, что битва не принесла освобождения от ига. Подчеркнуто нравственное значение битвы, которая

³¹⁴ Прибавление к Херсонским епархиальным ведомостям 1880 №23 1 дек. Протокол заседания Совета Братства св. Апостола Андрея Первозванного 21 сентября 1880 года №2-й. С. 841.

³¹⁵ Московские церковные ведомости. 1880. №34. С. 404.

³¹⁶ Донские епархиальные ведомости. 1880. №19. С. 735-736.

³¹⁷ Свержение татарского ига (по поводу 400-летнего юбилея: 7-е ноября 1480 г. – 7-е ноября 1880 г.) // Донские епархиальные ведомости. 1880. №19. С. 1106 - 1119.

³¹⁸ Очерк Куликовской битвы (по поводу 500-летнего юбилея: 8 сент. 1380 г. – 8 сентября 1880 года) // Полтавские епархиальные ведомости. 1880. №19. С. 856 – 871.

способствовала укреплению национального единства. Приведены слова С.М. Соловьева о том, что битва имела и всемирно-историческое значение, прекратила наступление Азии на Европу и начала движение обратное.

В 1880 году выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, преподаватель Рижской и Петербургской духовных семинарий (или академий) М.О. Коялович издал юбилейную брошюру «Куликовская битва и ее значение в истории русской государственности и русской церкви»³¹⁹, перепечатанную на страницах «Церковного вестника».

Особенное слово в честь 500-летней годовщины Куликовской битвы произнес в Кишиневском кафедральном соборе Высокопреосвященный Павел, архиепископ Кишиневский и Хотинский. Его речь представляет собой интереснейший пример ораторского искусства. Он характеризует битву как «русское народное торжество». О значении этого события, по мнению архиепископа Павла, говорит народная память: «Быть может, не везде сохраняется память о великой полтавской битве и славной полтавской победе; быть может, не в каждом чисто-русском уголке знают о страшном и славном бое бородинском: но едва ли есть такое глухое место в самых отдаленных и мало известных уголках России, где бы не сохранялась память о мамаевом побоище – о той кровавой битве с монголами и победе над ними, которая покрыла славой русское оружие на Куликовом поле, и положила прочное начало освобождению русского народа от тяжкого монгольского ига. Эта народная память показывает нам, что событие, совершившееся пятьсот лет тому назад на Куликовом поле, имело огромное влияние на судьбу русского народа»³²⁰.

В завершение стоит отметить такую коммеморативную практику, как изготовление памятных медалей. В рамках подготовки к празднику на Санкт-Петербургском монетном дворе была выпущена памятная бронзовая медаль

³¹⁹ Коялович М.О. Куликовская битва и ее значение в истории русской государственности и русской церкви. СПб., 1880.

³²⁰ Кишиневские епархиальные ведомости. 1880. №18. 15-30 сент. Ч. Неоф. С. 773.

(Л. Штейнман и А. Грилихес)³²¹. Стоит сказать, что экземпляры этой медали разошлись по всей России. Так, например, одна из них хранилась в музее Псковского церковно-археологического комитета³²².

О большом значении проведения в 1880 году юбилейных торжеств по всей Российской империи говорит тот факт, что празднование 500-летней годовщины Куликовской битвы отмечено как особое событие в «Хронике царствования Александра II»³²³. Стоит заметить, что это единственное празднование, отмеченное в приведенном списке величайших событий царствования Александра II.

Таким образом, юбилейные торжества, посвященные 500-летней годовщине Куликовской битвы, заняли важное место в коммеморативной культуре Российской империи второй половины XIX века. Юбилейные мероприятия, большинство из которых были организованы по инициативе местной провинциальной интеллигенцией, охватили большинство регионов страны, что позволяет отнести юбилей 1880 года к событию общероссийского уровня. В столице и провинции использовались разные виды коммеморативных практик, сочетавших как церковную, так и светскую часть – богослужения, крестный ход к памятнику, военный парад на месте сражения, торжественный ужин в зале Дворянского Соборания в Туле, закладка Инвалидного Дома, народные гулянья, публичные чтения и лекции, издание памятных статей в разных городах Российской империи, изготовление памятных медалей, памятные заседания обществ в столицах.

Особенностью юбилейных торжеств, посвященных Куликовской битве 1380 года было то, что они нашли широкое освещение на страницах периодических изданиях, сделавших доступной информацию о них для самых разных регионов России. Эта черта существенно отличала данный

³²¹ Амелькин А.О. Образ Мамаева побоища... С. 228.

³²² Каталог музея Псковского церковно-археологического комитета. Бронзовая медаль в память 500-летия Куликовской битвы. Псков, 1914. С. 22.

³²³ История царствования императора Александра II (в картинах). СПб, 1882. С. 94.

юбилей от церемонии открытия памятника 1850 года, имевшей в большей степени местное значение.

2.2 Монументальная и топонимическая коммеморация в формировании «мест памяти» о Куликовской битве во второй половине XIX – начале XX веков.

В связи с тем, что монументальная коммеморативная практика была в значительной степени представлена в увековечении памяти о Куликовской битве, целесообразно рассмотреть ее характерные особенности.

Массовое возведение памятников и монументов является отличительной особенностью XIX столетия. Именно в это время в России появляются памятники, посвященные писателям и поэтам, государственным деятелям. Эту особенность отмечали современники: «Наш век по преимуществу отличается от минувших разумною потребностью увековечивать достопамятные события и полезную деятельность людей даровитых общественными памятниками»³²⁴. Происхождение самой идеи установки памятника великим деятелям прошлого имело начало в Западной Европе и распространяется в России со времен Петра I. Это иностранное происхождение памятника как явления культуры хорошо осознавали современники. Так, К.Н. Бестужев-Рюмин писал: «Вслед за народами запада и наша почва русская покрылась памятниками на местах исторических событий». На протяжении XIX века заимствованный характер традиции установки монументов постепенно забывается, она адаптируется и развивается в контексте российской монументальной традиции³²⁵.

Наиболее интенсивно процесс возведения памятников происходил в эпоху Николая I. Тематически они были посвящены как событиям русской военной истории, так и великим историческим деятелям прошлого – императорам, писателям и поэтам³²⁶. На протяжении XIX – начала XX вв. появляется практика возведения комплексов монументов на полях сражений – Бородинском, в 1901 г. – Геок-тепе. В начале XX в. были устроены

³²⁴ Памятник Тысячелетию Государства Российского в Новгороде. Новгород, 1878. С. 3.

³²⁵ Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века... С. 906.

³²⁶ Сокол К.Г. Монументы империи. М. 2001. С. 11.

торжества в честь юбилеев многих событий русской военной истории – в 1909 году – Полтавской битвы, в 1910 – взятия Выборга, Риги и Ревеля, в 1912 году – столетие Отечественной войны, сопровождаемые установкой памятников³²⁷.

В.А. Рубин отмечает, что военно-мемориальное наследие предстает органичным единством символично-знакового (ментального образа отношения современников к военной истории и ее событийно-героическому контенту) и материального (форм и способов визуализации этого ментального образа) компонентов, в совокупности реализующих ряд значимых социокультурных функций: политико-идеологическую, коммеморативную, ритуальную, мобилизационную, информационную, воспитательную, сакрализующую, рекреационную, эстетическую³²⁸.

Период второй половины XIX – начало XX в. характеризуется созданием на Куликовом поле ансамбля памятников. В этом процессе можно проследить такие характеристики, выделяемые В.А. Рубиным для реализации государственной культурной политики в сфере военно-мемориального наследия, как ведущая роль государства в деле обеспечения процессов сохранения военно-мемориального наследия, дополняемая местными (на уровне городов или губерний) и общественными инициативами. На протяжении данного периода происходит интенсификация мемориальной деятельности, что находит выражение в разработке и проведении на территории Российской империи тематических мероприятий, реализации общественных инициатив, направленных на сохранение памяти о событиях прошлого³²⁹.

Истории создания памятников на Куликовом поле неоднократно привлекала внимание исследователей. Можно сказать, что монументальная коммеморативная практика является на сегодняшний день наиболее изученной. Однако, некоторые вопросы требуют отдельного рассмотрения.

³²⁷ Сокол К.Г. Монумены империи. С. 13.

³²⁸ Рубин В.А. Военно-мемориальное наследие... С. 17.

³²⁹ Там же. С. 26.

Важное значение имеет следующая мысль С.А. Еремеевой: «Создание памятника и введение его в общественное пространство – сложная практика памяти, связанная с большим объемом рефлексии, и одновременно, с умением воспринимать и интерпретировать символы, выраженные в визуальном образе. Такая практика изначально могла быть только элитарной, в массы отправлялся уже законченный и упрощенный миф, даже не сам миф, а внушенное представление о важности существования его»³³⁰.

В наши дни изучение монументальной коммеморативной практики привлекает внимание многих исследователей – не только историков, но и культурологов. В рамках данного направления используется термин «монументальный ландшафт», рассматриваются особенности его формирования. В.В. Бондарь отмечает, что при развитии практики сооружения монументов, достигшей пика в предреволюционные годы, «не было единого закона, определявшего монументальную политику, как не было и какого-либо органа власти или учреждения, ведавшего вопросами возведения и содержания монументов. Существовала лишь хорошо прослеживаемая общая идея увековечения событий и личностей...»³³¹.

На протяжении XIX века традиция установки памятников в России обрела конкретные черты. В начале XIX века памятники на территории Российской империи появлялись редко, «практика их возведения не была распространенной»³³². Большинство из памятников, установленных на протяжении XIX века, были посвящены конкретной исторической фигуре. Пример создания комплекса мемориальных сооружений на Куликовом поле, задуманный в первой половине XIX века, является одним из редких примеров применения европейской традиции на русской почве в то время.

³³⁰ Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века... С. 926.

³³¹ Бондарь В.В. Складывание монументального ландшафта в дореволюционной России: особенности проявлений государственной политики в центре и окраинах // Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы / В.В. Бондарь, А.Н. Еремеева, О.Н. Маркова, Т.Ю. Юренева; отв. Ред. А.Н. Еремеева. М., 2022. С. 29-42.

³³² Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века... С. 886.

Воплощение монументальной практики коммеморации, как правило, совпадало с осмыслением места, которое должно было выступать как «место памяти» и приданием ему символического значения.

Как полагает А.В. Горбунов, «Интегральным выражением особой ценности поля сражения является превращение названия местности в символическое понятие международного или национального масштаба: Марафон, Канны, Ватерлоо, Верден, Сталинград». Он отмечает, что «Стихотворение «Надпись на поле Бородинском» (Н. Д. Иванчин-Писарев, 1813 г.), в котором село Бородино названо российским Марафоном, можно считать началом признания особой ценности Бородинского поля»³³³. Важно отметить, что такое же название, «Русский Марафон», закрепляется в XIX-начале XX вв. за Куликовым полем – впервые его назовет так П. Свиньин в 1825 году³³⁴. Эта ассоциация доживет до начала XX века³³⁵. В этом же контексте представление о самоценности Куликова поля можно встретить в замечании М.Н. Макарова: «Память о Куликовом поле камень честен, алмаз, цены не имеющий»³³⁶.

Истории мемориализации Куликова поля посвящены многочисленные работы. При этом, как заметил А.В. Горбунов, «Мемориализация культурного ландшафта поля сражения — это не только установка на нём разнообразных памятных знаков, но и закрепление в народной памяти прямой ассоциативной связи между историческим событием и местностью, на которой оно произошло»³³⁷.

Как заметила С.А. Еремеева, «На протяжении XIX века в России можно наблюдать процесс освоения новой практики: создания общественных

³³³ Горбунов А.В. Ландшафт полей сражений: генезис, структура, развитие // Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004. С. 236.

³³⁴ Свиньин П.П. Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России в 1825 году, относительно археологии // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. И авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 52.

³³⁵ Троицкий Н.И. Памятование об историческом прошлом в деле школьного воспитания // Тульские древности. Тула, 2002. С. 23.

³³⁶ Макаров М.Н. Материал для исторических пояснений Поля Куликова // Русский вестник. 1842. Т. 5. № 3. С. 84.

³³⁷ Горбунов А.В. Ландшафт полей сражений... С. 236.

скульптурных монументов и превращения их в места памяти»³³⁸. При этом, «Важна не только сама установка памятника, а введение его в поле мифа».

В связи с этим, перспективным видится рассмотреть не сам факт установки и открытия памятника, но и изменение его восприятия в общественности разных поколений.

Более того, на протяжении XIX – начала XX столетий изменялась роль памятников, менялся смысл, закладываемый в них создателями. История сложения ансамбля памятников на Куликовом поле имеет особенный интерес, так как включает в себя не только несколько объектов, разных по своему стилистическому и символическому наполнению, возникших в разные десятилетия, но и выходит за рамки самого Куликова поля как места сражения. Топонимическая коммеморация включает в себя восприятие памятниками эпохи князя Дмитрия ворот и башен Московского Кремля. Находки обретают роль государственных символов и святынь, обретая свое особое место хранения – Оружейную палату и Большой Кремлевский дворец. Об этом будет сказано в одном из следующих разделов.

На примере Пушкинского юбилея С.А. Еремеева выводит важную характерную особенность функционирования механизмов исторической памяти: «для понимания культурных механизмов коллективной памяти эта история ключевая: до 1880 года существует не практика, а возможность практики монументальной коммеморации»³³⁹. По мысли автора, Пушкинский праздник выявил необходимые и достаточные условия ее эффективной реализации. Немаловажно отметить, что идея празднования 500-летнего юбилея Куликовской битвы возникает и активно воплощается в жизнь в обстановке имеющего необычные масштабы Пушкинского юбилея. Памятник на Куликовом поле, установленный в 1850 году, начинает входить в культурную реальность людей XIX века только с момента празднования юбилея 1880 года. Так, в преддверие юбилейных торжеств на Куликовом

³³⁸ Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века... С. 906.

³³⁹ Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века... С. 911.

поле журналист газеты «Московские ведомости» писал: «Место Куликовской битвы, которая имеет великое значение для всей земли Русской, до сих пор не имеет памятника, достойного события, связанного с этим местом...ни инвалидного дома, ни храма на Куликовом поле не было воздвигнуто, а поставлен был только памятник на Красном Холме...». Можно заключить, что автор знал о наличии памятника на Красном Холме, но не считал, что он имеет функцию памятника в полном смысле этого слова. В дневнике А.С. Суворина за 1893 год приведен его разговор со скульптором Бернштамом, который хотел изобразить Дмитрия Донского, попирающего ногой татарина³⁴⁰. Разговор шел об исторических деятелях, которым стоит возвести памятники – скульптор пришел к выводу о том, что «у нас нет памятника Дмитрию Донскому, Ермаку, Ивану III, Михаилу Федоровичу, Алексею Михайловичу, царствование которого так значительно. Это было бы хорошее поощрение русскому искусству». Таким образом, создание памятника Дмитрию Донскому в конце XIX века было по-прежнему актуальным в глазах современников.

Во второй половине XIX в., с момента публикации М.Т. Яблочкова памятник на Куликовом поле обретает свою историю и восприятие. Во второй половине XIX в. в некоторых учебных изданиях и энциклопедиях появляются упоминания о нем, иногда даже гравюры и рисунки (см. Приложение 13). После 1880 года Куликово поле становится местом торжеств, отмечающих годовщину битвы 1380 года (см. Приложение 15). Памятник Дмитрию Донскому становится местной достопримечательностью – рядом с ним фотографируются представители дворянских семей, посещающих Куликово поле - Глебовы, Толстые и Олсуфьевы (см. Приложение 16).

В особенной степени внимание к памятникам отечественной истории проявляется в начале XX века, накануне Первой мировой войны. В эти годы

³⁴⁰ Запись от 19 мая 1893 года // Дневник А.С. Суворина / под ред. М. Кричевского. М.; Пг., 1923. С. 53.

появляются издания, имеющие целью познакомить читателей с памятниками, установленными в разных частях Российской империи. Авторы таких изданий применяли новый подход. Знакомство с событиями далекого прошлого начиналось не с описания самого факта события, а с описания памятного места и его значения в современной жизни. Авторы изданий обуславливали необходимость подобных изданий тем, что «...труды достояние специалистов не проникли в широкие слои населения и не оказали влияния на характер и содержание учебников», а сведения из путеводителей зачастую бывают неверными.

Б. Глинский писал: «Незнакомство русского общества вообще и русской учащейся молодежи в частности с отечественными историческими памятниками, этими безмолвными свидетелями истории родины – явление в высшей степени печальное. Только из всестороннего познания своего прошлого выковывается прочное и правильное национальное самосознание, тот здоровый патриотизм, который позволяет народу любить и ценить свою родину в ее настоящем, гордиться ее прошлым и твердо верить в ее будущее. И для развития этих чувств до последнего времени, к сожалению, почти ничего не делалось ни в печати вообще, ни в специальной учебной литературе в частности»³⁴¹.

Характерной особенностью обращения к образу Куликовской битвы в XIX веке становится подчеркивание связи между отдельными историческими событиями и преемственности между ними. С.Д. Нечаев, посвятивший описанию Куликова поля несколько произведений, писал о том, что «История Государств представляет хитрое сплетение происшествий, одно от другого происходящих. Обыкновенный человек едва различает лишь нити сей испещренной ткани; но очи мудрого, проницая покров ее, ясно видят действующую руку великого Художника»³⁴².

³⁴¹ Замечательные исторические сооружения. Сост. Ф. А. Тарапыгин и В. Е. Рудаков. Изд. 2. СПб, 1913.

³⁴² Нечаев С.Д. Мысли // Вестник Европы. 1820. №1. С. 1.

В речах Д.И. Иловайского неоднократно подчеркивалась связь Куликовской битвы и стояния на Угре, что было отмечено в программе, составленной для юбилейных торжеств 1880 года. Людей той эпохи интересовало не только само событие, но его место в цепи событий разных времен.

И.Ф. Афремов, ставший одним из первых авторов, описавших Куликово поле и его достопримечательности, указывал, что на месте, где происходила Куликовская битва 1380 года, проходили полчища Тамерлана, состоялась битва 1572 года с ее героями Пронским и Деевым³⁴³.

В историческом очерке «Куликово поле» Д.Д. Оболенский также затронул тему свершения нескольких важных исторических событий на одном месте: «При Иоанне Грозном крымские мурзы с отрядами войск хана Саип-Гирея вторглись в Рязанские области и, когда перешли за Дон в августе 1542 года, встречены были царскими войсками, под командою боярина князя Петра Даниловича Пронского (потомка рязанских удельных князей) и князя Юрия Ивановича Деева. Увидя русские войска, татары отступили за Дон; наши воеводы их преследовали, и на славном Куликовом поле вновь произошла частная битва, в которой крымские татары разбиты были наголову, подобно предкам своим, властителям Русской земли, усеявшим костями обширное поле это. Пронский и Деев, подобно засадному полку храброго князя Волынского, преследовали татар до берегов Красивой Мечи»³⁴⁴. Одним из примечательных мест Куликова поля он называет большой курган на берегу Смолки, насыпанный, вероятно, «над могилами падших воинов царя Иоанна Васильевича Грозного 1542 г. при второй куликовской битве с крымскими татарами...»³⁴⁵. Посетивший в начале XX

³⁴³ Афремов И.Ф. Куликово поле, с реставрированным планом Куликовской битвы в 8 день сентября 1380 г.: Отрывок из Исторического обозрения Тульской губернии Ивана Афремова. М.: тип. В. Готье, 1849. С. 54-57, 58.

³⁴⁴ Оболенский Д.Д. Куликово поле // Исторический вестник. Т. ХСIII. 1903. С. 590.

³⁴⁵ Там же. С. 591.

века Куликово поле С. Шульгин также упоминает «вторую Куликовскую битва» с крымцами, произошедшую при Иване Грозном³⁴⁶.

8 сентября 1850 года был открыт памятник князю Дмитрия Донскому на Красном Холме. Несмотря на то, что мысль о его создании появилась еще в 20-х гг. XIX столетия, и процесс его создания занял немало времени, открытие памятника произошло в юбилейный год, когда отмечалась торжественная 470-летняя годовщина Куликовской битвы и 500-летие со дня рождения Дмитрия Донского. Торжества, сопровождавшие открытие памятника, стали первым праздничным мероприятием, связанным с годовщиной битвы³⁴⁷. Заметно, что открытие памятника-монумента было приурочено прежде всего к 500-летию рождения Дмитрия Донского, что находится в рамках традиции XIX в., когда памятники посвящались историческим деятелям.

Возведение памятника на Куликовом поле стало делом всероссийским. Помимо того, что в нем приняли участие жители всех губерний Российской империи, это были представители разных сословий (дворянство, купечество, мещанство, крестьянство), вероисповеданий и народностей. Среди жертвователей были не только православные, но и евреи, и мусульмане³⁴⁸. Деньги жертвовали как городские общества, так и частные лица. Стоит отметить, что всероссийская подписка на строительство памятников для первой половины XIX века была явлением довольно редким. Объединение разных губерний и сословий в деле постройки памятника и широкая публикация материалов о подписчиках в печати делала сам факт подписки символическим, призванным показать единство русского народа.

Интересно, что одновременно с принятием решения о создании памятника обсуждался вопрос о месте его установки. Задуманный И.П.

³⁴⁶ Шульгин С.Н. Куликово поле // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. И авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 411.

³⁴⁷ Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 301.

³⁴⁸ Московские ведомости. 1825. №85, 89; Московские ведомости 1828. № 3, 12, 21, 29, 48; ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 1. Д. 2322 а; Ф. 90. Оп. 1. Т. 11. Д. 9150; Ф 90. Оп. 1. Т. 13. Д. 10205.

Мартосом по примеру памятника К. Минина и Д. Пожарского³⁴⁹, установленного в Москве, проект имел реальную возможность быть воплощенным в одной из столиц. Стоит отметить, что примеров установки памятников на местах сражений в то время было немного – почти единственным примером такого подхода служил памятник на месте Полтавской баталии³⁵⁰.

Один из инициаторов создания памятника граф Васильев писал А.Н. Оленину с просьбой не отдавать этого памятника ни Москве, ни Петербургу: он есть – стяжание Тулы, и поставить его хотя в «дебрях», но тульских, куда «я проложу дорогу», облекусь в найденную кольчугу и стану на страже у подножия памятника сего»³⁵¹. Это позволяет сделать вывод о восприятии дворянством начала XIX века Куликова поля как памятного места.

20 ноября 1850 года дворяне «решили испросить Высочайшее разрешение на открытие денежной подписки на устройство на Куликовом поле инвалидного дома для 12 заслуженных и неимущих воинов из дворян». Под прошением подписались 54 дворянина³⁵². 20 декабря того же года граф Перовский, бывший тогда министром Внутренних Дел уведомил о положительном решении вопроса. В жертвовании средств приняли участие император и великие князья Николай и Михаил Николаевичи³⁵³.

Во второй половине XIX – начале XX вв. на Куликовом поле развернулось обширное строительство. План будущих построек сформировался уже в первой половине столетия, но воплощен в жизнь он

³⁴⁹ Письмо ректора Академии Художеств скульптора И. П. Мартоса генерал-губернатору, управляющему губерниями Рязанской, Тульской, орловской, Воронежской и тамбовской генерал-лейтенанту А. Д. Балашову с просьбой доставить для разработки проекта памятника Дмитрию Донскому план Куликова поля и сведения о наличии камня в округе // Куликово поле: летописи, документы / Сост. Баташова З. М., Малеванов Н. А., Петухов А. А., Сухов В. А., Фомин Н. К. Тула, 1982. С. 17.

³⁵⁰ Именной указ 11-13 июля 1709 г. О построении близ города Полтава в память одержанной там над шведами победе мужеского Петропавловского монастыря с приделом Сампсона странноприимца и о сооружении пред церковью памятника // Охрана культурного наследия в документах XVII-XX вв. Хрестоматия. Т. I. М., 2000. С. 22; Именной указ от 29 апреля 1723 г. О сделании каменной пирамиды на Полтавском поле, в память победы, держанной над шведами. С. 36.

³⁵¹ Место Куликовской битвы. Смесь // Исторический вестник. Т. II. Август 1880. С. 799.

³⁵² Памятная книжка Тульской губернии на 1900 год. Тула, 1900 год. С. 59.

³⁵³ Место Куликовской битвы. Смесь // Исторический вестник. Т. II. Август 1880. С. 800.

был во второй половине XIX – н. XX вв. Так, в 1865 – 1884 гг. была возведена каменная церковь Рождества Богородицы в с. Монастырщине³⁵⁴.

В этом контексте история памятников Куликова поля сопоставима с историей их строительства на Полтавском поле. Изначально в XVIII в. там был поставлен монумент-пирамида. Несмотря на проект Петра I, идея о строительстве на поле монастыря не была реализована. К необходимости возведения на Полтавском поле церкви и памятника возвращается И.С. Судиенко в 1809 году, когда была открыта подписка на сооружение памятника Минину и Пожарскому, причем жертвует на их строительство значительный капитал. Закладка храма на Полтавском поле состоялась только в 1852 году.

В 1887 г. «в воспоминание Куликовской битвы» был устроен придельный храм в с. Монастырщине. С историей этого храма была тесно связана одна реликвия, соотносимой с временами Куликовской битвы – Царских врат. Над привлечением к ним внимания императора немало сделал граф Ю.А. Олсуфьев, отправивший обнаруженные им Царские врата в Санкт-Петербург. 29 февраля 1884 г. врата были представлены императору и императрице в Гатчине. Император пожаловал деньги на иконостас из 34 икон, изготовленный в Санкт-Петербурге по древним рисункам под руководством Султанова. 31 марта 1885 г. иконостас был представлен императору в музее общества³⁵⁵.

В 1901 году на Красном Холме Куликова поля граф А.В. Олсуфьев и князь М.В. Голицын обратились к епископу Тульскому и Белевскому Питириму с инициативой создания храма³⁵⁶, который был построен в 1903-1917 гг.

³⁵⁴ Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 303; Кусакин С.В. Храмы Куликова поля. Книга первая: Епифань, Монастырщино, Красный Холм, Себино. Изд. 2-е, испр. и доп. Тула, 2014. С. 158.

³⁵⁵ Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1887 г. СПб., 1889. С. 90-91.

³⁵⁶ Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 304.

Идея создания храма на Куликовом поле появилась в начале XIX века. При этом в сознании современников достойный ансамбль складывался из памятника и храма. Об этом свидетельствуют слова В.И. Синельникова: «В 1824 году в Бозе Почивающий Государь Император Александр Благословенный, что бы увековечить в памяти грядущих веков достойные бессмертной славы подвиги Донского и его храбрых сподвижников, повелел воздвигнуть на Куликовом поле памятник с храмом во имя Св. Чудотворца Сергия, как Главного сей эпохи подвижника и обителью для изувеченных воинов подвизавшихся против современных врагов Российской Империи...»³⁵⁷.

Возвращение к идее создания на Куликовом поле храма произошло в самом начале XX века. По распоряжению архиерея в день 8 сентября после литургии в храме Рождества Богородицы ближайшего к полю с. Монастырщины совершались крестные ходы из этого села на само поле битвы, где при большом стечении народа совершалась панихида по всем погибшим в боях за Отечество воинам³⁵⁸. С 1901 года Архиепископ сам выезжал на Куликово поле и совершал панихиду. Мысль о создании на Куликовом поле храма высказывалась архиепископом не раз на самом Куликовом поле и в домашних, частных беседах. Эту мысль поддержал граф А.В. Олсуфьев, в сентябре 1903 г. изъявил готовность пожертвовать для храма 36 десятин земли. Олсуфьев видел храм Св. Сергия как приходской храм, который должны были посещать жители близлежащих к Куликову полю деревень – Даниловки, Клина и Телятинки, которым приходилось посещать храм, находящийся в 8 верстах от дома. Вместе с тем, именно ему, как считал А.О. Амелькин, удалось придать строительству почти государственное значение³⁵⁹. Сооружение храма-памятника Св. Сергия продолжало зародившуюся в начале XIX века традицию строительства по

³⁵⁷ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 34. ЛЛ. 3 об.-4.

³⁵⁸ Храм во имя Преподобного Сергия на Куликовом поле // Тульские Епархиальные Ведомости. 1904. №6. С. 167-169.

³⁵⁹ Амелькин А.О. Образ Мамаева побоища... С. 229.

подписке. Вслед за памятником-монументом, храм Сергия возводился по общероссийской подписке на средства, собранные из разных мест Российской империи. В Государственном архиве Тульской области хранятся документы о поступлении на строительство храма пожертвований из разных мест – Московской, Калужской, Черниговской, Воронежской Духовных Консисторий, церквей и монастырей уездов Тульской, Херсонской, Вятской, Подольской губерний и т.д.³⁶⁰ Можно отметить, что общероссийская подписка способствовала объединению этнически и географически далеких друг от друга регионов в культурном пространстве Российской империи.

Член строительного комитета по возведению храма св. Сергию И.О. Савич писал о том, что мысль о создании храма-памятника возникла во второй половине XIX столетия, но «тогда, в эпоху позитивизма, эта мысль была встречена с недоверием», «Даже такой идейный патриот, как Иван Аксаков, находил построение храма-памятника в столь пустынном месте делом неосуществимым»³⁶¹. В начале XX века на Куликовом поле начинает воплощаться мысль храма-памятника, имевшая своей конечной точкой создания монастыря.

Смысл возведения нового храма на Куликовом поле становится понятным из докладных записок Ю.А. Олсуфьева. Он писал о том, что «Бородино давно уже увенчано монастырем» и предложил продолжить эту традицию на Куликовом поле. Ю.А. Олсуфьев воспринимал Куликово поле как «место, которое некогда послужило рычагом освобождения родины от чужеземного гнета, то место, которое было залито кровью доблестной русской рати», не пожалевшей положить жизнь за веру и отечество»³⁶².

По распоряжению архиепископа 11 января 1904 г. был образован Строительный Комитет по сооружению храма пр. Сергия, в состав которого вошли граф А.В. Олсуфьев, ставший его председателем, а также граф Ю.А. Олсуфьев, князь М.В. Голицын, архитектор А.В. Щусев, художник П.И.

³⁶⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 2295, 2236, 2298, 2299, 2302, 2451, 2453, 2457; Оп. 18. Д. 9262.

³⁶¹ Савич И.О. Святая мечта. К устройению храма – памятника на Куликовом поле // ТЕВ. 1918. №9/10. С. 97.

³⁶² ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 4851. Л. 1.

Нерадовский, заведующий Тульской Палатой Древностей Н.И. Троицкий и секретарь Тульской Консистории В.В. Соколовский³⁶³. Сбор пожертвований на строительства храма производился по всем церквям Российской империи³⁶⁴.

Когда храм и иконостас были закончены, возникла мысль обеспечить заботу о храме и церковной службе учреждением женского монастыря, а сначала общины. Инициатором и активным двигателем этой идеи стал граф Ю. А. Олсуфьев. Получив полную поддержку своей идеи и благословение старцев Оптиной пустыни Анатолия и Нектария, в начале 1914 года граф обратился к архиепископу Парфению³⁶⁵.

Для сбора средств на постройку монастыря Олсуфьев предложил архиепископу Тульскому и Белевскому Парфению продлить сбор по церквям, проводимый в день 8 сентября, на 3 года – 1914-1916 гг. Таким образом, средствами для осуществления проекта должны были быть «жертвы дворянских собраний, земств, городов, частных лиц и всероссийский сбор, проводимый по всем церквям Российской империи³⁶⁶. Для устройства обители во временное пользование решили предоставить колокола, эвакуированные в Москву из оккупированных западных губерний страны.

Женский Успенский монастырь признал невозможным принять общину «по причине отсутствия свободных денежных средств и наличия дач, которые требуют постоянного хозяйственного наблюдения»³⁶⁷.

Вместе с тем, по мнению Ю.А. Олсуфьева, создание монастыря имело важное значение. Вопрос состоял в создании нового культурно-просветительного очага, где бы «на началах религиозно-нравственных под влиянием обители, воспитывалось бы молодое подрастающее поколение местного края», это был вопрос, касающийся создания вечного памятника

³⁶³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 2295. Л. 169.

³⁶⁴ Вестник военного духовенства. №21. Ч. Оф. С. 642.

³⁶⁵ Савич И.О. Святая мечта. К устройению храма – памятника на Куликовом поле // ТЕВ. 1918. №9/10. С. 99.

³⁶⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 4851. Л.1.

³⁶⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 2295. Л. 11.

исторического³⁶⁸. Графа волновал вопрос о «культурно-просветительном служении общины» для местного края. В заведование общины Ю.А. Олсуфьев отдал сиротский приют для детей, отцы которых погибли на войне, оборудованный на свои средства в имении при с. Буйцы. На средства графа при общине должна была быть возведена монастырская школа. Епархиальное начальство признало желательным удовлетворить ходатайство «в целях культурно-просветительных для местного края – учредить при храме-памятнике на Куликовом поле – женскую иноческую общину»³⁶⁹.

Главными помехами для осуществления идеи стали дальность расстояния, отсутствие денежных средств, а затем и начавшаяся Первая мировая война и последовавшая за ней революция.

После революционных событий 1917 года в реализации проекта возникли существенные трудности. Узаконение Куликовской общины и земельного дара Ю.А. Олсуфьева задерживалось.

В документе от 4 ноября 1917 года зафиксировано, что сведения от губернского комиссара о беспрепятственности со стороны гражданского начальства к основанию женской общины, несмотря на трехкратное требование консистории, доселе не было получено. И.О. Савич свидетельствует о том, что в конце 1917 года при храме-памятнике святого Сергия была учреждена иноческая Сергиева обитель-община. Однако дальнейшая ее судьба была определена.

На заседании 14 сентября 1917 года Епифанский Уездный Исполнительный Комитет заслушал сообщение Тульской Духовной Консистории от 21 августа о желании графа Ю.А. Олсуфьева пожертвовать участок принадлежащей ему земли мерой 36 десятин для основания женской общины близ храма-памятника на Куликовом поле и «высказался за нежелательность устройства женской общины, как не могущей иметь

³⁶⁸ Савич И.О. Святая мечта. К устройению храма – памятника на Куликовом поле. С. 101.

³⁶⁹ Савич И.О. Святая мечта. К устройению храма – памятника на Куликовом поле. С. 105.

культурно-общественного значения»³⁷⁰. Данный пример свидетельствует об изменении политики памяти и в рамках этого процесса – отказ от коммеморативных практик, характерных для Российской империи второй половины XIX-начала XX веков.

Представление о «местах памяти» Куликовской битвы, существовавших в Российской империи, будет далеко не полным, если не затронуть вопрос топонимической коммеморации.

Неотъемлемой чертой сохранения памяти о событиях прошлого является топонимическая коммеморация. Этот термин, предложенный И.С. Огоновской, очень удачен для обозначения части практик коммеморации, восходящим к временам далекого прошлого.

Паломничество по святым местам, по местам, связанным с событием является одной из форм коммеморативного ритуала – церемонии, имеющей своей целью репрезентацию мифической истории предка. В том случае, если церемонии происходят в местах, связанных с событием, осененных славой предков, и участники обряда посещают в ходе паломничества места, которые проходили мифические почитаемые герои, речь идет, по определению Э. Дюркгейма, об «имплицитной коммеморации»³⁷¹. Развитием идеи Э. Дюркгейма послужили труды П. Нора, который ввел понятие «мест памяти», определяя их как любые материальные или идеальные значащие единицы, которые по воле людей или же в результате работы времени превратились в символическую часть наследия, сохраняемую в памяти данной общности. «Места памяти» разделялись на материальные, функциональные (связанные с ритуалами) и символические. В их качестве могут выступать разные носители информации о прошлом – реальные топографические объекты, культурные артефакты и культурные практики – от зданий до произведений музыки и литературы, от религиозных церемоний до спортивных состязаний или национальных праздников. Материальными «местами памяти» можно

³⁷⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 4851. Л.63.

³⁷¹ Васильев А.Г. «Места памяти» // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. Ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 264, 265.

считать артефакты, воспринимаемые как реликвии Куликовской битвы, либо предметы, специально созданные в качестве артефактов, связанных с сохранением памяти о Куликовской битве (например, подарки императорам). Далее затронем вопрос о функциональных «местах памяти», связанных с Куликовской битвой.

Интерес к месту сражения 1380 года и описанию его достопримечательностей проявляли многие исследователи уже в первой половине XIX столетия – М.Н. Макаров, С.Д. Нечаев знакомили с местом выдающегося сражения столичную публику. Эту традицию продолжил И.Ф. Афремов, опубликовав в преддверии открытия памятника на Куликовом поле труд, который стал основополагающим для всех интересующихся местом сражения во второй половине XIX – начале XX вв. Исследование И.Ф. Афремова получило высокую оценку – «за описание Куликовской битвы и план Куликова поля» автору была объявлена признательность императора³⁷². Он предложил оградить валом Зеленую Дубраву и посадить молодые деревья³⁷³. Как известно, Дубрава перестала существовать к 1886 году³⁷⁴. Однако, отдельные деревья продолжали напоминать путешественникам о существовавшем здесь лесном массиве, который был местом расположения засадного полка. Посетив Куликово поле в 1915 году, ветку дубовой поросли взял на память С.Н. Шульгин, как «священную реликвию»³⁷⁵.

На рубеже XIX – XX веков набирали популярность экскурсии учащихся на поля сражений. Поездки учащихся организовывались под началом Министерства Народного Просвещения под руководством педагогов и были призваны познакомить учащихся с местами, «где совершались великие исторические события, как на поля Марафонское, Куликовское,

³⁷² Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1847. № 19. С. 1.

³⁷³ Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 303.

³⁷⁴ Комментарий А.Н. Наумова к статье С.Д. Нечаева «Некоторые замечания о места Мамаева побоища» // Антология публикаций XIX-XX веков. С. 27.

³⁷⁵ Шульгин С.Н. Куликово поле // Антология публикаций XIX – XX веков. С. 410.

Полтавское, Бородинское и пр., как на место, на котором остались памятники важных моментов жизни русского народа»³⁷⁶.

Особенную популярность они имели среди военных учебно-образовательных заведений. Ф. Кочетов, выпускник кадетского корпуса, вспоминал, как в год празднования Столетия Отечественной войны 1812 года и Юбилея Дома Романовых 1913 годах совершались поездки по России с посещением исторических мест и осмотром памятников старины³⁷⁷. Среди памятников, которые посещались учащейся молодежью, были памятник крещения России в Киеве, Бородинское поле, место Куликовской и Полтавской битв, Севастополь³⁷⁸.

Отметим, что авторы заметок и исследований о Куликовской битвы на протяжении XIX – XX вв. проводили мысль о том, что Куликово поле было местом не только сражения 1380 года. О «второй Куликовской битве» с крымцами, произошедшей здесь при Иване Грозном, пишут И.Ф. Афремов, Д.Д. Оболенский, С.Н. Шульгин. В связи с этим место сражения обретало еще большее значение для патриотического воспитания, сочетая в себе память о нескольких победах древней русской истории.

В августе 1900 года совершили поездку на Куликово поле 28 кадет и 2 офицера под руководством Н.А. Репина – действительного члена Воронежской ученой архивной комиссии, преподавателя Михайловского Воронежского кадетского корпуса. «Куликово поле неоднократно играло роль в истории России, а между тем теперь мало кому известно его значение, где находится это поле и как к нему доехать» - заметил организатор этой поездки³⁷⁹. Оставленные им свидетельства говорят о том, что в начале XX века Куликово поле еще не было популярным для путешественников местом. У сторожей памятника имелась книга для записывания посетителей памятника, по свидетельству Н. Репина, за 13 месяцев были записаны «один

³⁷⁶ Первая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Севастополь, 1889. С. 200.

³⁷⁷ Кочетов Ф. Юбилейные экскурсии // Военная быль. 1959. №38. С. 19 – 21.

³⁷⁸ Репин Н.А. Образовательные прогулки по России 1894 – 1902. СПб., 1903. С. 212.

³⁷⁹ Там же. С. 204.

генерал – соседний помещик, 4 священника из ближайших сел, один офицер и несколько дам – всего не более 16 человек». Однако, вопрос об огромном воспитательном значении поездок на Куликово поле был поставлен именно тогда. 6 июля 1901 года Куликово поле посетила еще одна группа кадет³⁸⁰. В 1915 году Куликово поле посетил С.Н. Шульгин, опубликовавший подробное описание местности. Он заметил, что «наша учащаяся молодежь должна ввести в программу своих образовательных экскурсий, наряду с посещением таких прославленных урочищ, как «Бородинские кровавые поля», местность «преславной Полтавской виктории» и др., также паломничество на Куликово поле»³⁸¹. Важно, что одновременно с учащейся молодежью на Куликово поле все чаще выезжают исследователи. Так, в 1914 году с целью обследования памятников старины памятники Куликова поля осмотрели глава Тульской губернской ученой архивной комиссии В.С. Арсеньев и губернатор А.Н. Тройницкий³⁸².

Таким образом, в начале XX века Куликово поле еще не стало посещаемым местом памяти, что стоит, в значительной степени, объяснить его отдаленностью. Вместе с тем, на протяжении XIX века существовали памятные места, также ассоциируемые с Куликовской битвой и являвшиеся местами паломничества. Это отмечают многочисленные путеводители, фиксирующие уже оформившуюся традицию. Множество функциональных «мест памяти» находилось в Москве. Как правило, они были связаны с религиозными центрами.

Задолго до того, как на Куликовом поле были возведены памятники, память о сражении сохраняли монастыри и церкви. Центральное значение среди них принадлежало Троице-Сергиевой Лавре, связанной с деяниями Святого Сергия, благословившего на битву Дмитрия Ивановича.

³⁸⁰ ГАТО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

³⁸¹ Шульгин С.Н. Куликово поле. С. 414.

³⁸² Кузнецова Е.И. Тульская губернская ученая архивная комиссия: история создания, труды и основные направления деятельности. Тула, 2009. С. 55.

Неслучайно именно в Троице-Сергиевой Лавре был установлен в 1792 году первый памятник-монумент, упоминавший Куликовскую победу. Подробное его описание оставил Е.Е. Голубинский: «Посреди обширного лаврского двора, близ колокольни, находится обелиск из дикого камня; на 4-х сторонах имеются следующие надписи о достопамятных событиях лавры»: о содействии успеху Дмитрия Донского в битве на Куликовском поле, о знаменитой осаде, выдержанной в период смутного времени, о призыве помощи всех русских людей к спасению Москвы и о защите Петра Великого во время стрелецких бунтов. Памятник увенчан золоченым шаром, в 1883 году вокруг обелиска были поставлены соединенные цепью пушки»³⁸³. Стоит обратить внимание на то, что все перечисленные события имели значение, важное для истории российского государства, три из них относились к XVII веку и только одно – к XIV.

В феврале 1909 года состоялось паломничество учащихся и учащихся церковных школ Саратова в Москву и Троице-Сергиеву лавру. Воспоминания об этой поездке были опубликованы на страницах «Саратовского духовного вестника». Ученики посещали гробницу князя Дмитрия, возле которой вспоминали благословение князя на битву преподобным Сергием и Куликовскую битву, после которой началось возрождение русского государства³⁸⁴.

Обращаясь к исследованию московских легенд и отражения в них различных исторических периодов, А.С. Майер отмечает, что на протяжении XIX века среди москвичей оставались популярными темы строительства и защиты города от неприятеля³⁸⁵. В этом контексте Куликовская битва была важным событием для москвичей – пожары Москвы были связаны с нашествием Наполеона, событиями Смуты и Куликовской битвой. Факт сожжения Москвы Тохтамышем отмечался в большинстве учебных изданий

³⁸³ Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892. С. 86.

³⁸⁴ Саратовский духовный вестник. 1909. №34. С. 10.

³⁸⁵ Майер А.С. Время, события, герои в исторической памяти. На материале московских городских легенд // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 777.

XIX- н.ХХ в., что отмечалось выше. Рассмотрев предания и легенды, зафиксированные в московских путеводителях второй половины XIX-начала ХХ вв., можно сделать вывод о том, что с событиями похода на Дон 1380 года были связаны многие из них.

В исторических путеводителях Москвы нашли свое отражение городские легенды, которые свидетельствуют о почитании таких знаковых мест, связанных с Куликовской битвой, как Симонов, Спасо-Андроников, Донской и Вознесенский монастыри, церковь Всех Святых. В описании Спасо-Андроникова мужского монастыря содержатся сведения о том, что 1 октября 1389 года у этой обители «митрополит Киприан встречал Великого Князя Дмитрия Иоанновича Донского, возвращавшегося победителем с Куликовской битвы». Церковь Всех Святых на Кулишках воспринимается как памятник славного поражения Мамай на Куликовом поле, в путеводителе представлена легенда, что великий князь Дмитрий Донской, «одержав победу над татарами, приказал тотчас же, по возвращении своем в Москву, в благодарность Господу, построить этот храм»³⁸⁶. Существовало предание о том, что Вознесенский монастырь основан в 1389 г. Евдокией на месте княжеского терема, откуда княгиня провожала Дмитрия на Куликовское поле и где встречала его после похода к Дону³⁸⁷. В московском Донском монастыре³⁸⁸ хранились реликвии, особо почитаемые в среде донского казачества – Донская и Гребневская иконы Божией Матери – «священные памятники, сохранившиеся до наших дней в Москве»³⁸⁹. Авторы московских путеводителей также обращали внимание на эти памятники, отмечая, что икона Донской Божией Матери, сопутствовала великому князю Дмитрию на Куликовом поле и Борису Годунову в битве с Казы-Гиреем³⁹⁰. Симонов

³⁸⁶ Вишневский А.И. Исторический путеводитель по Москве и окрестностям. М., 1896. С. 107

³⁸⁷ Замечательные исторические сооружения. С. 22.

³⁸⁸ История 5-го Донского Казачьего Войскового атамана Власова полка. Сост. В.В. Пузанов. Саратов, 1913. С. 62.

³⁸⁹ Балуев П.С. Исторические и статистические описание станиц и городов, посещаемых г. военным министром при объезде Его Превосходительства Области войска Донского в 1900 году. Новочеркасск, 1900. С. 1-2; Замечательные исторические сооружения. С. 32.

³⁹⁰ Вишневский А.И. Исторический путеводитель по Москве и окрестностям. С. 26.

монастырь почитался как место погребения участников битвы воинов-монахов Пересвета и Осляби³⁹¹. С именем одного из самых известных героев Куликовской битвы – Дмитрием Волынским – некоторые авторы связывали основание на левом берегу р. Москвы Бобренева Богородице-Рождественского монастыря³⁹².

Своеобразным памятником эпохи Куликовской битвы воспринимался Московский кремль. Во многих изданиях отмечалось, что через Фроловские (теперь Спасская), Никольские и Константино-Еленинские (ныне не существующие) ворота с распущенными знаменами выходила соединенная рать удельных князей, «чтобы под великокняжеским черным знаменем с золотым образом Спасителя сразиться с татарами на Куликовом поле»³⁹³. Многие путеводители отмечали тот факт, что Дмитрий Донской был похоронен в Архангельском соборе³⁹⁴.

Исследователи неоднократно отмечали, что «фольклор отражает, хранит и передает общую культурную память общества, одной из составляющих которой является память историческая»³⁹⁵. Историческое знание через фольклор передается из поколения в поколение, изменяется, приобретает новые черты и оценки. С.Н. Азбелев указывает на тот факт, что героические сказания о Куликовской битве в устной традиции продолжали бытовать на протяжении нескольких столетий и сохранялись среди жителей Астраханской губернии, Алтая и уральских казаков XIX века³⁹⁶. Предания, связанные с Куликовской битвой, в 70-х гг. XIX века бытовали в Дмитриевском монастыре Рязанской губернии³⁹⁷. В Рязанской губернии в 45 верстах от Куликова поля в Дмитриевском монастыре хранился «костыль»

³⁹¹ Замечательные исторические сооружения. С. 47.

³⁹² Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. М., 2014. С. 124.

³⁹³ Московский Кремль. Святыни и достопамятности. Историческое описание соборов, церквей и монастырей. Сост. И.К. Кондратьев. М., 1900. С. 81 и др.

³⁹⁴ Московский кремль. Воспоминание о его прошлом. К коронаванию их императорских величеств. СПб., 1896 год.

³⁹⁵ Майер А.С. Время, события, герои в исторической памяти. С. 763.

³⁹⁶ Азбелев С.Н. Куликовская победа в народной памяти. СПб., 2011. С. 134.

³⁹⁷ Розанов П.П. Местные предания о Куликовской битве // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца Кн. 1. 1873-1877. Под ред. В.С. Иконникова. Киев, 1879. С. 63 - 69.

Александра Пересвета – «палка в натуральном своем виде, суковатая, по местам потрескавшаяся и не совсем ровная». П.П. Розанов в 1879 году констатировал, что местные жители знают про этот костыль, имеют понятие о Пересвете, «хотя к воспоминаниям примешивают немало баснословного». В записях монастырского архива было сказано, о том, что он основан Дмитрием Донским, возвращавшимся после битвы прямой дорогой. Исследователь пришел к выводу о том, что «В летописях нет ничего, чтобы оправдывало достоверность этого предания, но оно не заключает в себе противоречия летописным сказаниям»³⁹⁸. Высокая сосна, росшая на юго-восточной окраине монастыря, считалась посаженной на могиле одного из героев Куликовской битвы, здесь погребенного. Предания о местах, связанных с местом передвижения войска Дмитрия Ивановича и Мамаю, во второй половине XIX – начале XX в. бытовали во многих селениях Тульской губернии, не подразумевая, однако, реальной географической привязки к месту сражения.

Таким образом, в рассматриваемый период оформилась общеимперская коммеморативная традиция увековечения мест сражений, включавшая в себя комплекс из памятника – монумента, церкви и монастыря. Задуманная в первой половине XIX века концепция светского памятника-монумента и памятников духовных – церкви и монастыря находит воплощение во второй половине XIX – начале XX в., что важно для российской коммеморативной культуры в целом. В монументальной коммеморативной практике также присутствует сочетание церковной и светской части, отмеченное ранее для церемониальной коммеморативной практики.

К началу XX века на Куликовом поле сложился архитектурный ансамбль памятников, при этом каждый отдельный памятник имел собственное значение. Инициаторами строительства памятника-монумента, храма Св. Сергия Радонежского с подпиской общероссийского масштаба выступали представители дворянства. Храм Рождества Богородицы в с.

³⁹⁸ Розанов П.П. Местные предания о Куликовской битве. С. 66.

Монастырщина, основание и первые периоды существования которого относились к XVII веку, постепенно стал обретать значение одного из памятников Куликовской битвы, оставаясь, главным образом, приходским храмом. Храм в с. Березовка был возведен на средства известного мецената Ю.С. Нечаева-Мальцова в честь погибших на Куликовом поле воинов, что отражает частную традицию коммеморации.

На примере истории памятников Куликова поля в 1917-1920 годах изменении можно констатировать изменение политики памяти и в рамках этого процесса – отказ от коммеморативных практик, характерных для Российской империи второй половины XIX – начала XX веков.

В культурном пространстве Российской империи с Куликовской битвой было связано множество «мест памяти». Они существовали в контексте монументальной и топонимической коммеморации. Древнейший пласт «мест памяти» представляют места паломничества (церкви и монастыри) и место сражения. В отличие от крупных центров православного паломничества, какой была, например, Троице-Сергиева Лавра, в начале XX века Куликово поле еще не было часто посещаемым «местом памяти», что стоит объяснить его географической отдаленностью от крупных городов, хотя предпосылки для этого были созданы в момент празднования юбилея 1880 года. Заложенные в программе инициаторов проведения юбилейных торжеств идеи привлечения на место сражения как можно большего числа представителей учащейся молодежи разных губерний, найдет воплощение в посещении Куликова поля группой кадет в 1900 году.

2.3 Куликовская битва в родословной памяти российского дворянства второй половины XIX – начала XX веков

В коммеморативных практиках по степени участия и роли инициаторов субъектов коммеморации, а также среде их воздействия принято выделять несколько уровней – государственный, общественный и частный. Выше были рассмотрены церемониальная и монументальная коммеморативные практики, которые соотносятся с государственным уровнем, поскольку в них велика роль государства. В данном случае речь пойдет о частном уровне коммеморации, который существует в границах определенной социальной группы или сословия. Частный уровень коммеморации как правило рассчитан на закрытую, ограниченную аудиторию и создается в ее рамках. В пример можно привести коллекции дворянских усадеб, имевшие роль частных музеев, ценителями которых была в основном дворянская аудитория. Коллекции предметов, найденных на Куликовом поле, хранили в своих усадьбах С.Д. Нечаев, М.В. Голицын, И.П. Игнатъев, А.В. и Ю.А. Олсуфьевы³⁹⁹.

Частный уровень коммеморации Куликовской битвы представлен традициями сохранения памяти о Куликовской битве, существовавшими в дворянской среде. В этом контексте важен вопрос о предпосылках и причинах возникновения частных традиций коммеморации в среде российского дворянства.

Как было отмечено выше, тульскому дворянству принадлежала значительная роль как в деле установке памятников на Куликовом поле, так и в проведении 500-летнего юбилея Куликовской битвы 1880 года.

Возникает вопрос о том, почему тульское дворянство проявляло значительное внимание к сохранению памяти о Куликовской битвы. Возможно предположить, Куликовская битва была значительным событием в исторической памяти дворянства. Для того, чтобы рассмотреть место,

³⁹⁹ Наумов А.Н., Наумова Т.В. Находки с Куликова поля XIX – 30-х гг. XX вв.: их состав, обстоятельства обнаружения и владельцы // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 152, 167.

которое занимала Куликовская битва в семейной памяти дворянства второй половины XIX - начала XX веков, обратимся к источникам.

Вопросом о взаимосвязи исторических судеб дворян и земель Куликова поля в первой четверти XIX века интересовался М.Н. Макаров. Он задавался вопросом о том, «Почему земли Куликова поля принадлежали потомкам многих их участников Куликовской битвы, не сам ли князь Дмитрий Иванович выдал им после битвы эти земли?»⁴⁰⁰. Например, князья Козловские, в начале XIX века владевшие землями на Куликовом поле, считали себя потомками участников Куликовской битвы.

Интерес к месту битвы самого М.Н. Макарова, одного из первых исследователей Куликова поля, можно связать с его происхождением. В одной из своих статей он не без гордости отметил, что Е.Р. Дашкова была теткой его тетки, урожденной Исленьевой. Как известно, Исленьевы были потомками участников Куликовской битвы.

Роль дворянства в возведении на Куликовом поле памятников, праздновании юбилея была значительной. Инициатива возведения памятников исходила от дворян, они же разрабатывали программу празднования и своими усилиями добивались высочайшего внимания. Очень тонко подчеркнул это один из авторов, описавших подготовку к юбилейным торжествам 1880 года: «*Интересующиеся этим делом лица* недавно собирались в Москве и в Туле для определения программы празднования годовщины 8 сентября и пришли к тому заключению, что хотя Тульская губерния, на полях которой происходила знаменательная битва, и имеет право инициативы празднования пятисотлетней ее годовщины, но что битва эта имеет значение для всей земли Русской»⁴⁰¹. В ряде документов создание памятника на Куликовом поле обозначается как инициатива исключительно дворянства: «Дворянство Тульской губернии изъявило желание соорудить на Куликовом поле памятник в честь знаменитой победы над татарами,

⁴⁰⁰ Макаров М.Н. Материал для исторических пояснений поля Куликова // Русский вестник. Т. 5. 1842. № 3. С. 77.

⁴⁰¹ Исторический вестник. 1880. Т. II. С. 799-800.

одержанной Великим князем Дмитрием Иоанновичем Донским»⁴⁰².
Дворянство было наиболее представительной частью образованного
русского общества, в связи с чем его роль в коммеморативных практиках
сложно переоценить. Неслучайно одними из первых жертвовать средства на
постройку памятника Дмитрию Донскому стали представители дворянства,
чиновники государственных учреждений⁴⁰³. Они же выступали новаторами,
переноса на русскую почву европейские концепции и идеи памятников,
способствуя их переосмыслению и рождению новых архитектурных стилей и
форм. Их влияние и связи позволяли доводить свои идеи до императора и его
окружения, и настаивать на воплощении их в жизнь что показывает нам
пример А.Д. Балашева. Стремясь, чтобы «воздвигаемый памятник был
снабжен всеми уцелевшими свидетельствами великого происшествия», он
обратился к Н.М. Карамзину, прося его одобрения для воплощения
задуманного проекта⁴⁰⁴. Роль личного фактора в продвижении таких
проектов была велика. Именно отстранение от поста А.Д. Балашева вызвало
длительную задержку в деле постройки памятника, его же напоминание
вернуло идею в жизнь и позволило ей воплотиться. Общественное
положение С.Д. Нечаева позволило ему сделать Куликово поле в восприятии
русского образованного общества Русским Марафоном. Есть свидетельства
того, что С.Д. Нечаев назвал старшего сына Дмитрием в честь Дмитрия
Донского⁴⁰⁵.

Благодаря усилиям В.Ф. Васильева Куликово поле стало тем местом
памяти, каким бы никогда, возможно, не стало, будь принято решение о
возведении памятника в Москве или Туле. Роль дворянства в разработке
различных форм коммеморативных практик в первой половине века была
определяющей. Финансируя дорогостоящие проекты и, тем самым воплощая
их в жизнь, дворяне выступали как двигатели культуры, в их деятельности

⁴⁰² РГИА. Ф. 733. Оп. 91. Д. 65. Л. 1.

⁴⁰³ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 371. Лл. 11-13.

⁴⁰⁴ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 10. Лл. 2-2 об.

⁴⁰⁵ С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Москва-Брянск, 1995. С. 37.

наиболее ярко проявляется отражение специфики коммеморативной культуры Российской империи XIX – XX вв. Поэтому без рассмотрения роли дворянства в формировании коммеморативной культуры представление о ней будет далеко не полным.

В 1840 году отставной майор Виктор Иванович Синельников обратился к императору с письмом необычного содержания, в котором просил принять свое имение, расположенное на Куликовом поле, в состав земель, предназначенных для возведения памятника⁴⁰⁶. Стоит отметить, что В.И. Синельников принадлежал к поколению участников войны 1812 года, был награжден золотой медалью и правом носить мундир в отставке⁴⁰⁷. Николай I не пожелал действовать против закона и в феврале 1841 года В.И. Синельников получил отказ⁴⁰⁸. Несмотря на такой исход, это прошение интересно тем, что показывает осознание представителями местного дворянства необходимости придания особого статуса такому месту, как Куликово поле.

В момент подготовки к торжественному празднованию 500-летнего юбилея Куликовской битвы по замыслу организаторов торжеств особенная роль отводилась потомкам героев Куликовской битвы. В одном из выпусков «Тульских губернских ведомостей» юбилейного 1880 года «в воспоминание» дня Куликовской битвы была опубликована статья, завершавшаяся перечнем фамилий, «предки которых оказали чудеса доблести, мужества и самоотвержения в знаменитом Мамаевом побоище: Князя Воронцовы, Воронцовы-Вельяминовы, Исленьевы, Аксаковы, Сабуровы, Башмаковы, Хлопищевы, кн. Белозерские, Валуевы, Челищевы, кн. Друцкие, кн. Оболенские и потомство брата Алексея Митрополита – Плещеевы,

⁴⁰⁶ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 34. Л. 3-4.

⁴⁰⁷ Яворницкий Д.И. Первый Екатеринославский губернатор // Исторический вестник. 1887. № 1. Т. XXVIII. Июнь. С. 630 – 638.

⁴⁰⁸ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 34. Л. 15.

Басмановы, Жеребцовы и Игнатьевы»⁴⁰⁹. Этот же список был перепечатан потом в «Чтении для солдат», что показывает важность этого упоминания⁴¹⁰.

В отправлении приглашений на праздник особенно были выделены потомки участников битвы граф П.А. Валуев и А.А. Сабуров⁴¹¹. И.А. Сабуров, П.А. Сабуров и А.А. Сабуров прибыть на празднование юбилея в Тулу не смогли, но прислали телеграммы с извинениями и поздравлениями всем участникам торжественного ужина, устроенного в зале Дворянского собрания в Туле⁴¹². Таким образом, Куликовская битва была частью фамильной истории этих родов, а их представителей однозначно воспринимали именно как потомков участников Куликовской битвы.

Дворянские музейные коллекции представляют частную традицию коммеморации, которая существовала одновременно с государственной. О существовавшей среди землевладельцев Куликова поля традиции хранить найденные при распашке предметы сообщают многие авторы XIX века, посетившие Куликово поле⁴¹³. Один из наиболее известных частных музеев, в которых хранились находки с Куликова поля, находился во второй половине XIX – н.ХХ вв. в имении Полибино, принадлежавшем Ю.С. Нечаеву-Мальцову⁴¹⁴. По традиции, установленной дедом владельца усадьбы, в честь Дмитрия Донского устраивались вечера, на которые приглашались гости из Петербурга, Данкова, Тулы, Рязани, Москвы. Среди известных посетителей этого музея, которые приезжали почтить память погибших в Куликовской битве воинов, были П.А. Столыпин, И.Е. Репин, О.Л. Книппер-Чехова, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, В.М. Васнецов. Традиция продолжала жить до 1917 года.

⁴⁰⁹ К пятисотлетней годовщине Куликовской битвы // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. А.Н. Наумов. С. 216.

⁴¹⁰ Чтение для солдат. 1880. №21-24. Кн. 6. С. 136-139.

⁴¹¹ Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков. С. 227.

⁴¹² Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы. С. 239.

⁴¹³ Свиныгин П.П. Обзор путешествия издателя Отечественных записок по России в 1825 году, относительно археологии // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. И авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 54.

⁴¹⁴ Наумов А.Н. Куликово поле в XII-XX вв. Историко-географические очерки. Тула, 2017. С.130 - 131.

В 1893 – 1897 гг. в д. Березовка Данковского уезда на средства Ю.С. Нечаева-Мальцова в память воинов, погибших в Куликовской битве, был построен храм Дмитрия Солунского. Храм был возведен по проекту известного русского архитектора А.Н. Померанцева. Современники оценивали церковь в Березовке Данковского уезда Рязанской губернии как высоко художественное произведение⁴¹⁵.

Возвращаясь к вопросу о роли тульского дворянства в коммеморации Куликовской битвы во второй половине XIX – начале XX вв., целесообразно рассмотреть значение Куликовской битвы в фамильной памяти дворянства этого периода.

Авторы многих произведений XIX века отмечали большое внимание тульского дворянства к Куликовской битве. А.Ю. Соклаков писал о том, что «среди дворянских родов Тульской губернии были как потомки служилых людей великого князя Дмитрия Донского, так и непосредственных участников Куликовской битвы»⁴¹⁶. Если обратиться к характеристике тульского дворянства изучаемого периода, представленной М.Т. Яблочковым, можно заметить, что самой многочисленной группой дворянства в Тульской губернии на рубеже XIX-XX веков являлось дворянство военного происхождения (595 родов, внесенных во 2 часть родословной книги), на втором месте по численности стояло дворянство столбовое (565 родов, часть 6), за ним следует дворянство бюрократическое (489 родов, 3 часть)⁴¹⁷. Если принять во внимание замечание М.Т. Яблочкова о том, что «многие древние роды вместо шестой части внесены в первую, вторую и третью части» и дворянство столбовое должно быть гораздо многочисленнее (на 119 родов), в таком случае получается, что самым многочисленной группой дворянства было именно дворянство столбовое.

⁴¹⁵ Некролог. Ю.С. Нечаев-Мальцов // Московские ведомости. 1913. №232. С. 3.

⁴¹⁶ Соклаков А.Ю. Генеалогия рода Степана Дмитриевича Нечаева – первого исследователя Куликовской битвы // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой». Тула, 2001. С. 204.

⁴¹⁷ Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. I. Тула, 1899. С.80 – 115.

Таким образом, большинство дворян Тульской губернии рубежа XIX – XX веков относились к потомкам лиц, начавших службу до XVI века. Из этого следует вывод о том, что фамильная память большинства родов тульского дворянства была тесно связана с историей боярства, а значит, с эпохой Куликовской битвы.

В контексте исторической памяти исследователи используют понятие «глубина исторической памяти», имея в виду сохранение в памяти поколения информации о событиях прошлого⁴¹⁸. Глубина исторической памяти может быть различной. Родословные легенды дворянства восходят к разным временам истории Российского государства. Можно констатировать, что у столбового дворянства, составлявшего значительную часть дворянского сословия Тульской губернии, историческая память была наиболее глубока, поскольку была связана с событиями XIV-XV веков.

Родословные предания и легенды о происхождении дворянских родов, зафиксированные в родословных сборниках XIX в., дают возможность представить характеристику эпохи и воззрения дворян XIX века, сформированные на основе этих преданий.

Прежде чем перейти к анализу родословных преданий и легенд, стоит отметить специфику источников, в которых они нашли отражение. Родословные росписи, фиксирующие родословные предания российских дворян, неоднократно подвергались исследованиям. Сложность этого вида источников привела к тому, что на настоящий момент единой оценки их достоверности не существует⁴¹⁹. Как заметил О.И. Хоруженко, «Достоверность древнейших росписей с трудом поддается проверке»⁴²⁰. Невозможно однозначно оценить их достоверность, так же как невозможно однозначно датировать время их появления, хотя такие попытки предпринимаются.

⁴¹⁸ Майер А.С. Время, события, герои в исторической памяти... С. 762.

⁴¹⁹ Хоруженко О.И. Родословные росписи в изучении родовой памяти // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 103.

⁴²⁰ Хоруженко О.И. Родословие как конструкция родовой памяти текстология родословных росписей князей Волконских XVI-XVII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 203.

Обращаясь к исследованию родовой памяти дворянства XIX в., нужно понимать, что некоторые ее черты были заложены традицией, другие видоизменялись со временем в рамках этой традиции, под влиянием целого ряда факторов, среди которых можно назвать политическую ситуацию и моду. С.Б. Веселовский отмечал, что факты, существующие в родовой памяти, могут искажаться, хронологически смещаться со временем, представления о далеком прошлом могут деформироваться и трансформироваться во времени⁴²¹. Продолжая эту мысль, следует отметить, что одна и та же родословная легенда могла меняться во времени, отражая характерные черты эпох. Фиксация родословных легенд в сборниках XIX в. дает возможность познакомиться с оформившейся на протяжении многих столетий легендой о происхождении рода в ее законченном варианте. То есть, родословная легенда, опубликованная в родословном сборнике XIX века, будет отражать взгляд на эту легенду дворян XIX века.

Если обратиться к трудам авторов родословных книг, изданных в XIX в., можно заметить наличие большого количества опубликованных в XIX в. родословных легенд, связывающих выезд своего родоначальника со временем правления Дмитрия Ивановича Донского и его сына Василия Дмитриевича.

В литературе, посвященной родословным преданиям, часто можно встретить попытки осмысления соотношения понятий «родословная память», и «родовая память». И та, и другая являются частью исторической памяти в целом, разница между ними заключается в том, что родословная память, в отличие от родовой памяти, основана на документах. Таким образом, критерием их разделения является способ фиксации – письменный или устный. Родовые предания (легенды) обозначаются обычно как формы родовой памяти. Индивидуальная историческая память и индивидуальные исторические познания в данном случае являются тождественными понятиями.

⁴²¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 41.

Родовую память, существовавшую изначально в виде устных рассказов, легенд, с момента фиксации в письменном виде можно рассматривать как родословную. Родовую память можно охарактеризовать как набор сведений, передаваемых из поколения в поколение. Как правило, к таким сведениям относились: имя родоначальника, действительное или вымышленное, а также два или три факта, традиционно связанные с каким-либо крупным общеизвестным историческим лицом или событием⁴²². С.Б. Веселовский, впервые обратившийся к вопросу отражения отдельных событий в исторической памяти дворянства, назвал среди таких событий Ледовое побоище, Куликовскую битву, а среди героев – Александра Невского, Ивана Калиту и Дмитрия Донского. Нужно отметить, что высокая оценка княжения Дмитрия Ивановича прослеживалась на страницах многих изданий XIX в. Например, С.М. Соловьев отмечал: «Богатое событиями княжение Димитрия, протекшее с начала до конца в упорной и важной борьбе, легко затмило бедные событиями княжения предшественников; куликовская победа сильно поразила воображение современников, надолго осталась в памяти потомства, и победитель Мамай получил подле Александра Невского самое видное место между князьями новой северовосточной Руси»⁴²³. Оставив в стороне неоднозначность оценки князя Дмитрия в трудах некоторых историков XIX в., отметим, что большинство историков так или иначе обращались к оценке этой исторической фигуры, хотя и приходили к разным выводам.

Рассматривая родовую память, следует иметь в виду еще один момент. Исследователи неоднократно писали о том, что «прямое или опосредованное влияние родословной росписи на формирование родовой памяти (и шире - на исторической памяти, массового сознания) в следующих поколениях отрицать, по всей видимости, не приходится...»⁴²⁴. Таким образом, именно родословная роспись, зафиксированная в письменном (а в XIX в. – уже в

⁴²² Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 41.

⁴²³ Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. М., 1859. С. 81.

⁴²⁴ Хоруженко О.И. Родословные росписи в изучении родовой памяти. С. 115.

печатном виде) конструировала основы родовой памяти и, одновременно, исторических представлений о прошлом своего рода.

Отталкиваясь от этой мысли, следует признать, что зафиксированная в родословной книге легенда о происхождении рода также оказывала взаимное, обратное влияние на процесс конструирования исторической памяти, исторических представлений представителей дворянства второй половины XIX – начала XX вв.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об отношении представителей дворянского сословия к родословным преданиям. Их авторитет и восприятие претерпевали со временем значительные изменения. Если во времена Ивана Грозного принадлежность к потомкам того или иного рода прямо влияла на «место» в иерархии великокняжеского двора, определяя служебное положение человека, то позднее их авторитет и востребованность становились все менее значимыми. По мере того, как практические цели их составления сходили на нет, отношение к родословным преданиям становилось все более поверхностным. Этот процесс постепенно начался уже в XVII в., после отмены местничества и набрал особенные обороты во времена принятия петровской «Табели о рангах».

Более того, составители родословцев следовали моде, стараясь соблюсти все условности эпохи. Так, С.Б. Веселовский писал о том, что частные родословцы следовали моде и украшали родословия легендами о выездах⁴²⁵. При этом выезды стали приходом из-за рубежа после объединения Руси московскими государями. Постепенно в родословных преданиях старое понимание выездов удельного периода – от одного княжеского двора к другому – сменилось новым – пониманием выезда как переезда из другого государства. Составление новой родословной книги в последней четверти XVII в. ознаменовалось сочинением новых легенд о выездах родоначальников из других государств.

⁴²⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 40.

С первого взгляда, ряд фактов позволяет говорить о том, что в отношении родословных легенд о происхождении своего рода среди отдельных представителей дворянства XIX века наблюдался определенный скептицизм. Например, хорошо известна реакция генерала А.А. Вельяминова на обращение к нему неизвестного нам господина Кутузова как к представителю древнему роду, берущего свое начало от времен Дмитрия Донского⁴²⁶. А.А. Вельяминов не только не согласился с таким утверждением, но и иронично упомянул повешенного при Иване Грозном Вельяминова, завершив тем самым неприятный для него разговор. Из этого Г.И. Филипсон сделал вывод о том, Алексей Александрович «не имел никаких аристократических притязаний», что можно отнести к характеристике его личности. Поэтому о смысле этой фразы вряд ли можно судить с достаточной степенью уверенности, учитывая сложный и противоречивый характер А.А. Вельяминова. Тем не менее, сам факт такого обращения к нему как представителю древнего рода показывает то, что в дворянской среде родословные легенды если не уважали, то достаточно хорошо знали.

Вопрос об отношении дворян к своим предкам во второй половине XIX – начале XX веков заслуживает особого рассмотрения в рамках отдельной работы. Здесь же отметим некоторые важные для темы характеристики. В 60-е гг. XIX в. С.И. Толычева отметила: «Трудно в наше время говорить о своих предках: нынешнее русское общество не заражено родословным духом, и слава Богу!»⁴²⁷.

Тенденцию к наметившемуся во второй половине XIX века повышению интереса дворян к прошлому своего сословия отметил известный генеалог Л.М. Савелов: «По-видимому, представители наших древних дворянских родов начинают понемногу заниматься своей собственной историей и знакомиться со своими предками, так как в

⁴²⁶ Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847. // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 91.

⁴²⁷ Толычева С.И. Семейные записки. М., 1865. С.1.

последнее время мы видим появление все большего и большего числа исследований по истории отдельных родов...»⁴²⁸. Этот интерес в немалой степени объяснялся им возрождением в среде дворянства этических принципов службы государю и отчизне: «Весьма симпатично помещенное в начале брошюры воззвание составителя к своим сородичам: «Поливановы! Блюдите, молю вас, ваш добрый, издревле ратнопоместный род, для того в Бога веруйте, Государей чтите. Если Господь приведет, потщитесь радостно умереть за Православие России и за ее Царя», слова, которые надо помнить не одним Поливановым, а всему вообще нашему многочисленному дворянству»⁴²⁹.

Осознание важности изучения прошлого, в том числе истории происхождения и службы дворянских родов, для настоящего было характерно для многих дворян, посвятивших себя изучению генеалогии. Например, М.Т. Яблочков писал о том, что «Истории дворянских родов имеют государственное значение. Не для тщеславия частных лиц пишутся они, но для того, чтобы пример верной службы Царю и Отечеству предков был побуждением, как теперешних и будущих представлений этих родов, так и всех прочих подданных России, служить верно и усердно»⁴³⁰.

Широкое обращение к дворянской генеалогии именно в этот период и появление многочисленных трудов и публикаций на эту тему наводит на мысль о том, что интерес дворян к своим родословным в значительной степени возрос. В пользу этого говорит и такой факт. Повествование о биографии И.С. Тургенева в книге, совершенно не относящейся к генеалогии, начинается с фразы о дате рождения писателя и имени его отца, а также упоминания о том, что «предки его происходили из старинного рода дворян, вышедших из Золотой Орды»⁴³¹. В годы Первой Мировой войны в

⁴²⁸ Савелов Л.М. Род Поливановых. XIV – XIX вв. Сказание, исторические деятели и поколенная роспись // Русский архив. 1895. №4. С. 532.

⁴²⁹ Савелов Л.М. Род Поливановых. XIV – XIX вв. С. 533. I (4).

⁴³⁰ Предисловие М.Т. Яблочкова. Арсеньев В.С. Род дворян Арсеньевых. 1389 – 1901 гг. 1903. С. III.

⁴³¹ «Школа-памятник» имени Ивана Сергеевича Тургенева, открытый ему в день рождения 28-го октября 1908 года в Одессе / сост. О.И. Брацлавич. Одесса, 1909. С. 4.

повествовании о Галиции как древней русской земле автор статьи вспоминал о том, что «Галичане отправили на помощь князю Дмитрию два полка, во главе которых стоял Игнатий Рябец, родоначальник Квашниных-Самариных, Родионовых, Шиловских и др.»⁴³², таким образом, подчеркнув принадлежность этого региона к истории русской земли.

Источником для формирования представлений о происхождении дворянских родов и первых годах их службы во второй половине XIX – начале XX веков выступали родословные сборники. Интерес к этим изданиям показывают многочисленные отзывы и дополнения, опубликованные на страницах исторических изданий, например, «Русского архива». Их дополняют многочисленные труды по истории отдельных родов, опубликованные во второй половине XIX – начале XX веков.

Обращение к опубликованным во второй половине материалам по истории российского дворянства, прежде всего, родословным сборникам А.А. Бобринского, В.В. Руммеля, А.Б. Лобанова-Ростовского и пр., позволяет сделать вывод о том, что из немногочисленных древнейших дворянских родов как минимум 24 связывали свое происхождение с эпохой князя Дмитрия Ивановича Донского. Это Нелидовы, Палицыны, Захарьины, Глебовы, Шепелевы, Новосильцовы, Тевяшевы, Лихаревы, Воейковы, Языковы, Арсеньевы, Юшковы, Эмировы, Хотяинцовы, Строгоновы, Поливановы, Мячковы, Загрязские, Голохвастовы, Волынские, Чириковы, Тютчевы, Прокудины-Горские, Левшины⁴³³.

Стоит отметить, что количество упоминаний в дворянских родословных легендах имени князя Дмитрия Ивановича значительно превышает количество упоминаний других князей московского княжеского дома, а также представителей тверской и рязанской ветвей династии

⁴³² Прикарпатская Русь // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. №45. Ч. Неоф. С. 1000.

⁴³³ Бобринский А.А. Дворянские роды... Ч. 1. С. 400, 424; Общий гербовник... Ч. I, 48. Ч. II, 138. Ч. V, 26.; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887. С. 138; Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 4. СПб., 1857. С. 335; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. II. С. 60; Историческое родословие благородных дворян Воейковых, собранное игуменом Ювеналием Воейковым. М., 1792. С. 11-12.

Рюриковичей. Более того, во многих родословных легендах нашли отражение реальные исторические лица, жившие в эпоху Куликовской битвы, такие как митрополит Киприан, Дмитрий и Андрей Ольгердовичи, Сергей Радонежский.

Еще в XVI веке фиксируются случаи соотнесения привилегированных лиц Российского государства с потомками известных героев Куликовской битвы. Так, известный публицист И.С. Пересветов считал себя потомком участников сражения Андрея Ослебяти и Александра Пересвета⁴³⁴. Традиция соотнесения представителей многих дворянских родов с потомками героев битвы или видными деятелями эпохи Куликовского сражения находит продолжение в XVIII – XIX веках. Происхождение рода известного хранителя реликвий Куликова поля С.Д. Нечаева, согласно легендам, было связано с боярами Плещеевыми, один из представителей которых – митрополит Алексей – был воспитателем князя Дмитрия Ивановича⁴³⁵. Родословная схема указывает, что Нечаевы происходили от Федора Бяконта – боярина великого князя Иоанна Даниловича, отца митрополита Алексея⁴³⁶. Д.С. Нечаев и его сын С.Д. Нечаев внесли большой вклад в дело установки на Куликовом поле памятника Дмитрию Донскому, С.Д. Нечаев стал одним из первых авторов публикаций о находках с Куликова поля, которые он приобретал у местных жителей Куликова поля⁴³⁷.

С окружением Дмитрия Ивановича был связан род знаменитого тульского писателя и историка, собирателя находок с Куликова поля В.А. Левшина. Считается, что именно он впервые в тульской историографии

⁴³⁴ Кузьмин А.В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV-первой половине XVI века // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / А.В. Кузьмин, Ю.В. Селезнев, А.В. Журавель и др; под ре. А.Н. Наумова. Тула, 2002. С. 25.

⁴³⁵ Соклаков А.Ю. К вопросу о поиске данных по генеалогии людей, связанных с территории Куликова поля. Родословие дворян Нечаевых // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / А.В. Кузьмин, Ю.В. Селезнев, А.В. Журавель и др; под ре. А.Н. Наумова. Тула, 2002. С. 143.

⁴³⁶ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1586. Л. 131.

⁴³⁷ Нечаев С.Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 21 – 24; Наумова Т.Н. Истоки тульской археологии. История изучения археологических памятников Тульского края (1760-1930-е годы). Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2019. С. 80-81.

указал точные границы поля сражения 1380 года, ориентируясь на места обнаружения следов битвы⁴³⁸. Приложение к Бархатной книге и родословная Левшиных отмечают, что в 1365 г. «из Немец» прибыл Сувол (Сувола по М.Т. Яблочкову) Левша. Гербовник называет его Сцеволом Левенштейном и сообщает дополнительно, что прибыл он в ноябре 1365 г. к Дмитрию Иоанновичу Донскому из Швабии⁴³⁹. Примечательно, что один из вариантов рассказа о происхождении рода Левшиных свидетельствует о прибытии Сувола в Новгород, но при этом В.А. Левшин связывает выезд с эпохой Дмитрия Ивановича⁴⁴⁰. При этом в изначальном варианте легенды, восходящей к документам Разрядного приказа, не прослеживалась связь с эпохой Дмитрия Донского, дата выезда указана не была. Анализ данных легенды и проведенное исследование о времени выезда основателя рода в Россию привел В.А. Левшина к мысли о том, что «...Сувол выехал в Россию около 1365 году, от Рождества Христова. Следственно во дни царствования Великого Князя Димитрия Иоанновича Донского»⁴⁴¹. Утверждение о том, что «Фамилия Левшиных происходит от выехавшего в Россию к великому Князю Димитрию Ивановичу Донскому из Швабии Сувола Левенштейна» зафиксировано в деле о дворянстве Левшиных⁴⁴². Таким образом, часть легенды о связи истории рода Левшиных с эпохой Дмитрия Донского появилась в начале XIX в. в труде В.А. Левшина и именно в этом виде попала в официальные источники, в том числе опубликованные родословные книги.

По преданию рода Стасовых, их предок приехал из Пруссии и «в день Куликовской битвы от зари до зари оберегал утомленного сражением и

⁴³⁸ Наумова Т.В. История изучения археологических памятников тульского края (1760-е – 1930-е гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2016. С. 35.

⁴³⁹ Бобринский А. А. Указ. соч. С. 398. Общий гербовник... Ч. III, 24.

⁴⁴⁰ Левшин В.А. Историческое сказание о выезде, военных подвигах и родословии благородных дворян Левшиных. М., 1812. С. 5.

⁴⁴¹ Левшин В.А. Родословная книга благородных дворян Левшиных, содержащая в себе доказательства о происхождении их фамилии, времени выезда в Россию и поколенную роспись. М., 1791. С. 10.

⁴⁴² ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1304. Л. 24.

уснувшего под деревом Дмитрия Донского»⁴⁴³. С этим преданием была связана трактовка герба Стасовых – «сова, рука с мечом, выходящая из облаков, восходящее солнце и якорь – символ надежды и верности».

В «Гербовнике» записаны две фамилии Волынских. Первая берет начало от известного героя Куликовской битвы Дмитрия Михайловича Боброка, выехавшего на службу к Дмитрию (Гербовник IV, 32). Согласно родословному преданию, в награду за свои заслуги Дмитрий Михайлович был выдан за княжну Анну Ивановну – сестру Дмитрия Ивановича Донского⁴⁴⁴. На основании родословцев Дмитрия Михайловича считали основателем боярских родов Вороных и Волынских многие исследователи⁴⁴⁵. Потомком Дмитрия Боброка считал себя кабинет-министр времен Анны Иоанновны А.П. Волынский. Именно по его инициативе были проведены поиски находок с Куликова поля, самая известная из которых – сабля – хранилась в его домашней коллекции⁴⁴⁶.

Примечательно, что некоторые дворянские роды связывали свое происхождение с Золотой Ордой. В качестве примера можно привести дворянские роды Арсеньевых и Поливановых.

Родоначальник Арсеньевых Аслан-Мурза Челибей, в 1389 г. выехал из Золотой Орды с 300 татар своего знамени к великому князю московскому Дмитрию Ивановичу Донскому, принял православную христианскую веру и получил имя Прокопия. Сам Великий князь был его восприемником и выдал за него дочь своего «ближнего человека» Житова Марию Зотикову, пожаловал ему «за выезд» город Кременск⁴⁴⁷.

Л.М. Савелов писал о том, что «Род Поливановых принадлежит к числу древнейших русских родов и происходит от знатного татарина Кочевы

⁴⁴³ Легкий Д.М. Дмитрий Васильевич Стасов // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 54.

⁴⁴⁴ Бобринский А.А. Указ. соч. С. 384.

⁴⁴⁵ Кузьмин А.В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой». Тула, 2001. С. 112.

⁴⁴⁶ Лаврентьев А.В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М; СПб., 2013. С. 37, 38.

⁴⁴⁷ Арсеньев В.С. Род дворян Арсеньевых. 1389 – 1901 гг. Тула, 1903. С. 4.

Карачакова, приехавшего в 1368 г. к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому⁴⁴⁸. Более подробный вариант легенды с иной датой выезда (1376 года) приводит А.В. Селиванов⁴⁴⁹.

Еще одним дворянским родом, помнившим о своем ордынском происхождении, был род Горских. В одном из выпусков «Русской старины» юбилейного 1880 г. была размещена статья Михаила Прокудина-Горского «Памятник одному из воинов 1380 г. Петр Горский, один из участников Куликовской битвы⁴⁵⁰». Статья, написанная 6 августа 1880 г., носила мемориальный характер, была написана к 500-летию юбилею Куликовской битвы. Интересно, что фамильный герб Горских трактовался через символику, связанную с Донским побоищем 1380 года. Как писал автор статьи, «звезда и луна – происхождение от татар, весы – вероятно, служба которого-нибудь в судном приказе, а река Непрядва – участие в Куликовской битве»⁴⁵¹.

Автор сообщает, что, согласно семейным преданиям и бумагам, Дмитрий Иванович пожаловал Петру Горскому за участие в битве большое имение, вотчину, которая на десятки верст окружало Фуникову гору. «Гербовник» также указывает на то, что Петр Горский выехал к Дмитрию Донскому из Золотой Орды⁴⁵². Имя Петра Горского упоминается в самом обширном по объему произведении Куликовского цикла – «Сказании о Мамаевом побоище». Согласно этому источнику, после того как князь Дмитрий Иванович перешел Оку, он отправил в поле третью заставу. Среди разведчиков названы Семен Мелик, Игнатий Крень, Фома Тынин, Петр Горский, Карп Олексин и Петруша Чуриков⁴⁵³. Далее встречаемся с этим именем еще раз – 5 сентября к великому князю прибыли двое стражей – Петр

⁴⁴⁸ Савелов Л.М. Род Поливановых. XIV – XIX вв.... С. 532-533.

⁴⁴⁹ Селиванов А.В. Род дворян Поливановых. Владимир на Клязьме, 1902. С. 1.

⁴⁵⁰ Прокудин-Горский М. Петр Горский, один из участников Куликовской битвы // Русская старина. Т. XXIX. СПб., 1880. С. 441-442.

⁴⁵¹ Прокудин-Горский М. Петр Горский, один из участников Куликовской битвы. С. 442.

⁴⁵² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. XII. С. 41.

⁴⁵³ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1982. С. 159.

Горский и Карп Олексин, привели знатного языка от мамаева двора, который сообщил о планах Мамаю⁴⁵⁴. Потомки Семена Мелика получили фамилию Милюковы, их род существовал до XX столетия⁴⁵⁵.

В родословной книге А.А. Бобринского приводится выписка из Гербовника, согласно которой род Горских происходит от татарина Петра, прозванного Горским по вотчине Гора, пожалованной князем Дмитрием⁴⁵⁶. Вторая часть фамилии – Прокудины – пошла от внука Петра Прокофия, по прозвищу Прокуда. Эти сведения помещены в Герольдии 7 апреля 1813 г. и внесены в «Общий гербовник дворянских родов Российской Империи», в котором основатель рода упоминается в числе воевод, сражавшихся на Куликовом поле, хотя таковым «Сказание...» его не называет. Видимо, звание «воеводы» было записано в «Гербовнике» по аналогии с потомками Петра Горского, имевшими чины воевод во времена Ивана Грозного.

В приведенном выше отрывке из «Сказания» приводится также имя Петруши Чурикова. Его считали своим предком дворяне Чуриковы. Согласно Гербовнику, род Чуриковых происходит от племянника царя Беркая, которому в крещении наречено имя Петр⁴⁵⁷. Праправнук святого Петра – Петр Игнатьевич Чуриков, служил при великом князе Дмитрие Ивановиче в сторожевом полку и был в сражении против Мамаю⁴⁵⁸.

С еще одним героем «Сказания о Мамаевом побоище» связана история рода Тютчевых. Речь идет о Захарии Тютчеве, которого Дмитрий отправил к Мамаю в качестве посла накануне битвы. В «Гербовнике» записаны два рода Тютчевых. Один из них является потомством Захария Тютчева, посланного к Мамаю в 1380 году. Гербовник сообщает, что «Захарий Тютчев в 1381 году от великого князя Дмитрия Ивановича послан послом к крымскому царю

⁴⁵⁴ Там же. С. 162.

⁴⁵⁵ Кюнтцель В.В. Потомки героев Куликовской битвы // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. Вып.3. М.,1995. С. 81.

⁴⁵⁶ Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи. Ч.1. СПб., 1890. С. 390; Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. XII. С. 41.

⁴⁵⁷ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. III, 21.

⁴⁵⁸ Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи. Ч.1. СПб., 1890. С. 396.

Мамаю», что подтверждалось справкой разрядного архива и родословной⁴⁵⁹. О том же говорит и сборник В.В. Руммеля: «Тютчев (Тутчев) посланец Дмитрия Донского к Мамаю, участник Куликовской битвы»⁴⁶⁰.

В рамках интереса к прошлому своего рода многие дворяне второй половины XIX века обращались к изучению семейных преданий. Интересен опыт анализа семейного предания, проведенный Л.Ф. Змеевым, потомком древнего рода участников Куликовской битвы. Он пишет о том, что у него хранится «Грубой работы медный тельник – нашейный двухвершковый крест»», хранящийся как семейная реликвия⁴⁶¹. Документально он принадлежал Даниле Степановичу (1610 - 1705) Змееву, но по рассказам он был на шее предка Змеева, участвовавшего в Куликовском бою. Л.Ф. Змеев сообщает, что у Натальи Николаевны Змеевой хранилось изображение небольшой церкви, в которой монах благословляет двух витязей, один из которых изображен в латах, образом Божией Матери. По семейному преданию, эти воины были Львом и Иваном Змеевыми, благословляемыми св. Сергием на Донскую битву в 1380 году. Этой же иконой много позже архиерей благословлял пищальников Змеева, отправлявшихся в Казанский поход. Л.Ф. Змеев, изучая это предание, сопоставил церковь с подземным храмом в Троицкой Лавре, икону – с Гребенской Божией Матерью, которую, по преданию, гребенские казаки принесли в Москву Дмитрию Ивановичу накануне Куликовской битвы. Таким образом, Л.Ф. Змеев делает вывод о том, что «сказание о медном кресте» является «осмысленным историческим событием» и при сопоставлении отдельных фактов находит подтверждение.

На рубеже XIX – XX вв. память о Куликовской битве была одним из факторов, объединяющих российское столбовое дворянство. Многие из дворян соотносили себя с потомками выходцев из Золотой Орды, что позволяло воспринимать битву не как национальный конфликт, а как

⁴⁵⁹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. VI, 15.

⁴⁶⁰ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887. С. 559.

⁴⁶¹ Змеев Л.Ф. О старинном дворянском роде Змеевых // Русский архив. 1888. №6. Кн. 2. С. 0229.

объединяющее народы (русский и татарский) и княжества событие. В этом контексте сформировался очень условный «образ врага» как абсолютного зла, не имеющего национальных черт, отражение которого характерно для нарративной практики коммеморации.

Интерес дворян к тематике Куликовской битвы будет сохраняться и после революции 1917 года в среде российской эмиграции, продолжая традицию коммеморации, заложенную дворянством XIX века. В 1967 году М. Каратеев на страницах журнале русской эмиграции «Военная быль» опубликует статью «Участники Куликовской битвы» о героях Куликовской битвы, которая представит первый опыт составления общего списка князей и бояр и простых воинов, участников сражения 1380 года. Как скромно отметил автор, «Значение ее лишь в том, что все, разрозненные доселе, данные в ней сведены в одно целое»⁴⁶². Статья имела памятный характер, имея своей целью сохранение памяти: «Имя каждого участника этой битвы, встречающееся в том или ином документе эпохи, кому бы оно ни принадлежало, — князю, воеводе или простому воину, — является достоянием истории и заслуживает того, чтобы его помнили потомки»⁴⁶³.

Подводя итог, следует отметить, что упоминание Дмитрия Ивановича и его сподвижников во многих родословных легендах говорит о том, что его имя и сама эпоха Куликовской битвы нашла значительное отражение в дворянской семейной памяти. Куликовская битва была единственным сражением позднего средневековья, связь с которым подчеркивалась в родословных сборниках второй половины XIX века.

Рассматривая родословные легенды, изложенные в родословных сборниках, как фиксацию родовой памяти российского дворянства, можно сделать вывод о том, что среди представителей российского дворянского сословия имя великого князя Дмитрия Ивановича имело большую известность. С одной стороны, в этом можно увидеть отражение древней

⁴⁶² Каратеев М. Письма в редакцию // Военная быль. 1968. № 92. С. 46.

⁴⁶³ Каратеев М. Участники Куликовской битвы // Военная быль. 1967. № 85. С. 9.

традиции, которая начала складываться уже в XVI – XVII вв. С другой стороны, на бытовавших в XIX в. легендах не могли не отразиться предпочтения людей века XIX, что отражает разнообразие вариантов легенд о происхождении одного и того же рода.

По материалам родословных сборников XIX в. складывается образ Дмитрия Ивановича как государя, собравшего при своем дворе выходцев из разных земель и государств. Так, согласно опубликованным в них родословным легендам Новосильцовы прибыли ко двору Дмитрия Ивановича из Свейского королевства, Нелидовы, Палицыны – из Литвы / Польши, Воейковы – Сербии, Левшины – «из немец», Швабии, Арсеньевы, Поливановы, Горские, Чириковы – Золотой Орды.

Активное участие дворянства в увековечении памяти о Куликовской битве в первой половине XIX века находит выражение в организации строительства комплекса мемориальных построек на Куликовом поле. Стремление сделать место сражения памятным, имеющим особый статус находит выражение в прошении В.И. Синельникова.

Во второй половине XIX – начале XX веков, в период, когда интерес к прошлому своего рода в среде дворянства значительно возрос, Куликовская битва нашла свое отражение в разных формах коммеморативных практик, связанных с родословной памятью дворянства. Ощущение связи с эпохой Дмитрия Донского через осознание себя потомками героев Куликовской битвы привело к существованию «частных» традиций коммеморации. В дворянских усадьбах это было создание коллекций предметов, связанных с Куликовской битвой, устройство памятных вечеров, строительство храма, посвященных участникам сражения. К коммеморации Куликовской битвы в дворянской родословной памяти относится и публикации памятных статей о героях сражения 1380 года.

Большую активность дворянства в увековечении памяти о Куликовской битве стоит объяснить происхождением многих древнейших дворянских родов от участников этого сражения.

2.4 Отражение Куликовской битвы в музейных и антикварных коллекциях второй половины XIX – начала XX веков

В данном параграфе будут рассмотрены традиции коммеморации Куликовской битвы, существовавшие на частном и общественном уровнях коммеморации. Такое объединение обусловлено той причиной, что российские музеи, представляющие общественную традицию коммеморации, выросли из частных, закрытых антикварных коллекций. Наиболее заметно эта связь прослеживалась в провинции, где первые появившиеся на рубеже XIX – начала XX вв. музеи изначально выполняли роль хранилищ древности и были закрыты для широких слоев публики. Однако через несколько лет они, как правило, открывались для разных посетителей и начинали играть важную роль в формировании культурной среды провинциального города. Музеи рубеже второй половины XIX – начала XX вв. соотносятся с общественным уровнем коммеморации по той причине, что их содержание и условия формирования коллекций закладывались их создателями – представителями провинциальной интеллигенции и отражали их представления о сохранении прошлого.

В начале целесообразно рассмотреть условия, в которых существовало коллекционирование предметов древности во второй половине XIX – начале XX вв. Как отметила М.В. Катагощина, в пореформенный период возник комплекс условий для формирования отечественного антикварного рынка как определенной системы выявления и реализации «древностей»⁴⁶⁴. При этом характерным явлением на антикварном рынке конца XIX – начала XX вв. стало широкое распространение исторических фальшивок, что было обусловлено расширением массового спроса на памятники старины. С одной стороны, нельзя преувеличивать степень распространенности этого явления, поскольку антикварный рынок дореволюционной России был рассчитан на незначительный по численности круг покупателей в Петербурге, Москве,

⁴⁶⁴ Катагощина М.В. Антикварное дело в России XVIII – первой трети XX века. М., 2014. С. 384.

Киеве, Одессе и других крупных городах, где социально-культурная среда воспринимала «антикварность» как ценностную характеристику предмета⁴⁶⁵. С другой стороны, в источниках данного периода встречаются неоднократные свидетельства популярности собирания предметов старины в кругах интеллигенции разных городов России.

В изучаемый период, наряду с собиранием предметов, представлявших собой немалую художественную ценность и характерным в большей степени для столицы, появляется такое явление, как создание разного рода памятных вещиц, которыми торговали отдельные лавки. Их можно назвать своего рода прототипами сувениров. Речь идет не столько о подделках, которые также встречались не раз, а именно о тех предметах, которым предписывалось особенное значение. Знатоки искусства, хорошо знакомые с музейными экспонатами, довольно легко отличали их от подлинных предметов, представляющих художественную ценность. С.П. Жихарев описал один из столичных антикварных магазинов начала XIX в., известный как «музеум Селакадзева»: «Целый угол наваленных черепков и битых бутылок, которые выдавал он за посуду Татарских ханов, отысканную будто бы им в развалинах Сарая; обломок камня, на котором, по его уверению, отдыхал Дмитрий Донской после Куликовской битвы...»⁴⁶⁶. В повести «Трудное время» В. А. Слепцова, изданной в 1865 году, герой посещает купеческую лавку, в которой среди коллекции старинных монет и жетонов хранился артефакт, который был представлен хозяином как «подлинная грамота Дмитрия Донского»⁴⁶⁷. Эти упоминания интересны с той точки зрения, что представляют собой факты того, что во многих антикварных магазинах столичных и уездных городов можно было встретить предметы, по легенде связанные с Куликовской битвой и ее героями. Артефакт – подлинный или созданный начинает восприниматься как реликвия, осуществляющая связь с прошлым только в случае обретения им контекста исторического события,

⁴⁶⁵ Катагощина М.В. Антикварное дело в России... С. 385.

⁴⁶⁶ Из записок С.П. Жихарева. Март 1807 года // Русский архив. 1891. Кн. 4. С. 360.

⁴⁶⁷ Сочинения Слепцова В.А. Трудное время. Б. м. Б. г. С. 219.

ассоциации с ним. «Для того, чтобы продемонстрировать реакции и мотивы прошлого, артефакты должны быть подкреплены сообщениями и воспоминаниями»⁴⁶⁸. Факт появления предметов, наделенных ассоциациями с конкретным событием прошлого, отражает отношение к этому событию людей той эпохи, когда они были созданы.

В начале XX в. на страницах многих периодических изданий упоминаются реликвии Куликовской битвы. В одном из выпусков популярного журнала «Чтение для солдат» при описании взятия Казани упомянут крест Дмитрия Ивановича: «23 августа у реки верхней Ички ... было распушено «великое царское знамя» с изображением Спаса Нерукотворного, а на верху его красовался крест, бывший в Куликовской битве у Дмитрия Донского»⁴⁶⁹.

В собраниях московских музеев упоминается несколько экспонатов, связанных с Куликовской битвой. Так, например, ряд изданий отмечали, что в Оружейной палате хранится панцирь князя Дмитрия Ивановича, который был на нем в момент Куликовской битвы⁴⁷⁰. Среди таких исторических реликвий, как стяг Иоанна Грозного и два знамени Ермака, сопровождавшие его при покорении Сибири, хранилось также знамя Дмитрия Донского, бывшее с ним в Куликовской битве⁴⁷¹. В библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии (Алекса́ндро-Невская Свято-Троицкая Лавра) среди достопримечательностей был крест, найденный на Куликовом поле⁴⁷².

Находкам с Куликова поля уделялось значительное внимание представителями столичных ученых обществ – Императорского общества любителей древней письменности, Петербургского Археологического института, Московского археологического общества, Исторического общества Нестора-летописца. Многие из них пополняли их коллекции. В

⁴⁶⁸ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С. 381-382.

⁴⁶⁹ Чтение для солдат. Вып. X. 1913. Октябрь. С. 16-17.

⁴⁷⁰ Московский кремль. Воспоминание о его прошлом. К коронаванию их императорских величеств. СПб., 1896 год. С. 14.

⁴⁷¹ Там же. С. 73; Фабрициус М.П. Кремль в Москве. Очерки и картины прошлого и настоящего. М., 1883. С. 316.

⁴⁷² Замечательные исторические сооружения. С. 82.

музее Императорского общества любителей древней письменности хранилось древнее боевое копьё, найденное на Куликовом поле и приподнесенное в дар священником церкви с. Монастырщины М.Г. Казанским⁴⁷³. В Музее Петербургского Археологического института хранился древний татарский шлем с Куликова поля, переданный в 1880-х гг. И.А. Ивинским⁴⁷⁴. Два перстня, найденные на Куликовом поле, были переданы в Императорский Российский Исторический музей Д.И. Андреевским. Все эти примеры известны нам из публикаций, но число самих находок, ставших экспонатами столичных музеев, должно было быть много большим. Систематического археологического исследования Куликова поля во второй половине XIX – н. XX вв. не существовало, не был выработан принцип унификации хранения находок, в связи с чем имело место такое явление, как систематическое, слабо регулируемое и никем специально не фиксируемое распространение их по разным коллекциям.

Вместе с тем, о наличии устойчивого интереса общества к находкам с Куликова поля в рассматриваемый период свидетельствует довольно значительное количество публикаций. Накануне праздничных торжеств 1880 года Д.И. Иловайский заметил, что в преддверие торжества хорошо было бы провести «археологические разыскания на Куликовом поле и в окрестностях». К сожалению, на настоящий момент невозможно судить о том, какие именно работы были проведены. Однако, одним из доказательств того, что исследовательские работы на поле проводились, служит эспонтон из собрания Государственного музея артиллерийских войск и связи, содержащий памятную табличку с надписью о том, что он был найден на Куликовом поле в 1880 году.

Вопрос о предметах, обнаруженных на Куликовом поле, неоднократно поднимался многими столичными учеными обществами. В историческом

⁴⁷³ Султанов Н.В. Реферат о Царских вратах церкви села Монастырщины // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков. Тула, 2014. С. 296.

⁴⁷⁴ Марков А.К. Татарский шлем, найденный на Куликовом поле, принесенный в дар Музею Археологического Института И.А. Ивинским // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков. Тула, 2014. С. 300 - 303.

обществе Нестора-летописца накануне юбилея 1880 года были заслушаны сообщения Розанова П.П. «Местные предания о Куликовской битве» и Хрущова И. П. «О памятниках, прославивших Куликовскую битву»⁴⁷⁵. Наиболее интересен первый доклад, посвященный историческому анализу легенд, связанных с одной из реликвий Куликовской битвы - «костыле» Александра Пересвета, хранящемся в 45 верстах от Куликова поля в Дмитриевском монастыре Рязанской губернии.

На заседании Императорского общества любителей древней письменности 24 февраля 1884 года был заслушан доклад Н.В. Султанова о царских вратах церкви с. Монастырщины⁴⁷⁶. Врата были найдены А.В. Олсуфьевым и зимой 1884 г. были доставлены в Петербург. Информация об этих вратах встречается на страницах таких разных изданий, как «Правительственный вестник», журнал «Зодчий», «Вестник истории и археологии». В 1897 г. известный историк искусства В.Н. Щепкин на страницах «Археологических известий и заметок» опубликовал описание золотого перстня, обнаруженного на Куликовом поле.

В Тульской Палате Древностей также хранился ряд реликвий Куликовской битвы. На заседании XIV Археологического съезда в г. Чернигове 1-15 августа 1908 года при обсуждении доклада С. Л. Авалиани заведующий Тульской Палатой Древностей Н.И. Троицкий изложил свое предположение о том, что фамилия известного русского книгоиздателя Ивана Пересветова была связана с именем монаха Пересвета – участника Куликовской битвы, потомки которого жили в Смоленской губернии, а затем в Белевском уезде Тульской губернии. Он сообщил, что в Тульской Палате Древностей хранятся копии грамот рода Пересветовых, а также складень, переданный Пересветом его потомкам.

⁴⁷⁵ Розанов П.П. Местные предания о Куликовской битве. С. 63-69; Хрущов И. П. О памятниках, прославивших Куликовскую битву // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 1. 1873-1877. Под ред. В. С. Иконникова. Киев, 1879. С. 70-78.

⁴⁷⁶ Султанов Н.В. Реферат о Царских вратах церкви села Монастырщины. С. 292 - 299.

Другой реликвией Куликовской битвы считался бердыш, приобретенный Н.И. Троицким у протоиерея В.О. Никольского и хранившийся в Тульском Древлехранилище под № 34, а также образки-складни и нательные кресты, ряд которых Н.И. Троицкий приобрел для тульского музея⁴⁷⁷. Бердыши в качестве оружия русских воинов, участников Куликовской битвы можно встретить на многих изображениях второй XIX века (см. Приложения 2, 7).

Интерес к находкам с Куликова поля, существовавший на местном уровне, отражают три поездки Н.И. Троицкого (1884, 1886 и 1887 гг.) и его исследование, опубликованное по итогам этой историко-этнографической экспедиции⁴⁷⁸.

Тематика Куликовской битвы была широко представлена в экспозиции первого тульского общественного музея – Тульской Палаты Древностей, одной из главных целей существования которого, помимо развития науки, было «воспитание патриотических чувств»⁴⁷⁹. Экспонаты для музея приобретались способом покупки или в виде пожертвований. При скромных денежных средствах, которыми располагал музей, прослеживался целенаправленное пополнение фондов предметами, связанных с Куликовской битвой, в том числе - печатными изданиями. Куплено было сочинение Феофилакта Покровского, изданное в 1823 г. «Димитрий Иоаннович Донской, великий князь Московский», несколько экземпляров книги Ивана Афремова «Куликово поле»⁴⁸⁰. В 1911 г. среди приобретенных книг было издание «Историческое поле (Куликовская битва)». От А. А. Добромыслова было передано сочинение Д. И. Троицкого «Русь в

⁴⁷⁷ Троицкий Н.И. Берега реки Непрядвы в историко-археологическом отношении // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков. Тула, 2014. С. 317.

⁴⁷⁸ Там же. С. 310 – 335.

⁴⁷⁹ Троицкий Н.И. Тульское Епархиальное Древлехранилище. Судьба его с 1885 по 1897 гг. // Тульские Епархиальные Ведомости. 1897. № 19. С. 601-603; Тульские Епархиальные Ведомости. 1902. № 13-14. С. 310.

⁴⁸⁰ Тульская Епархиальная Палата Древностей // Тульские Епархиальные Ведомости. 1902. № 19. С. 575; Каталог предметов, поступивших в Тульскую Епархиальную Палату древностей в 1901-1904 – м годах Тульские Епархиальные Ведомости. 1907. № 15. С. 237.

монгольский период»⁴⁸¹. От Иеромонаха Тихона поступают в коллекцию музея сочинения «Схимники-воины», «Историческое поле» и фотография с видом Куликовского монумента⁴⁸².

Тема Куликовской битвы была представлена в экспозиции Палаты Древностей также серией художественных полотен. В 1901 году от В. И. Кошелева в собрание музея поступили 5 картин, запечатлевшие места, связанные с Куликовской битвой: «Куликово поле», «Слияние Дона и Непрядвой», «Гусиный брод», «Русло Смолки», «Куликовский монумент»⁴⁸³. По свидетельству посетителей музея, четыре из них были представлены в одном из залов, рядом с древним оружием и утварью⁴⁸⁴.

В фондах Палаты Древностей хранились сувениры, связанные с 500-летним юбилеем сражения. В 1885 г. Н.И. Троицкий пожертвовал в музей серебряную медаль «В память пятисотлетия Куликовской битвы, 8 сентября 1880 г.», бронзовую медаль с такой же надписью пожертвовал архимандрит Иоанн⁴⁸⁵. Д. А. Хомяков передал в музей бронзовый щит с изображением князя Дмитрия Иоанновича Донского⁴⁸⁶.

Тематика Куликовской битвы была представлена не только в Тульской Палате Древностей, но также в музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Посетитель Русского музея императора Александра III в 1898 году писал: «...среди нескольких нестаринных картин, находим картину Матвеева, гофмалера императора Петра I изображающую Куликовскую битву (Мамаево побоище) и написанную Матвеевым по царскому указу в 1716 году. Это самая старая картина в музее. Матвеев был один из первых трех русских художников, посланных Петром учиться живописи за границу»⁴⁸⁷. В этом же

⁴⁸¹ Тульская Епархиальная Палата Древностей. Отчет о ее состоянии в 1912 году // Тульские Епархиальные Ведомости. 1913. №32-33. С. 535.

⁴⁸² Тульская Епархиальная Палата Древностей. Отчет о ее состоянии в 1913 году (от основания 29-м) // Тульские Епархиальные Ведомости. 1915. № 25-26. С. 364.

⁴⁸³ Каталог предметов, поступивших в Тульскую Епархиальную Палату древностей в 1901-1904-м годах // Тульские Епархиальные Ведомости. 1907. № 3. С. 200-201.

⁴⁸⁴ Репин Н.А. Образовательные прогулки по России. 1894-1902. СПб, 1903. С. 200.

⁴⁸⁵ Тульские Епархиальные Ведомости. 1887. №8. С. 205, 208.

⁴⁸⁶ Каталог предметов, поступивших в Тульскую Епархиальную Палату древностей в 1901-1904 –м годах // Тульские Епархиальные Ведомости. 1907. №16-17. С. 252 - 253.

⁴⁸⁷ Русский музей императора Александра III // Исторический вестник. 1898. № 5. С. 680.

музее посетители могли увидеть полотно О.А. Кипренского «Дмитрий Донской на Куликовом поле», созданное в 1805 году⁴⁸⁸, а также картину В.К. Сазонова с аналогичным названием, написанное в 1826 году.

В 1850 г. французский художник-баталист А. Ивон создал в Париже полотно «Куликовская битва». 31 марта 1851 года П. Волконский сообщал Н.Д. Киселеву, что император «не изъявил соизволения на приобретение картины»⁴⁸⁹. В 1859 г. за эту картину, приобретенную будущим императором Александром II, А. Ивон получит звание почетного вольного общинника Императорской Академии Художеств⁴⁹⁰. Это полотно было известно во Франции, где было представлено на одной из выставок. Французский критик «Этот славянский герой (Дмитрий Донской) и его мужественная борьба за освобождение отечества от долгого ига, набегов и хищничества монголов, могут иметь немного интереса только для природного русского»⁴⁹¹, подчеркнув тем самым важную роль сражения для становления национального самосознания русских. Произведение было неоднозначно встречено русской публикой. Одни оценивали ее с восторгом, отмечая, что выставленная в Эрмитаже картина имеет содержание, которое «близко русскому сердцу», другие – критиковали как «произведение ложное в области исторической живописи»⁴⁹². Картину разместили в Московском Кремлевском Дворце⁴⁹³.

Полотно под названием «Мамаево побоище» художника-любителя А.П. Мясоедова, написанное в 1851 году, хранилось в кабинете императора Николая I⁴⁹⁴. Эта картина была тепло встречена даже в среде академических художников – именно за то, что изображала хорошо знакомый всем сюжет

⁴⁸⁸ Амелькин А.О. Образ Мамаева побоища... С. 213.

⁴⁸⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Д. 104/941-24. Л. 18.

⁴⁹⁰ Ивон Адольф / Почетные вольные общинники Императорской Академии художеств: краткий биографический справочник. СПб., 2018. С. 117; РГИА. Ф. 472. Оп. 18. Д. 104/941-24. Л. 62.

⁴⁹¹ «Куликовская битва», картина г. Ивона // Санкт-Петербургские Ведомости. 1858. № 217. С. 1256.

⁴⁹² Замечание на «Письмо к французскому живописцу Ивону // Тульские губернские ведомости. 1856. №8. Ч. Неоф. С. 41.

⁴⁹³ РГИА. Ф. 789. Оп. 2. Д. 155. Л. 2, 2 об.; Ф. 480. Оп. 1. Д. 414. Л. 303.

⁴⁹⁴ Оболенский Д.Д. Куликово поле // Исторический вестник. 1903. Т. ХСIII. С. 581.

русской истории⁴⁹⁵. Многие художественные произведения на тему Куликовской битвы хранились в частных коллекциях – стоит вспомнить, например, полотно В.Г. Худякова «Куликовская битва», приобретенное московским собирателем древнерусских рукописей, книг и картин Алексеем Ивановичем Хлудовым. Картина была написана в 1855 году, «когда чистый патриотизм ежеминутно выказывался в горячих спорах и суждениях о наших неудачах и подвигах незабвенных защитников Севастополя»⁴⁹⁶. В Музее императора Александра III хранилась картина А.Н. Новооскольцева «Св. Сергей благословляет в. кн. Дмитрия Иоанновича»⁴⁹⁷ (см. Приложение 3).

В качестве реликвий Куликовской битвы на протяжении XIX века почитались кресты-энколпионы. Створка креста-энколпиона, обнаруженная на Куликовом поле, была вставлена в серебряную оправу, с надписью, указывающей место находки⁴⁹⁸ (см. Приложение 17). На серебряной оправе заметна монограмма «Д. О.», что свидетельствует об отношении к данному предмету как семейной реликвии (см. Приложение 18). В верхней части оправы находится небольшая петелька. Предназначением этой петельки, возможно, была возможность ношения данного энколпиона как нагрудного креста – что можно рассматривать как продолжение традиции ношения энколпионов в эпоху Куликовской битвы.

Поскольку идея о создании на месте сражения общественного музея, который был бы местом хранения находок, не нашла поддержки и не была реализована на протяжении XIX века, почти единственной реликвией, почитаемой жителями с. Монастырщины и демонстрируемой путешественникам на протяжении XIX века, был медный крест. Древний медный крест, выпавший на Куликовом поле в 1824 году, упоминает и

⁴⁹⁵ Рамазанов Н.А. Замечание о картине г. Мясоедова // Материалы для истории искусств в России. Статьи и воспоминания / сост., авт. вступ ст. и примеч. Н.С. Беляев; науч. Ред. Г.В. Бахарева; БАН. СПб., 2014. С. 75.

⁴⁹⁶ Василий Григорьевич Худяков // Всемирная иллюстрация. 1872. № 204. С. 343.

⁴⁹⁷ К трехсотлетию царствования Дома Романовых. Альбом портретов и снимков с исторических картин в Зимнем и Царскосельском дворцах в Музее императора Александра III, Оружейной палате, Третьяковской галерее и пр. Париж, СПб., 1913. Илл. 27.

⁴⁹⁸ Фехнер М.В. Находки на Куликовом поле. К вопросу о месте битвы 1380 года // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990. С. 75.

Афремов и Н.А. Репин, который оставил свидетельство о том, что этот крест почитался как местночтимая реликвия⁴⁹⁹. В 1887 году сельский учитель Н. Глаголев передал в Тульскую Палату Древностей еще один крест - из деревни Даниловки, с территории Куликова поля⁵⁰⁰.

В 1885 г. А.К. Марков констатировал, что «Давно уже Куликово поле служит неиссякаемым рудником древностей», «тем не менее предметов древности, найденных на Куликовом поле, весьма не много в наших музеях»⁵⁰¹. К таким исключительным находкам, переданным в музей, относится шлем, переданный в музей Археологического Института И.А. Ивинским и два перстня, переданные в Императорский Российский Исторический музей Д.И. Андреевским⁵⁰². Упоминания о находках предметов вооружения и нательных крестов на Куликовом поле имеются во многих публикациях XIX- начала XX веков⁵⁰³.

Таким образом, на протяжении второй половины XIX- начала XX веков оформляется традиция особенного отношения к предметам, найденным на Куликовом поле. Большинство из них по-прежнему представляют часть семейной истории и поэтому хранятся в домашних частных коллекциях, однако к 80-м годам XIX в. намечается тенденция передачи некоторых предметов в собрания общественных музеев.

Необычайный интерес у русской публики вызвала публикация сведений о кресте преподобного Сергия Радонежского, которым он благословил на битву князя Дмитрия Ивановича. Это событие преподносилось периодическими изданиями как «неожиданное открытие в Киеве одной из величайших святынь земли русской и одного из самых

⁴⁹⁹ Репин Н.А. Образовательные прогулки по России 1894-1902. СПб., 1903. С. 204.

⁵⁰⁰ Тульское Епархиальное Древлехранилище. Ч. II. Каталог. // Тульские Епархиальные Ведомости. 1891. №16. С. 93.

⁵⁰¹ Марков А.К. Татарский шлем, найденный на Куликовом поле... С. 300.

⁵⁰² Щепкин В.Н. Золотой перстень, найденный на Куликовом поле // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков. Тула, 2014. С. 336; Двуреченский О.В. Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. М.: Квадрига, 2008. С. 33; Кулешов Ю.А., Наумов А.Н., Наумова Т.В. Следы великого сражения. Свод находок с поля Куликовской битвы. Тула, 2023. С. 138.

⁵⁰³ Двуреченский О.В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Труды ГИМ. Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. Вып. 150. С. 212.

замечательных исторических памятников»; подчеркивалось, что «Крест имеет важное значение не только в археологическом смысле, но и как государственная святыня».

В 1889 году на страницах «Записок императорского русского археологического общества» появились две статьи, посвященные этой реликвии. По описанию, крест был пожертвован С.П. Демидовой княгиней Сан-Дonato Киевскому церковно-археологическому музею в числе других экспонатов богатой коллекции старинных крестов, складней и медальонов, собранной ее покойным мужем, в конце XIX в. хранился в музее при Киевской духовной академии. По легенде, изложенной автором одной из статей, крест был приобретен Демидовым у приезжего французского инженера, строившего железнодорожный мост через Днепр.

Экспонат представлял собой деревянный в серебряном вызолоченном окладе восьмиконечный крест. На окладе, ниже распятия, оказалась вытесненная надпись, которая была прочитана проф. Н. И. Петровым так: «сим крестом благословил преподобный игумен Сергей князя Дмитрия на погана царя Мамаю и река: сим побеждай врага. В лето 138 августа 27 дня». Фотография, а также подробное описание этого креста были представлена в журнале «Исторический вестник»⁵⁰⁴ (см. Приложение 19).

Доклад доцента духовной академии В.З. Завитневича, зачитанный на заседании церковно-археологического общества, был посвящен попытке интерпретации этого экспоната. Пытаясь собрать известные сведения о кресте, который принадлежал князю Дмитрию, автор обратился к тексту Никоновской летописи. Сопоставив данные, исследователь пришел к выводу о том, что обнаруженном кресте также изображено распятие, что соответствует летописным данным, но частиц древа животворящего «не оказалось и некуда их разместить». Подводя итог, автор статьи пишет: «следует признать, что крест, который хранится ныне в Киевском церковно-археологическом музее, не есть тот крест, который великий князь носил на

⁵⁰⁴ Исторический вестник. 1891. Т. XLV. С. 641.

груди во время Куликовской битвы». Но при этом делает следующее предположение: «Но есть ли основание предположить, что наш крест тот самый, которым благословил преп. Сергей Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем, как утверждает приведенная выше надпись?». Таким образом, как пишет автор, «Для отрицания подлинности креста нет сколько-нибудь серьезных оснований»⁵⁰⁵. Исследование обстоятельств бытования этого креста продолжил А.Ф. Бычков, который старался найти в документах XIV-XVII вв. фактическое указание о передаче по завещанию этого креста.

О том, что крест воспринимался как обретенная святыня, говорит обращение к нему во многих печатных изданиях того времени. В 1904 году князь Ширинский-Шихматов опубликовал в «Московских Ведомостях» сообщение о кресте, которое просил перепечатать во всех газетах. Он предложил ходатайствовать о том, чтобы крест был взят из музея Киевской духовной Академии, «где этой святыне земли Русской не место», и передан в Архангельский собор для хранения его на раке великого князя Дмитрия Донского, или в Троице-Сергиеву Лавру: «В настоящую минуту Россия переживает тяжелую годину.... Когда же как не теперь, вспомнить и о нашей святыне – кресте преподобного Сергия, под сенью которого Русь уже победила и сломила впервые языческую грозную силу?»⁵⁰⁶. Более того, по мнению Ширинского, крест должен был быть передан в ряды действующей армии.

Традиция преподнесения находок с Куликова поля в качестве подарков фиксируется в первой половине XIX века. Так, 22 октября 1820 г. тульский губернатор граф В.Ф. Васильев писал управляющему МВД В.П. Кочубею о том, что чиновники, отправленные на Куликово поле для съемки ситуационного плана местности, «нашли на самом поле и представили мне открытые несколько бердышей и одно копье». Одна из находок была подарена В.П. Кочубею: «Уважая орудия сии и по древности их, и как памятники

⁵⁰⁵ Киевлянин. 1891. № 54 (9 марта). С. 161.

⁵⁰⁶ Крест Преподобного Сергия Радонежского // Вера и разум. 1904. № 13. Кн. 1. С. 665-666.

славы России, я поставляю себе долгом один из найденных бердышей представить Вашему сиятельству, как благосклонному начальнику и как любителю отечественной истории»⁵⁰⁷.

В первой половине XIX века берет свое начало традиция преподнесения предметов с Куликова поля императорам. В 20-х годах XIX века майор А.А. Челищев преподнес императору в качестве реликвии знамя, по легенде найденное на Куликовом поле, принадлежавшее Великому Князю Димитрию Иоанновичу Донскому, находившееся в момент сражения в руках Михаила Бренка. Этот предмет был значимым для рода Челищевых, которые вели свой род от Михаила Бренка. Эта реликвия по воле императора была передана на хранение в Оружейную Палату, где хранилась в конце XIX в., о чем сообщают путеводители того времени.

Во второй половине XIX в. эта традиция продолжает жить, и тема Куликовской битвы продолжает занимать видное место в церемониях императорского двора.

Известны случаи преподнесения находок с Куликова поля императору Александру II. При вступлении его в совершеннолетие и обретения им звания Атамана Казачьих войск один из помещиков, имеющих земли на Куликовом поле, преподнес ему найденную на Куликовом поле булаву⁵⁰⁸. Второй случай связан с рождением 8 сентября 1843 года наследника цесаревича Николая Александровича. Заметим, что день Куликовской битвы совпал с датой его рождения. 14 сентября 1843 году один из владельцев Куликова поля, пораженный совпадением чисел этих знаменательных событий, представил государю, тогда еще наследнику престола, «покрытый вековой ржавчиною клинок меча», которую он достал у одного местного

⁵⁰⁷ Куликово поле. Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы / Сост. Баташова З.М., Малеванов Н.А., Петухов А.А., Сухов В.А., Фомин Н.К. Тула, 1982. С 20.

⁵⁰⁸ Мартынов П.М. Река Непрядва // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков. Тула, 2014. С. 188.

поселянина, отметив при этом «сближение двух важных для России событий»⁵⁰⁹.

Для преподнесения подарка Александру III по случаю его коронации в 1882 тульское дворянство заказало у московского фабриканта Овчинникова блюдо, «в середине которого был изображен великий князь Дмитрий Донской, вокруг которого были расположены гербы городов Тульской губернии. Солонка имела вид памятника на Куликовом поле»⁵¹⁰.

Тематика Куликовской битвы нашла свое отражение в традиции поднесения в день совершеннолетия Наследнику Цесаревичу подарков. Так, в 1859 году старшему сыну Александра II Николаю Александровичу депутацией от евреев, находящихся в Санкт-Петербурге, был преподнесен необычный портфель с поздравительным адресом. Он заслужил внимания знатоков искусства, в связи с чем информация об этом необычном подарке попала на страницы журнала «Русское слово»: «Портфель этот, исполненный с изумительной быстротою – в четырнадцать дней г. Сазиковым, имеет форму книги большого формата in folio и сделан из серебра. Верхняя гилиотированная, ярко вызолоченная доска обложена по краям широким матовым вызолоченным бордюром; по середине помещен медальон из окисленного серебра, изображающий Куликовскую битву, и именно ту ее минуту, когда князья и бояре, окружив великого князя Димитрия Иоанновича, возвещают ему победу. Фигура Димитрия, держащего знамя и двух поддерживающих его бояр, превосходны по отчетливому исполнению. На верху медальона находятся изображения Справедливости и Милосердия, и под ними на ленте, по-русски и по-еврейски надпись: благословение, благодарность; внизу медальона также надпись: от преданных евреев. По углам портфеля, в эмальированных овалах, сделаны по-славянски вязью надписи, означающие год, число и причину адреса надписи. Адрес, вложенный в портфель написан художником Бахманом золотыми буквами,

⁵⁰⁹ Мартынов П.М. Река Непрядва. С. 187.

⁵¹⁰ Памятная книжка Тульской губернии на 1900 год. Тула, 1900 год. С. 159.

по-русски и по-еврейски. Заглавный лист поздравления, украшенный атрибутами и самый текст, обращают на себя внимание красотой и отчетливостью; едва можно верить, что это сделано от руки»⁵¹¹.

В 1851 году на Всемирной выставке в Лондоне была представлена еще одна работа П.И. Сазикова на тему Куликовской битвы – канделябр в форме огромной ели, у подножия которой изображена скульптурная композиция, состоящая из Дмитрия Донского, приходящего в себя после тяжелого ранения, полученного в битве, и воинов, которые сообщают ему известие о победе⁵¹².

Таким образом, во второй половине XIX века к уже существующим «местам памяти» Куликовской битвы (церкви и монастыри, место сражения), добавляются новые – музеи и антикварные коллекции. Их связь с коммеморацией Куликовской битвы проявляется в создании особых залов, коллекций оружия и предметов, связанных своим происхождением или легендой с местом Куликовской битвы и воспринимаемых как реликвии.

Наряду с формированием комплекса коммеморативных практик во второй половине XIX – начале XX вв. происходил процесс формирования представлений о реликвиях Куликовской битвы. Артефакты, вызывавшие ассоциативную связь с событием прошлого, могли быть подлинными археологическими находками или возникать в виде произведений искусства, сувениров (подарки императорам, знамя Дмитрия Донского). Характерно, что для каждой сословной группы сформировался набор определенных предметов, которые отражали связь с прошлым. Для крестьян и духовенства такой формой стали кресты, для военных – знамена, для дворянства – перстни, оружие. При этом представления о внешней стороне образа Куликовской битвы, нашедшие отражение в визуальной коммеморативной практике (оружие воинов и их доспехи: шлемы, кольчуги, бердыши) были

⁵¹¹ Общественная жизнь в Петербурге // Русское слово. 1859. № 11. С. 119-120.

⁵¹² Зарецкая Д.М. Россия на всемирной выставке 1851 года // Вопросы истории. 1986. №7. С. 183.

тесно связаны с образом Смуты, что свидетельствует о близости предметного ряда и восприятия образа событий 1612 и 1380 годов (см. Приложения 5, 9).

Реликвии, являясь материальными «местами памяти», формируются из антикварной традиции и появляются в контексте развития национальной идеи. Реликвии Куликовской битвы играют важную роль в реализации коммеморативных практик. Они выполняют функцию трансляции памяти о событии, становятся элементами церемониальных практик разных уровней – государственного (участвуют в церемониях императорского двора, выполняют роль презентации государственных реликвий, являются частью интерьера государственных музеев и дворцов), семейного (хранятся в дворянских коллекциях как отражение исторической памяти дворянства) и общественного (представлены в экспозициях общественных музеев, хранилищах при церквях).

Итак, широкий масштаб мероприятий, охвативший всю страну, свидетельствует о признании Куликовской битвы как одного из важнейших событий российской истории. В целом набор коммеморативных практик, применявшийся для увековечения памяти о сражении 1380 года, был типичен для празднования важных исторических событий, таких как 1000-летия России (1862 г.), 900-летие крещения Руси (1888 г.), 300-летия Дома Романовых (1913 г.), что позволяет говорить о сформировавшейся традиции преемственности в российской коммеморативной культуре. К ее особенностям стоит отнести большую роль инициативы снизу в проведении и подготовке торжественных мероприятий, а также сочетание церковной и светской частей. На общероссийском уровне отмечались события, сочетавшие в себе принципы «самодержавия, православия, народности» как высших идеалов этого периода.

Юбилей 1880 года способствовал привлечению внимания широких слоев российского общества к месту сражения как «месту памяти», что происходило одновременно с возведением комплекса храмов на Куликовом

поле и развитием монументальной практики коммеморации. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. происходит процесс появления новых «мест памяти» – музейных экспозиций, постепенно игравших все большую роль, оформляются представления о реликвиях Куликовской битвы. Артефакты, связываемые с Куликовской битвой 1380 года, играют важную роль в реализации коммеморативных практик – церемониальной, визуальной, отчасти нарративной. Они выполняют функцию трансляции памяти о событии, становятся элементами практик коммеморации разных уровней – государственного, семейного и общественного.

Наряду с государственной традицией коммеморации, проявлявшейся в организации масштабных торжеств и привлечением значительного числа объектов коммеморации, в дворянской среде существовали частные традиции коммеморации. В дворянских усадьбах создавались коллекции предметов, связанных с Куликовской битвой, устраивались памятные вечера, на частные пожертвования возводились храмы, посвященные участникам сражения. Большую активность дворянства в увековечении памяти о Куликовской битве возможно объяснить происхождением многих древнейших дворянских родов от участников этого сражения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании была поставлена цель и осуществлена попытка комплексного исследования проблемы формирования и эволюции образа и принципов построения исторической памяти о Куликовской битве во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX в. сформировались устойчивые характеристики образа Куликовской битвы, включавшие в себя представления о масштабах сражения, численности войск. В среде дворянства XIX в. сложился образ Дмитрия Ивановича как государя, собравшего при своем дворе выходцев из разных земель и государств.

Вместе с тем, на протяжении второй половины XIX – начала XX веков вопрос о значении Куликовской битвы не имел единой оценки, содержал много смыслов, в связи с чем в разных формах коммеморативных практик могла подчеркиваться отдельная характеристика образа, актуальная в конкретный момент.

К факторам, влияющим на актуальность события прошлого, можно отнести отражение интересов, идеалов разных сословий общества. Широкое смысловое содержание образа битвы привело к тому, что в образе Куликовской битвы 1380 года нашли отражение аксиологические ценности разных сословных групп – дворянства, церкви, крестьянства.

Другой причиной популярности и актуальности образа Куликовской битвы на всем протяжении периода была постоянная трансформация содержания образа.

Широкая трактовка результатов и последствий битвы становится причиной все новых обращений к попыткам ее осмысления, что, в свою очередь, порождает возникновение новых смыслов и наполняет содержание образа новыми чертами. Неоднозначность оценок события становится одной из причин популярности обращения к образу, в том числе в форме развития комплекса коммеморативных практик.

Во второй половине XIX – начала XX веков Куликовская битва нашла отражение в разных типах коммеморативных практик: нарративной, визуальной, монументальной и церемониальной.

В формировании коммеморативных практик, связанных с Куликовской битвой, можно выделить два этапа. На первом этапе (1850 – 1880 гг.) сохранение памяти о Куликовской битве происходит в форме визуальной, нарративной практик, зарождаются монументальная и вместе с ней – церемониальная практики. На втором этапе (1880 – 1917 гг.) церемониальная практика усложняется, претерпевает развитие (в празднование 500-летнего юбилея вводятся такие элементы, как военный парад, богослужения в нескольких «местах памяти», в начале XX века вводится общероссийское поминовение воинов в Дмитровскую субботу). Эволюция монументальной практики находит воплощение в создании архитектурного ансамбля памятников, включавших колонну-памятник Дмитрию Донскому (1850 г.), трех храмов (1865 – 1917 гг.) и монастыря (1917 год).

Рубежом, определяющим переход к новому этапу развития коммеморативных практик, становится юбилей Куликовской битвы 1880 года. В нем находят отражение важные особенности коммеморативной культуры Российской империи 80-х гг. XIX века. К ним относится преобладающая роль инициативы снизу в организации и проведении юбилейных мероприятий и торжеств. Это предопределяется отсутствием единой общеимперской программы празднования и наличием региональной специфики, имеет следствием использование разных форм коммеморативных практик в разных регионах. Общеимперский уровень проведения комплекса торжественных мероприятий в год 500-летней годовщины Куликовской битвы стал возможным благодаря развитию периодической печати, которая освещала происходящие события и знакомила с ними жителей разных регионов страны. Благодаря этому удалось сделать объектами коммеморации представителей разных сословий российского общества.

Еще одной особенностью коммеморативной культуры Российской империи 80-х гг. XIX века является значительная роль церкви в проведении юбилейных торжеств, нашедшая выражение в формировании церемониальной коммеморативной практики.

При праздновании юбилеев наиболее явно проявляются некоторые характеристики события, составлявшие основу его восприятия в конкретный период времени. В момент празднования юбилейных торжеств образ события выражается в разных коммеморативных практиках, следовательно, мы можем представить его наиболее полно. Юбилей исторического события является своеобразной вехой, наиболее полно отражающей комплекс представлений о событии, существующий на данный конкретный год. Внимание, уделяемое отмечаемому событию, заставляет современников обратиться к его оценке, в связи с чем значение события подвергается интенсивному осмыслению. Разворачивающееся в литературе обсуждение итогов и значения события приводит к появлению новых точек зрения на его смысл и итоги. С одной стороны, юбилей закрепляет общепризнанное значение события, подводя итог предыдущему этапу его осмысления, так как содержит главные его черты; с другой стороны, события современности заставляют вспомнить об актуальности празднуемого события и связать его с современной реальностью, в связи с чем в этом образе события неизбежно наступают изменения. Образ события должен подвергаться наибольшему изменению именно в момент юбилея. Таким образом, юбилей выполняет прогностическую роль и закладывает основы восприятия образа события на грядущие годы и десятилетия.

В процессе активного осмысления значения и итогов события находят отражения общественные противоречия. Обращаясь к событию далекого или недавнего прошлого, участники юбилейных торжеств пытаются отразить в юбилейной церемонии некие ответы на вызовы современности, найти в прошлом способы решения насущных проблем.

С одной стороны, организаторы церемониала юбилейных торжеств были ограничены имеющимися возможностями и исходили из максимальной прагматичности принятых решений, чем можно, например, объяснить отсутствие войск при открытии памятника Дмитрию Донскому в 1850 году. Комплекс представлений о торжественной церемонии в сознании русского общества XIX века базировался на церковной традиции, которая включала в себя торжественные праздничные богослужения. Именно поэтому именно церковная составляющая легла в основу празднования юбилея Куликовской битвы и многих других юбилеев XIX – н. XX вв. По сути, к моменту появления практики празднования событий гражданской истории, которая в России зародилась в XVIII в., церковь уже имела разработанную систему коммеморативных практик и церемониал, выработанный при праздновании особых дней христианского календаря. Именно этим можно объяснить значительную роль церкви в организации юбилея 1880 года на Куликовом поле. При этом празднование церковных событий всегда отличалось массовостью и вовлечением максимального количества людей разных сословий, что было удобно для устройства всенародного торжества.

Церемониал юбилейных торжеств середины XIX века имеет форму религиозного торжества и не всегда сопровождается участием войск, даже в случае празднования события военной истории. С другой стороны, параллельно с церковной составляющей с 80-х гг. активно разрабатывается светская часть торжеств, причем она именно дополняет ее, что хорошо заметно на примере программы празднования 500-летия Куликовской битвы, предложенной Д.И. Иловайским. Непременным условием придания событию государственного значения в общественном сознании XIX-н. XX вв. выступают присутствие на торжествах императора и войск.

К 80-м гг. XIX в. такое существовавшее в первой половине столетия явление, как появление юбилейных публикаций, принимает значительно больший масштаб. Отныне оно не ограничивается кругом хорошо образованных людей, но рассчитано на максимально большую аудиторию,

представителей разных сословий, в том числе крестьян. Юбилейные речи и слова, сказанные на торжествах, становятся интересны читателям многих периодических изданий, даже отдаленных от места события губерний и знакомят их с церемониалом торжеств и произносимыми на месте празднования речами.

Характерной особенностью юбилея Куликовской битвы является широкое отражение его в публикациях – как столичных, так и местных газет и журналов. Вторая половина века становится тем временем, когда наиболее востребованная информация о торжественном праздновании события запечатлевается на страницах общедоступных периодических изданий, рассчитанных на максимально большой круг читателей (например, газеты «губернские» и «епархиальные» ведомости, которые печатались почти во всех губерниях Российской империи).

В системе юбилейных торжеств Российской империи юбилей Куликовской битвы 1880 года имеет самобытное место. Он находится в рамках сложившейся к тому моменту традиции празднования юбилейных торжеств, но имеет свои особенные черты. К ним можно отнести поездку офицеров Генерального Штаба из Москвы на Куликово поле, участие в торжествах двух монахов Троице-Сергиевой Лавры, присутствие журналистов столичных изданий, обсуждение в печати программы празднования, активное участие в торжествах общественности – коломенского купечества, тульского земства. Стоит отметить интерес к этому юбилею представителей разных лагерей общественно-политической мысли, как демократов, так и монархистов, а также отсутствие непосредственной связи с самодержавием и представителями царского дома.

Характерно, что первые упрекали в недостаточном масштабе торжеств, вторые вынесли из него вполне положительные впечатления. Но факт в том, что идея о необходимости празднования юбилея Куликовской битвы 1880 года не оспаривалась и не осуждалась сама по себе. Оба лагеря хотели придать торжествам массовый масштаб. Неполитический, не связанный с

царской династией, а военный характер события – победа в битве – сблизила оценку на событие вчерашних противников, не позволила ему стать событием, значимым исключительно для узкого круга лиц или конкретного сословия. Юбилей Куликовской битвы был празднованием одного из самых древних событий русской истории. Его можно сравнить с юбилеем крещения Руси – но оно представляло интересы церкви и воспринималось прежде всего как церковный праздник.

Активное обращение к теме Куликовской битвы в публицистике 80-х гг. XIX в. показывает, что юбилей Куликовской битвы был востребован. Широкий круг участников юбилейных мероприятий, развернувшихся в разных губерниях Российской империи, свидетельствует об актуальности образа Куликовской битвы, позволяет сделать вывод о том, что в этом событии каждый из его организаторов и участников находил одну из основ своего мировоззрения. Представители дворянства на гражданской службе и церкви находили в нем идеалы служения Отечеству. Образ Куликовской битвы был близок представителям военного дворянства – через образы бояр-дружинников и князей-участников битвы, церковным деятелям – через образы святого Сергия, иноков Александра Пересвета и Ослябя. Идея широкого празднования юбилея была поддержана общественностью и стала ответом на статьи Н.И. Костомарова и ряда других авторов, поставивших под вопрос авторитет князя Дмитрия Донского. Голос Н.И. Костомарова не был принят – реакция на него современников заставила автора смягчить свою позицию.

Характерна позиция представителей императорского дома по отношению к юбилейным торжествам в честь Куликовской битвы. Поскольку эпоха Куликовской битвы не была связана со славными деяниями предков императорской фамилии, она не воспринималась как часть семейной истории, вследствие чего событие было оставлено в стороне.

Организация и участие в юбилейных мероприятиях порождает комплекс переживаний, основанных на чувстве сопричастности. Для

представителей народа сопричастность к Куликовской битве 1380 года вылилась в форму религиозного торжества, которая оказалась ему близка и понятна.

Каждый элемент юбилейных торжеств, каждая коммеморативная практика возникает в определенной среде, отражает запросы и предпочтения своих авторов. Для представителей интеллигенции наиболее востребованной коммеморативной практикой оказались речи, торжественные слова, сказанные во многих губернских и уездных городах Российской империи, публикации на страницах газет и журналов. Юбилей Куликовской битвы 1880 года стоит рассматривать как комплекс коммеморативных практик, отражающих запросы разных сословий и групп. Изготовление памятных медалей и блюда предназначались для дворянства, церковные службы и гулянья были устроены для народа, военный парад – для военного дворянства, торжественный обед и ужин – для дворянства бюрократического. Таким образом, в момент празднования юбилея Куликовской битвы 1880 года на Куликовом поле собрались люди разных сословий, профессий, которых объединила общая историческая память. С этого момента Куликово поле обрело роль национального «места памяти».

На протяжении изучаемого периода происходило функционирование старых и формирование новых «мест памяти» (общественных музеев и частных коллекций).

«Местами памяти» Куликовской битвы являлись объекты топонимики – Кремль, монастыри, места, связанные с движением войск князя Дмитрия к месту сражения, упоминаемые в «Сказании о Мамаевом побоище», а также места Тульской, Рязанской губерний, легендарно связанные с местами остановки войск. Центральным «местом памяти» на протяжении периода становится Куликово поле. Если в первой половине XIX в. Куликово поле посещали редкие путешественники, то в начале XX в. возникает такое явление, как первые групповые экскурсии (например, посещение Куликова поля группой кадет).

Для разных сословий Российской империи было характерно использование разных видов коммеморативных практик. Большая роль в реализации монументальной формы коммеморативной практики принадлежала дворянству, в реализации нарративной и церемониальной – интеллигенции. Для сохранения памяти о прошлом народ, крестьяне чаще всего использовал форму топонимической коммеморации, тесно связанной с «местами памяти».

Основными субъектами коммеморации в Российской империи второй половине XIX – начале XX веков выступали общественные деятели и представители дворянства, в меньшей степени - крестьянства.

Активное участие дворянства в увековечении памяти о Куликовской битве в первой половине XIX века находит выражение в организации строительства комплекса мемориальных построек на Куликовом поле. Стремление сделать место сражения памятным, имеющим особый статус находит выражение в прошении В.И. Синельникова.

Причинами возникновения новых практик и форм коммеморации могут служить события современности, вызывающие аналогию восприятия, а также попытки деконструкции и антикоммеморации. Мотивы субъектов коммеморации могут быть обусловлены комплексом исторических представлений, свойственных сословию, конкретной социальной группе. Одним из мотивов может быть стремление сохранить сословную память.

Во второй половине XIX – начале XX веков, в период, когда интерес к прошлому своего рода в среде дворянства значительно возрос, Куликовская битва нашла свое отражение в разных формах коммеморативных практик, связанных с родословной памятью дворянства. Большую активность дворянства в увековечении памяти о Куликовской битве стоит объяснить происхождением многих древнейших дворянских родов от участников этого сражения. Ощущение связи с эпохой Дмитрия Донского через осознание себя потомками героев Куликовской битвы привело к существованию «частных» традиций коммеморации.

В дворянских усадьбах это было создание коллекций предметов, связанных с Куликовской битвой, устройство памятных вечеров, строительство храма, посвященных участникам сражения. К коммеморации Куликовской битвы в дворянской родословной памяти относится и публикации памятных статей о героях сражения 1380 года. Таким образом, на протяжении второй половины XIX – начала XX веков память о Куликовской битве сохранялась на разных уровнях – государственном, семейном.

Реликвии, являясь материальными «местами памяти», вырастают из антикварной традиции и появляются в контексте развития национальной идеи. Во второй половине XIX – начале XX в. экспонаты, связанные с Куликовской битвой, были представлены в экспозициях как столичных (Оружейная Палата, Эрмитаж, Большой Дворец), так и провинциальных музеев и учреждений (Тульская Палата Древностей).

Реликвии Куликовской битвы играют важную роль в реализации коммеморативных практик. Они выполняют функцию трансляции памяти о событии, становятся элементами церемониальных практик разных уровней – государственного (участвуют в церемониях императорского двора, выполняют роль презентации государственных реликвий, являются частью интерьера государственных музеев и дворцов), семейного (хранятся в дворянских коллекциях как отражение исторической памяти дворянства) и общественного (представлены в экспозициях общественных музеев, хранилищах при церквях).

Наряду с формированием комплекса коммеморативных практик во второй половине XIX – начале XX вв. происходил процесс формирования представлений о реликвиях Куликовской битвы. Артефакты, вызывавшие ассоциативную связь с событием прошлого, могли быть подлинными археологическими находками или возникать в виде произведений искусства, сувениров (подарки императорам, знамя Дмитрия Донского). Характерно, что для каждой сословной группы сформировался набор определенных

предметов, которые отражали связь с прошлым. Для крестьян и духовенства такой формой стали кресты, для военных - знамена, для дворянства – перстни, оружие. При этом представления о внешней стороне образа Куликовской битвы, нашедшим отражение в визуальной коммеморативной практике (оружие воинов и их доспехи: шлемы, кольчуги, бердыши) были тесно связаны с образом Смуты, что свидетельствует о близости предметного ряда и восприятия образа событий 1612 и 1380 годов.

Изучение заявленной темы позволило не только сделать названные выше выводы, но и убедиться в многогранной масштабности проблемы. Перспективным для дальнейшего изучения, как минимум, представляется расширение хронологических рамок работы, источниковой базы, использование дополнительных методов исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

I. Архивные источники РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (РГИА)

1. Ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Оп. 2. Д. 7036.
2. Ф. 789. Академия художеств. Оп. 2. Д. 155.
3. Ф. 472. Канцелярия Министерства Императорского двора. Оп. 18. Д. 104/941-24.
4. Ф. 480. Строительная контора МИДв. Оп. 1. Д. 414.
5. Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 1. Д. 371; Оп. 91. Д. 65; Оп. 118. Д. 551.
6. Ф. 951. Карамзин Николай Михайлович. Оп. 1. Д. 10, 25.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА (РГАЛИ)

6. Ф. 1956. Коллекция рукописей деятелей искусств. Оп. 2. Д. 82.
7. Ф. 2723. Зограф Николай Георгиевич. Оп. 1. Д. 594. Л. 1.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (ГАТО)

8. Ф. 3. Тульская духовная консистория святейшего Синода. Оп. 8. Д. 529, 2770; Оп. 10. Д. 4851; Оп. 14. Д. 2295, 2236, 2295, 2298, 2299, 2302, 2451, 2453, 2457; Оп. 18. Д. 9262.
9. Ф. 39. Тульское Губернское Дворянское депутатское собрание Министерства внутренних дел. Оп. 2. Д. 1304. Л. 24. Оп. 2. Д. 1586.
10. Ф. 90. Канцелярия тульского губернатора. Оп. 1. Т. 11. Д. 9150; Т. 13. Д. 10205; Т. 29, Д. 22821; Т. 41. Д. 34322.
11. Ф. 151. Троицкий Николай Иванович. Оп. 1. Д. 14.
12. Ф. 518. Тульская Городская Дума Министерства Внутренних дел. Оп. 1. Т. 1. Д. 2322 а.

II. Опубликованные источники

1. Документация делопроизводственного характера

1. Доклады Тульской губернской Земской Управы XV очередному Губернскому Земскому Собранию. Тула, 1879.
2. Журналы XVII очередного Тульского Губернского Земского Собрания. Тула, 1881.
3. Систематический свод постановлений Елисаветградского уездного земского собрания за 1865-1895 годы. Составил Е.И. Борисов. Елисаветград, 1895.
4. Протоколы Комиссии преподавателей истории и русского языка средних учебных заведений г. Тифлиса. Изд. 2-е, Тифлис, 1903.

2. Периодические издания

5. Биржевые ведомости. 1862.
6. Вера и разум. 1904. № 13.
7. Вестник Владимирского губернского земства. 1905. №2.
8. Вестник Европы. 1820. №1.
9. Военная быль. 1959. №38; 1967. № 85; 1968. № 92.
10. Военно-исторический вестник. 1909. №1-2, 3-4.
11. Всемирная иллюстрация. 1871. №112; 1872. № 204.
12. Донские епархиальные ведомости. 1880. №19. 1890. №13; 1904 №18.
13. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1905. №3; 1914. №45.
14. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1901. Ч. 333. № 2.
15. Задушевное слово. Журнал для детей старшего возраста. 1896. №12; 1882. Т. 7.
16. Игрушечка. 1880 №41 и 42, 43.
17. Исторический вестник. 1880, 1887, 1891, 1897, 1898, 1903.
18. Калужские епархиальные ведомости. 1880. №18.
19. Кишиневские епархиальные ведомости. 1880. №18.
20. Московские ведомости. 1825. №85, 89; 1828. №3, 12, 21, 29, 48; 1913. №232; 1914.
21. Московские церковные ведомости. 1880.
22. Петербургский листок. 1879, 1880, 1896, 1902.
23. Прибавления к Херсонским Епархиальным ведомостям. 1880.
24. Русская старина. 1880. Т. XXIX. СПб., 1880.
25. Русский архив. 1883, 1888, 1891, 1895.
26. Русский вестник. 1842. Т. 5. № 3.
27. Русский инвалид. 1869. № 22; 1903. №244; 1904. №221, 224, 226, 228, 230; 1905.
28. Русское слово. 1859. № 11.
29. Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1847. №19; 1858. № 217.
30. Саратовский духовный вестник. 1909. №34.
31. Тульская старина / под. ред. Н. И. Троицкого. Изд. Тульского историко-археологического товарищества. Тула, 1902. № 9.
32. Тульские губернские ведомости. 1856. №9.
33. Тульские Епархиальные Ведомости. 1880. №19; 1887. №8; 1891. №16; 1897. № 19; 1898. №10; 1902. № 13-14, 19; 1903. №18-19; 1904. №6; 1907. №3, 15, 16-17; 1913. №32-33; 1915. № 25-26; 1918. №9/10.
34. Черниговские епархиальные ведомости. Ч. Неоф. 1905. №7.
35. Чтение для солдат. 1863. Кн. 6. №23; 1880. Кн. 6. №21-24; 1905. № 2; 1913. № 10.
36. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862.
37. Юный читатель. 1899. №40.
38. Ярославские епархиальные ведомости. 1905. №2.

3. Научные и научно-популярные издания

39. Афремов И.Ф. Куликово поле, с реставрированным планом Куликовской битвы в 8 день сентября 1380 г.: Отрывок из Исторического обозрения Тульской губернии Ивана Афремова. М.: тип. В. Готье, 1849.
40. Байов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. I. От начала Руси до Петра Великого. СПб., 1909.
41. Балуев П.С. Исторические и статистические описание станиц и городов, посещаемых г. военным министром при объезде Его Превосходительства Области войска Донского в 1900 году. Новочеркасск, 1900.
42. Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи. Ч.1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890.
43. Бурьянов В. Прогулки с детьми по России. Ч. III. СПб., 1837.
44. Бухарин С.П. «Читай, брат!»: Сборник для чтения солдатам в школах и командах: в 2 ч. / сост. Поручиком 110 пехотного Камского полка Бухариным. 1-е изд. Ковно, 1889.
45. Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской и преподобный Сергей Радонежский: к пятисотлетию дня кончины Дмитрия Донского 1389 - 19 мая – 1889. М., 1889.
46. Воскресенский А.И. Три речи в память Карамзина, Гоголя и Жуковского (1901 и 1902 гг.). В. Волочек, 1902.
47. Голицын Н.С. Великие полководцы истории. Ч. 1. СПб., 1875.
48. Голицын Н.С. Всеобщая военная история древних времен / сост. кн. Н.С. Голицын. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872-1875.
49. Голицын Н.С. Русская военная история. Ч.1. До Иоанна III. СПб., 1877.
50. Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892.
51. Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 4. СПб., 1857.
52. Замечательные исторические сооружения. Сост. Ф. А. Тарапыгин и В. Е. Рудаков. Изд. 2. СПб, 1913.
53. Змеев Л.Ф. О старинном дворянском роде Змеевых // Русский архив. 1888. №6. Кн. 2. С.0228-0231.
54. Иеродиакон Харлампий «Пятисотлетие Куликовской битвы». М., 1880.
55. История 5-го Донского Казачьего Войскового атамана Власова полка. Сост. В.В. Пузанов. Саратов, 1913.
56. История русской армии и флота. М., 1911.
57. История царствования императора Александра II (в картинах). СПб, 1882.
58. К пятисотлетию Куликовской битвы (8 сентября 1380 г.): лекция, читанная в пятисотлетнюю годовщину ее 8 (20) сентября 1880 г., при

- открытии курса русской истории, в Императорском Варшавском университете Н. П. Барсовым, э. о. профессором и библиотекарем Университета. Варшава: типография К. Ковалевского, 1880.
59. К трехсотлетию царствования Дома Романовых. Альбом портретов и снимков с исторических картин в Зимнем и Царскосельском дворцах в Музее императора Александра III, Оружейной палате, Третьяковской галерее и пр. Париж, СПб., 1913.
60. Кавелин Л.А. Участие преподобного отца нашего Сергия в событиях 1380 года, положивших начало освобождению России от татарского ига. Москва: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1880.
61. Казадаев А. Историческое похвальное слово Димитрию Донскому. СПб., 1827.
62. Каталог музея Псковского церковно-археологического комитета. Бронзовая медаль в память 500-летия Куликовской битвы. Псков, 1914.
63. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902.
64. Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства. Речь, произнесенная на торжественном собрании Московской Духовной Академии 26 сентября 1892 г. в память преп. Сергия. М., 1892.
65. Корсунский И. Государственное значение церковно-приходской школы М., 1888.
66. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.
67. Коялович М.О. Куликовская битва и ее значение в истории русской государственности и русской церкви. СПб., 1880.
68. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Предисл. М. Семецкого. СПб.: издание «Русской старины». Изд. 2-е. Т. II. 1895.
69. Мамаево побоище или Димитрий Донской. Большая историческая драма в пяти действиях. Соч. А. Боярского. М., 1891.
70. Масловский Д.Ф. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского, 1380 года, до Куликовской битвы включительно // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. И авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 253 – 291.
71. Масловский Д.Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы генерального штаба полковника Д. Масловского. Историческое исследование. М., 1883.
72. Материалы к истории Петровского Полтавского кадетского корпуса с 1 октября 1904 по 1-е октября 1905 г. Собрал полковник А.Д. Ромашкевич. Полтава, 1905.
73. Мизинов П.И. Историко-литературные статьи и речи. Рыбинск, 1886.
74. Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времен до начала 19 столетия. 2-е изд. СПб., 1896.

75. Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898.
76. Мордовцев Д.Л. Мамаево побоище: историческая повесть. М.: Типография А. Гатцука, 1881.
77. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. СПб., 1798-1836.
78. Овсянников Н.Н. Указатель тверской старины. Тверь, 1903.
79. Очерк из жизни духовной школы. Священника В. Востокова. М., 1904.
80. Павловский И.Ф. К истории полтавского дворянства (1802-1902). Т. II. Полтава, 1907.
81. Памятная книжка Тульской губернии на 1900 год. Издание Тульского Губернского Статистического Комитета. Тула, 1900 год.
82. Памятник славы русским воинам, ознаменовавшим себя на Бородинском поле 26 августа 1812 года, или признательность императора Николая Павловича к павшим за веру и отечество. Изд. 2-е. М., 1853.
83. Памятник Тысячелетию Государства Российского в Новгороде. Новгород, 1878.
84. Первая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Севастополь и его окрестности. Симферополь, 1889.
85. Письмо к Оресту Федоровичу Миллеру. Старая Русса. 26 августа 1880 г. // Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883.
86. Поле Полтавской битвы и ее исторические памятники. М., 1895.
87. Празднование Пятисотлетней годовщины Куликовской битвы. Тула, 1881.
88. Репин Н.А. Образовательные прогулки по России 1894-1902. Составил Н.Р. СПб, 1903.
89. Речь, по случаю празднования 500-летия русской артиллерии. Сергей, Дмитрий, Куликовская битва заря освобождения России от трехсотлетнего татарского ига // Собрание слов и речей высокопреосвященного Арсения (Брянцева), архиепископа Харьковского и Ахтырского, говоренных в разных местах его служения. Т 2. Кн. 1. Харьков, 1908.
90. Ровинский Д. Русские народные картинки. Кн. 5. СПб., 1881.
91. Розанов П.П. Местные предания о Куликовской битве. Чтения в историческом обществе Нестора-летописца Кн 1. 1873-1877. Под ред. В.С. Иконникова. Киев, 1879. С. 63 – 69.
92. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887.
93. Русская военная сила. Очерк развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней. Составлено обществом офицеров

- Генерального Штаба в Москве. Вып. 1. Домонгольский период. М., 1888.
94. Русский музей императора Александра III // Исторический вестник. 1898. С. 680.
95. Савельев-Ростиславич Н.В. Историческое значение и личный характер Димитрия Иоанновича Донского. СПб., 1837.
96. Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1982.
97. Случевский К.К. Историческое значение Святого Сергия. М., 1891.
98. Старинное славянское описание Куликовской битвы с картинными изображениями разных моментов Мамаева побоища на верху каждого листа. Б.м., б.г.
99. Столетие Военного министерства: 1802-1902. Гл. ред. ген. от кавалерии Д.А. Скалон. СПб., 1906.
100. Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. СПб., 1898.
101. Тихомиров Е.А. Куликовская битва: исторический очерк: к 500-летней годовщине Куликовской битвы. М., 1880.
102. Толычова С.И. Семейные записки. М., 1865.
103. Урбан И.Э. Краткая история 6-го Гренадерского Таврического полка. Тула, 1890.
104. Хрущов И.П. О памятниках, прославивших Куликовскую битву // Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878. С. 70 – 78.
105. Чтения в обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете. Казань, 1900-1904.
106. Чтения по истории русской литературы проф. А. С. Архангельского. 1903.
107. Шаховской А.Н. Что нужно знать каждому в России. СПб., 1912.
108. Школа-памятник имени Ивана Сергеевича Тургенева, открытый ему в день рождения 28-го октября 1908 года в Одессе / сост. О.И. Брацлавич. Одесса, 1909.
109. Шмурло Е. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829-1897. Юрьев, 1899.
110. Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. I. Тула, 1899. С.80 – 115.

4. Учебные издания

111. Андреев В.В. Общеобразовательный очерк русской истории. СПб., 1871.
112. Арифметика. Сост. П. Миронов. Изд 2-е. Уфа, 1901.
113. Белоруссов И. Учебник теории словесности. 18-е изд., М., 1900.
114. Богман А.И. Русская история: пособие для средних школ и самообразования. Ч. I. СПб., 1912.

115. Васильковский С.Н. Русская история в источниках. Ч. 1: пособие для средних учебных заведений. М., 1880.
116. Водовозов В.И. Рассказы из русской истории. Вып. 1. СПб., 1877.
117. Гартвиг А.Ф., Крюков Н.Т. Учебник русской истории для высших начальных училищ и торговых школ. М., 1914.
118. Гимназия на дому: средне-учебное заведение заочно. Вып. 6. Пг., 1917.
119. Горбов Н.М. Русская история для начальных школ: учебн. руковод. для низших училищ. Изд. 18-е. М., 1914.
120. Давыдкин М.А. Краткая русская история: для народных училищ / М. Давыдкин и И. Селезнев. Изд. 2-е. М., 1911.
121. Елпатьевский К.В. Рассказы и стихотворения из русской истории: ист. хрестоматия для мл. кл. сред. учеб. заведения / сост. К. В. Елпатьевский. 3-е изд. СПб., 1909.
122. Елпатьевский К.В. Учебник русской истории: с приложением родословной и хронологической таблиц и указателя личных имен. 8-е изд. СПб., 1903.
123. Ефименко А.Я. Учебник русской истории. СПб., 1909.
124. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. Изд. 30-е. М., 1895.
125. Ишимова А.О. История России в рассказах для детей. 6-е изд. СПб., 1890.
126. Кайданов И.К. Краткое начертание российской истории, составленное для руководства при первоначальном изучении российской истории профессором Иваном Кайдановым. 4-е изд. СПб., 1838.
127. Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле. Ч. 2: От разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Димитрия Иоанновича Донского. 3-е изд. СПб., 1913.
128. Острогорский М.Я. История России, с картинками и вопросами для повторения для народных училищ. 3-е изд., СПб., 1876.
129. Открытие памятника в г. Костроме Царю Михаилу Феодоровичу и поселянину Ивану Сусанину // Вознесенский Е.П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующего Императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии. Кострома, 1859. С. 55 – 83.
130. Петрушевский А.Ф. Рассказы про старое время на Руси, от начала Русской земли до Петра Великого. 16-е изд. М., 1906.
131. Полевой П.Н. Иллюстрированные рассказы из отечественной истории с портретами и картами в тексте для начальных школ. СПб., 1892.
132. Полевой П.Н. Русская история для мужских средних учебных заведений. 5-е изд. СПб., 1903.
133. Пресняков А.Е. Русская история: курс младших классов. М., Пг., 1915.
134. Пуцыкович Ф.Ф. Русская история для народных и других элементарных училищ. 15-е изд. СПб., 1891.

135. Разин А.Е. Откуда пошла Русская земля и как стала быть: русская история в повестях. СПб., 1914.
136. Рассказы из русской истории. Сочинение для простонародного чтения И. Кулжинского. СПб., 1853.
137. Сборник грамматических задач (опыт практической грамматики). Курс 2-х младших классов гимназий / Сост. Л. Васильев. СПб., 1872.
138. Сиповский В.Д. Родная старина: отечественная история в рассказах и картинах. 3-е изд. СПб., 1887-1896.
139. Соловьев С. М. Общедоступные чтения о русской истории. 5-е изд. М., 1908.
140. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 3. СПб. Изд 2-е., 1851.
141. Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. М., 1859.
142. Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. 8-е изд. М., 1880.
143. Сосницкий А.А. Русская хрестоматия для старших классов средне-учебных заведений. Пособие при изучении теории прозы и поэзии. М., 1885.
144. Теория словесности. Свод теоретических положений, выведенных из разбора образцов прозы и поэзии / Сост. К. Козьмин и В. Покровский. 7-е изд. М., 1900.
145. Турцевич А.О. Краткий учебник русской истории. 7-е изд. Вильна, 1913.
146. Указатель книг для детского чтения (в возрасте 7-14 лет): Для родителей, воспитателей, учителей и учительниц нач. шк. и гор. уч-щ, и для обществ. учреждений, ведающих дело нар. образования / А.Е. Флеров и В.С. Мурзаев. Вып. 1. М., 1905.
147. Устрялов Н.Г. Руководство к первоначальному изучению русской истории. Изд. 11-е. СПб., 1859.
148. Фармаковский В.И. Русская история с присовокуплением необходимых сведений из всеобщей истории. Изложено по способу Грубе. 2-е изд. Вятка 1875.
149. Филонов А. Теория словесности. Для средних учебных заведений. 7-е изд. СПб., 1900.
150. Шуф А.К. Рассказы и биографические очерки из русской истории (с кратким описанием древностей Москвы). Учебник для младшего возраста. 8-е изд. М., 1893.

5.Энциклопедии, энциклопедические словари, справочные издания, путеводители

151. Вишневский А.И. Исторический путеводитель по Москве и окрестностям. М., 1896.
152. Всенаучный словарь / сост. В. Ключников. Ч 1. А - К. СПб., 1878.
153. Московский кремль. Воспоминание о его прошлом. К коронаванию их императорских величеств. СПб., 1896.

154. Московский Кремль. Святыни и достопамятности. Историческое описание соборов, церквей и монастырей. Сост. И.К. Кондратьев. М., 1900.
155. Настольный энциклопедический словарь. Т. IV. (выпуски 43-56). Кальдер-Ленский (объяснено 7264 слова). М., 1892.
156. Павленков Ф.Ф. Энциклопедический словарь. Изд. 4-е. СПб., 1910.
157. Русский энциклопедический словарь / гл. ред. Н. Березин и др. Т. 5: И – Кяхта. М., б. г.
158. Словарь добродетелей и пороков, с прибавлением некоторых достопамятных происшествий. Сост. Кн. П. Енгальчевым. Ч. 1. СПб., 1828.
159. Фабрициус М.П. Кремль в Москве. Очерки и картины прошлого и настоящего. М., 1883.
160. Энциклопедический альбом, заключающий в себе собрание разных любопытных сведений и исторических обозрений наук, художеств, торговли и проч. Сост. П. Машковым. СПб., 1835.
161. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVIII. СПб., 1903.
162. Энциклопедический словарь общепользных сведений по всем отраслям знания с общедоступным объяснением значения иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык. Составил Ильин. М., 1908.
163. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т XVI. Коялович-Кулон. СПб., 1895.

6. Источники, опубликованные в сборниках документов

164. Иловайский Д.И. Пятисотлетие Куликовской битвы // Куликово поле: антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. С. 205-209.
165. К пятисотлетней годовщине Куликовской битвы // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. С. 216.
166. Куликово поле. Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы / Сост. Баташова З.М., Малеванов Н.А., Петухов А.А., Сухов В.А., Фомин Н.К. Тула, 1982.
167. Мартынов П.М. Река Непрядва // Антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. С 186 – 190.
168. Нечаев С.Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 21 – 24.
169. Отрывок из исторического обозрения Тульской губернии // Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 92 – 122.

170. Письмо ректора Академии Художеств скульптора И. П. Мартоса генерал-губернатору, управляющему губерниями Рязанской, Тульской, орловской, Воронежской и тамбовской генерал-лейтенанту А. Д. Балашову с просьбой доставить для разработки проекта памятника Дмитрию Донскому план Куликова поля и сведения о наличии камня в округе // Куликово поле: летописи, документы / Сост. Баташова З. М., Малеванов Н. А., Петухов А. А., Сухов В. А., Фомин Н. К. Тула, 1982. С. 16-18.
171. Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы, происходившее 8 сентября на Куликовом поле в Епифанском уезде Тульской губернии и 9 числа в г. Туле (извлечено из Тульских губернских ведомостей) // Куликово поле: антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 229-252.
172. Празднование пятисотлетней годовщины Куликовской битвы. Извлечено из отчета Тульской губернской земской управы за 1880 г. // Куликово поле: антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 221-229.
173. Рамазанов Н.А. Замечание о картине г. Мясоедова // Материалы для истории художеств в России. Статьи и воспоминания / сост., авт. вступ ст. и примеч. Н.С. Беляев; науч. Ред. Г.В. Бахарева; БАН. СПб., 2014. С. 75.
174. Троицкий Н.И. Памятование об историческом прошлом в деле школьного воспитания // Тульские древности. Составитель Е.В. Васильева. Тула, 2002. Тула, 2002.
175. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб, 2000.
176. Шульгин С.Н. Куликово поле // Антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. С. 402 – 416.
177. Яблочков М.Т. Памятник Великому Князю Московскому Дмитрию Донскому на Куликовом поле // Куликово поле: антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. С. 389 – 401.

ЛИТЕРАТУРА

5. Монографии, статьи, материалы научных конференций

1. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
2. Азбелев С.Н. Куликовская победа в народной памяти. СПб., 2011.
3. Амелькин А.О. Образ Мамаева побоища в общественном сознании России XVIII-XX вв. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: сб. ст.: в 2-х т. Тула, 2007. Т. 2. С. 208 – 251.
4. Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011.

5. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. М.М. Сокольской М., 2004.
6. Ашурков В.Н. Куликовская битва. 1380-1955. Тула, 1955.
7. Ашурков В.Н. На поле Куликовом. 4-е изд. Тула, 1980.
8. Ашурков В.Н. Памятники Куликова поля // Куликовская битва. М., 1980. С. 275 – 288.
9. Бегунова Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник Кемеровского ГУКиИ. 2017. №39. С. 53 – 60.
10. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.
11. Бессуднов Д.А. Образ Александра Невского и российская мемориальная традиция // Ледовое побоище в зеркале эпохи: сборник научных работ, посвященный 770-летию битвы на Чудском озере / отв. ред. М.Б. Бессуднова. Липецк, 2013. С. 259 – 264.
12. Богомазова О.В. Проблемное поле историографии и «история памяти»: краткий обзор современных исследовательских направлений // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №16 (371). С. 120 – 126.
13. Бондарь В.В. Складывание монументального ландшафта в дореволюционной России: особенности проявлений государственной политики в центре и окраинах // Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы / В.В. Бондарь, А.Н. Еремеева, О.Н. Маркова, Т.Ю. Юренева; отв. ред. А.Н. Еремеева. М., 2022. С. 29 – 42.
14. Боть В.И. Из истории создания музея «Куликово поле» // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 439-445.
15. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
16. Володина Т.А. Проблема устойчивости и изменчивости смыслов в исторической топонимике // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 2. С. 491 – 502.
17. Горбунов А.В. Ландшафт полей сражений: генезис, структура, развитие // Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004. С. 230 – 245.
18. Горский А.А. События 1185 и 1380 гг.: восприятие современников и восприятие потомков // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000.
19. Горский А.Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // 600-летие Куликовской битвы. Тезисы докладов и сообщений юбилейной научной конференции 8-10 сентября 1980 г. М., 1980.
20. Горский А.Д. Куликовская битва в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983.

21. Горячева М.Ю. Памятник-колонна на Красном Холме. Новое о прошлом и настоящем // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2.: Сб. ст. в 2-х т. Т. 2. История / С.Н. Азбелев, Ю.В. Селезнев, А.В. Шеков. Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2007. С. 327 – 350.
22. Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле» // Труды ГИМ. Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. Вып. 150. С. 299 – 344.
23. Двуреченский О.В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Труды ГИМ. Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. Вып. 150. С. 209 – 226.
24. Двуреченский О.В. Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. М.: Квадрига, 2008.
25. Демидов С.И. История мемориализации Куликова поля // Куликово поле. Возрождение памяти. Вып. 3. Тула, 2000. С. 7 – 52.
26. Демидов С.И. Куликовская битва как образ исторической памяти // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула. Т. 2. С. 192 – 215.
27. Демидов С.И. Мемориализация объектов архитектуры Тульского края на уровне обыденного мифологического сознания // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / А.В. Кузьмин, Ю.В. Селезнев, А.В. Журавель и др; под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2002. С. 220 – 231.
28. Демидов С.И. Проблемы комплексного изучения природных и антропогенных памятников Куликова поля (историографический аспект) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 243 – 259.
29. Державина О.А. Куликовская битва в русской драматургии второй половины XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 247 – 257.
30. Державина О.А. Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). М, 1990.
31. Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №6 (361). История. Вып.63. С. 132 – 137.
32. Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К. Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома

- Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 280 – 291.
33. Дмитриева О.О. Региональный уровень празднования 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых на примере г. Чебоксары. // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». Вып. 7. №3. 2021. С. 217 – 223.
 34. Елизаветина Г.Г. Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционеров-демократов // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 234 – 246.
 35. Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 885 – 927.
 36. Зарецкая Д.М. Россия на всемирной выставке 1851 года // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 180-185.
 37. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII-первой трети XIX века. М., 2001.
 38. Иванова Ю.В., Цепляев С.Е. Экспозиции, мемориалы, памятные места Куликова поля (История. Современность. Перспективы) // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 195-215.
 39. Ивон Адольф / Почетные вольные общинники Императорской Академии художеств: краткий биографический справочник / авт.-сост. Н.С. Беляев; рец. Е.А. Плюснина. СПб., 2018.
 40. Исрапилова З.А. Роль комеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2006. №2 (64). С. 70 – 73.
 41. Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография. Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. (История истории. Шаг в XXI век [Т. I] / отв. ред. Серии З.А. Чеканцева, М.С. Петрова. М., 2019.
 42. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012.
 43. Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / А.В. Буганов, М.Г. Вандалковская, Л.А. Сидорова, А.Д. Соколова; отв. Ред. А.В. Буганов. Тула, 2012.
 44. Иткина Е.И., Кучкин В.А. Рукописный настенный лист с изображением Мамаева побоища // Куликовская битва в литературе и искусстве / отв. ред. А. Н. Робинсон. М., 1980. С. 168 – 170.

45. Карпова Е.В. Работа И.П. Мартоса над проектом памятника Дмитрию Донскому // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: сб. ст.: в 2-х т. Тула, 2007. Т. 2. С. 261 – 274.
46. Касович А.А. Празднование юбилеев Грюнвальдской битвы в XX веке // Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. №2 (8). Июль-декабрь. С. 79 – 90.
47. Катагощина М.В. Антикварное дело в России XVIII – первой трети XX века. М., 2014.
48. Кузнецова Е.И. Тульская губернская ученая архивная комиссия: история создания, труды и основные направления деятельности. Тула, 2009.
49. Кузьмин А.В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV-первой половине XVI века // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / А.В. Кузьмин, Ю.В. Селезнев, А.В. Журавель и др.; под ре. А.Н. Наумова. Тула, 2002. С. 5 – 29.
50. Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. М., 2014.
51. Кузьмин А.В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой». Тула, 2001. С. 111-136.
52. Кулешов Ю.А., Наумов А.Н., Наумова Т.В. Следы великого сражения. Свод находок с поля Куликовской битвы. Тула, 2023.
53. Курмачева М.Д. Крепостной интеллигент о Куликовской битве // Вопросы истории. 1981. №1. С. 178 – 180.
54. Кусакин С.В. Храмы Куликова поля. Книга первая: Епифань, Монастырщино, Красный Холм, Себино. Изд. 2-е, испр. и доп. Тула, 2014.
55. Кюнтцель В.В. Потомки героев Куликовской битвы // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. Вып. 3. М., 1995. С. 80 – 87.
56. Лаврентьев А.В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М; СПб., 2013.
57. Леонтьева О.Б. Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 844 – 884.

58. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 636 – 681.
59. Леонтьева О.Б., Репина Л.П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография. Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М., 2019. С. 274 – 317.
60. Легкий Д.М. Дмитрий Васильевич Стасов // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 54-73.
61. Логунова Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т.11. №1-2. С. 227 – 253.
62. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.
63. Лубский А.В. Нарратив исторический // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 316.
64. Майер А.С. Время, события, герои в исторической памяти (на материале московских городских легенд) // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 762 – 790.
65. Мелихов М.В. Памятники куликовского цикла: взаимодействие устной и письменной традиции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2003. Вып. 10. С. 267 – 281.
66. Наумов А.Н. Куликово поле в XII-XX вв. Историко-географические очерки. Тула, 2017.
67. Наумов А.Н. Основные этапы изучения и мемориализации Куликова поля и сражения 1380 г. // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. М.; Тула, 2000. С. 15 – 26.
68. Наумов А.Н., Наумова Т.В. Находки с Куликова поля XIX – 30-х гг. XX вв.: их состав, обстоятельства обнаружения и владельцы // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 148 – 180.
69. Наумова Т.Н. Истоки тульской археологии. История изучения археологических памятников Тульского края (1760-1930-е годы). Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2019.
70. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Пер с. фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.
71. Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа: Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны: сборник статей. Оренбург, 2021. С. 237 – 241.
72. Павленко О.В. Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX-XX вв. // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. 2014. С. 245 – 274.

73. Петров А.В. Мамаево побоище. Гордость и предубеждения исторической памяти // Родина. 2005. № 19. С. 67 – 73.
74. Пешехонов И.В., Бурцев И.Г. Дмитрий Донской в народных преданиях жителей Куликова поля и соседних регионов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой». Тула, 2001. С. 193 – 198.
75. Пивоварчик С.А. Историко-культурное наследие и коммеморативные практики в формировании исторической памяти молодежи // Современная молодежь и общество: сб. науч. Ст. Вып. 10. Минск, 2022. С. 79 – 83.
76. Поршнева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Вып. 4. Екатеринбург, 2005. С. 112 – 119.
77. Присенко Г.П. Проникновение в былое. Тула, 1984.
78. Присенко Г.П. Тульская археография XIX-начала XXI веков (обзор публикаций источников по истории Тульского края XIV-XX веков). Тула, 2014.
79. Путилов Б.Н. Куликовская битва в фольклоре // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. Н. А. Казакова. Т. 17. М.; Л., 1961.
80. Пушкарев Л.Н. К вопросу об отражении Куликовской битвы в русском фольклоре // Куликовская битва. Сборник статей. М., 1980. С. 265 – 274.
81. Пушкарев Л.Н., Сидорова Л.П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке XIX-начала XX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 129 – 153.
82. Рагозина Т.Э. Культурная память Versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. №3 (15). С.12 – 21.
83. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
84. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.
85. Репина Л.П. Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 9 – 24.
86. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Князь Владимир Великий как национальный герой: создание образа // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 150 – 164.

87. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. «Куликовский плен»: образ Дмитрия Донского в национальной исторической памяти // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 4. С. 1149 – 1163.
88. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // *Вестник СПбГУ*. 2014. №2. С. 208 – 251.
89. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Средневековые герои и события отечественной истории в сетевых ресурсах // *Историческая экспертиза*. 2018. № 1. С. 41-58.
90. Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность*. №21. М., 2007. С. 106 – 118.
91. Румянцева М.Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // *Диалог со временем*. 2019. Вып. 67. С. 41 – 54.
92. Русский рисованный лубок. М., 1992.
93. С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Москва-Брянск, 1995.
94. Самарцева Е.И. Историческая память в диалоге материальной и духовной культур (на примере Тульского государственного музея оружия) // *История. Историки. Источники*. 2022. №4. С. 56 – 68.
95. Самарцева Е.И. Некоторые особенности развития русского исторического сознания // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. С. 24 – 25.
96. Сафронова Ю.А. Третья волна Memory studies: двадцать три года против шерсти // *Политическая наука*. 2018. №3. С. 12 – 27.
97. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2013.
98. Сенявская Е.С. «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти: вопросы теории и методологии // *Опыт мировых войн в истории России*. Челябинск, 2007. С. 318 – 329.
99. Соклаков А.Ю. Генеалогия рода Степана Дмитриевича Нечаева – первого исследователя Куликовской битвы // *Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой»*. Тула, 2001. С. 204 – 213.
100. Соклаков А.Ю. К вопросу о поиске данных по генеалогии людей, связанных с территории Куликова поля. Родословие дворян Нечаевых // *Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / А.В. Кузьмин, Ю.В. Селезнев, А.В. Журавель и др; под ред. А.Н. Наумова*. Тула, 2002. С. 142 – 173.

101. Сокол К.Г. Монументы империи. М., 2001.
102. Сосницкий Д.А. Юбилей допетровской Руси в императорской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1226 – 1239.
103. Степанцевич Т.В. Трансформация практик коммеморации Великой Отечественной войны в современной России // Вестник гуманитарного образования. 2021. №1. С. 119 – 123.
104. Тематико-экспозиционный план юбилейной выставки государственного ордена Ленина исторического музея «600 лет Куликовской битвы» // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 278-308.
105. Тишков В.А. Введение. Междисциплинарный взгляд на историческую память и идентичность // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 5 – 11.
106. Троицкий В.Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков 10-30-х годов XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 217 – 233.
107. Федотова М.С. Севастопольская оборона 1853-1856 гг. в пространстве памяти // Россия XXI. 2012. С. 84 – 107.
108. Фехнер М.В. Находки на Куликовом поле. К вопросу о месте битвы 1380 года // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990. С. 72 – 78.
109. Филюшкин А.И. «Куликовский цикл»: опыт герменевтического исследования // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: труды научно-практической конференции. Тула, 2000. С. 172–186.
110. Фролова Л.П. Роль тульской либеральной оппозиции в праздновании 500-летия Куликовской битвы // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX вв. Рязань, 1984.
111. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Е. Зенкина. М., 2007.
112. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
113. Хмелевская Ю.Ю. Введение: О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004.
114. Хорошкевич А.Л. Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. Сб. ст. Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула, 2001. С. 63 – 78.

115. Хоруженко О.И. Родословие как конструкция родовой памяти текстология родословных росписей князей Волконских XVI-XVII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 203 – 234.
116. Хоруженко О.И. Родословные росписи в изучении родовой памяти // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 102 – 119.
117. Хут Л.Р. История в цифровую эпоху: российские историки в условиях дигитализации исторического знания // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М., 2019. С. 127-158.
118. Цимбаев К.Н. Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 70 – 79.
119. Чугунова Н.В. Дмитрий Донской в советской исторической науке 1930 – 1-й половины 1940-х годов: от рядового феодала до национального героя // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой». Тула, 2001. С. 199 – 203.
120. Шебанова А.В. Святой Александр Невский в русской исторической и церковно-монументальной живописи XIX-XXI веков // Ледовое побоище в зеркале эпохи: сборник научных работ, посвященный 770-летию битвы на Чудском озере / отв. Ред. М.Б. Бессуднова. Липецк, 2013. С. 264 – 270.
121. Шелегина О.Н. Коммеморативные практики в музеях локальной истории Сибирского региона // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии Наук. 2020. №3(39). С. 74 – 82.
122. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263-2000). М., 2007.
123. Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. I. Тула, 1899.
124. Яворницкий Д.И. Первый Екатеринославский губернатор // Исторический вестник. 1887. Т. XXVIII. №1. С. 630 – 638.

6. Авторефераты

125. Божченко О.А. Музей в формировании исторической памяти.: автореф. дис. канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2012. 24 с.
126. Володина Т.А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII – конец XIX вв.): автореф. дис. докт. ист. наук.: 07.00.00. М., 2004. 44 с.
127. Дмитриева О.О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX-начало XX века): автореф. канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2019. 23 с.

128. Рубин В.А. Военно-мемориальное наследие как ресурс российской культурной политики: теория, история, практика: автореф. докт культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2021. 40 с.
129. Федорова Н.Г. Школьный учебник по истории средних веков в дискурсивном пространстве российского общества вторая четверть XIX-начало XX вв.): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2008. 28 с.

7.Диссертации

130. Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904-2000-е гг.: дис. канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2013. 248 с.
131. Буслаев А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2010. 305 с.
132. Волков Е.В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: дис. докт. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2009. 608 с.
133. Красильникова Е.И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.): дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2016. 554 с.
134. Наумова Т.В. История изучения археологических памятников тульского края (1760-е – 1930-е гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2016. 401 с.
135. Федотова М. С. Севастопольская оборона (1854-1855 гг.) в культурной памяти дореволюционной России: дис. канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2010. 316 с.

8.Иностранная литература

136. Confino A. Memory and the History of Mentalities // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook, 2008. P.77 – 84.
137. Isoaho M. The image of Aleksandr Nevskiy in medieval Russia: Warrior and Saint. BRILL, Leiden-Boston, 2006.
138. Parppei K. The Battle of Kulikovo Refought: "The First National Feat". BRILL, 2017.
139. Parppei K. Image studies in examining shared perceptions of the past: two Russian cases // Петербургские славянские и балканские исследования. 2019. №2 (26). С. 15 – 36.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Отрывок из издания Ф. Покровского «Дмитрий Иоаннович Донской»

«Русская История весьма богата знаменитыми происшествиями. Между оными достопамятнейшей эпохой почитать должно Куликовскую битву или совершенное поражение Татар на Куликовом поле, при реках Доне и Непрядве. Великий Князь Дмитрий Иоаннович, прозванный по тому Донским, истребив многочисленнейшие Орды Мамаевы, своим потомкам показал собою пример и даже самый способ, каким образом Россия может освободиться от постыдного и тягостного Владычества Татар, которого потом чрез долгое время была видима одна только тень на Русском горизонте. В предлагаемой здесь книге подробно описано сие происшествие. Оно весьма важно для всех русских, а особливо для жителей Тульской Губернии: потому что зародыш Возрождения России развернулся на их полях и посечение углубленных корней татарской тираннии в их же пределах восприяло свое начало. Донской победитель Татар до сих пор (почти через четыре века с половиною) живет и всегда будет жить в памяти Русского народа. Его княжение составляет начало Свободы России. Если б не было на Великокняжеском Престоле Иоанна Даниловича Калиты, Симеона Иоанновича Гордого и сего Дмитрия Иоанновича Донского, то бы не было Царя Грозного Иоанна Васильевича, который совершенно стер главы Гидры Татарской, владычествовавшей еще в Казани и Астрахани.

Великие дела достойны вечных памятников: они питают кроткие души старцев, возвышают пылкий дух юношей и вообще воспаляют любовь к Отечеству. Великие подвиги Великого Князя Московского Дмитрия Иоанновича, на Куликовом Поле оказанные, достойны Колоссального Памятника, который со временем Благодарность Русского Народа соорудит в здешнем краю с благоговейным к нему чувствованием. Старцы с юношами позднейших веков притекут в нему, будут благословлять имя его и рекут: сей Памятник сооружен Дмитрию Иоанновичу Донскому от признательного потомства за поражение Мамаю на Куликовом Поле и за свободу Русского народа» (Обращение к читателю, С. 5-6).

«...Кто не познает в древнем Дмитрии мудрого Александра, Руского Отца-Монарха; в древнем неистовом Мамае, нынешнего кичливого Наполеона и в диких Ордах Татарских, нынешних просвещенных Французов? (С. 2-3).

Примечания к Повествованию о Великом Князе Московском...

1. Княжение Великого Князя Дмитрия Иоанновича Донского на Московском Престоле весьма достопамятно в Российской Истории преимущественно по двум важным причинам: первое, что он соединил почти всех Князей русских, всегда между собою враждебных, дружественным собором против Мамаю, сильнейшего Хана Волжской Орды, поразил его при Доне на Куликовом Поле в кровепролитнейшем, какие токмо были на Земле, сражении, и хотя во вторых чрез оное весьма ослабил Россию, но тем проложил путь своим Потомкам к совершенному низложению Татарского мга и показал даже способ к учинению оного. Память о Великом Князе Дмитрии Иоанновиче, о Мамае и его Побоище в здешних странах до сих пор сохраняется в Народных Преданиях. Подвиги, оказанные им, не менее заслуживают благодарности от Отечества, как подвиги Минина и Князя Пожарского, если о сем прилежно размыслим и сравним обстоятельства обоих времен. Все сие подало мне случай к сочинению сего Повествования и тем еще более, что я несколько раз был на самом месте сей ужасной битвы...» (Дмитрий Иоаннович Донской, Великий Князь Московский, Историческое Повествование, сочиненное Феофилактом Покровским. Тула, 1823. С. 245-246).

Куликовская битва. Инок Пересвет выезжает на единоборство с татарским богатырем Телебегом (8 сентября 1380 г.)

Иллюстрация из журнала «Нива»

Святой Сергий благословляет Великого Князя Дмитрия Иоанновича Донского перед Куликовской битвой. А.Н. Новооскольцев

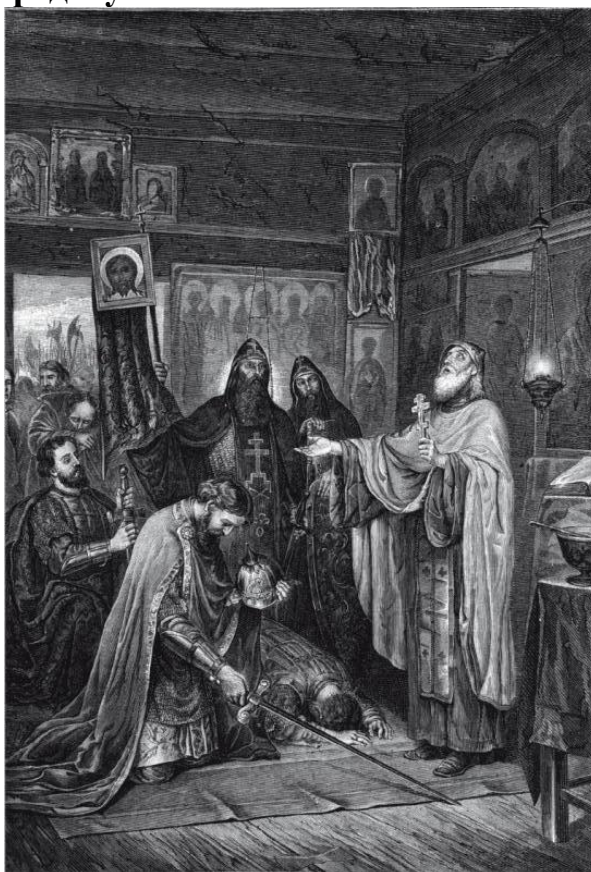

Иллюстрация из журнала «Нива». Также опубликована в издании «К трехсотлетию царствования Дома Романовых. Альбом портретов и снимков с исторических картин в Зимнем и Царскомесельском дворцах в Музее императора Александра III, Оружейной палате, Третьяковской галерее и пр.» Париж, СПб., 1913. Илл. 27.

**Гравюра Н.Е. Малышева «500-летний юбилей Куликовской битвы.
Молебствие у памятника». 1880 г.**

Русский воин XIV столетия. Иллюстрация из журнала «Нива»

Миниатюра, изображающая князя Дмитрия Ивановича, опубликованная в учебном издании А.Д. Нечволодова

388. „И се вначу въ той часъ пристъ борзодоу съ посланиемъ отъ Святого глаголюща:
„Безъ всякаго сомнѣнiя Господина со дворянскими людьми противу свирльства ихъ“...
Изъ Житiя Преподобнаго Сергiя Троицко-Сергiевской Лавры.

Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле. Ч. 2: От разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Дмитрия Иоанновича Донского. – 3-е изд. СПб.,1913. С. 441.

Куликовская битва. Рисунок М.В. Васнецова

396. Куликовская битва.

Рисунокъ М. В. Васнецова.

Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле. Ч. 2: От разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Дмитрия Иоанновича Донского. – 3-е изд. СПб.,1913.

Великий князь Дмитрий Иоаннович молится о ниспослании победы перед началом Куликовской битвы. Рисунок В.П. Верещагина

394. Великий князь Дмитрий Иоанновичъ молится о ниспосланиі победы передъ началомъ Куликовской битвы.

Рисунокъ В. П. Верещагина.

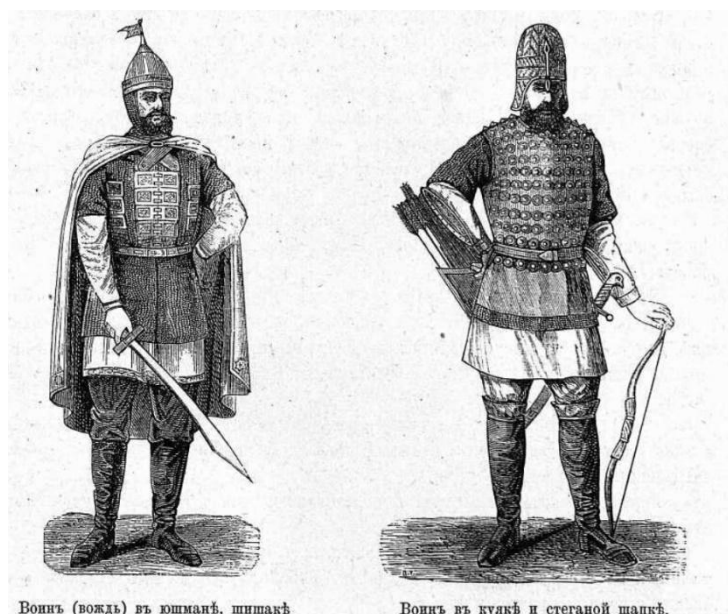
Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле. Ч. 2: От разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Дмитрия Иоанновича Донского. – 3-е изд. СПб.,1913. С. 446

Русский воин XIV века на разведке. Рисунок Н.Каразина

Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле. Ч. 2: От разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Дмитрия Иоанновича Донского. – 3-е изд. СПб., 1913. С. 434.

Рисунки воинов Куликовской битвы: воин (вождь) в юшмане, шишаке;
воин в куйяке и стеганой шапке

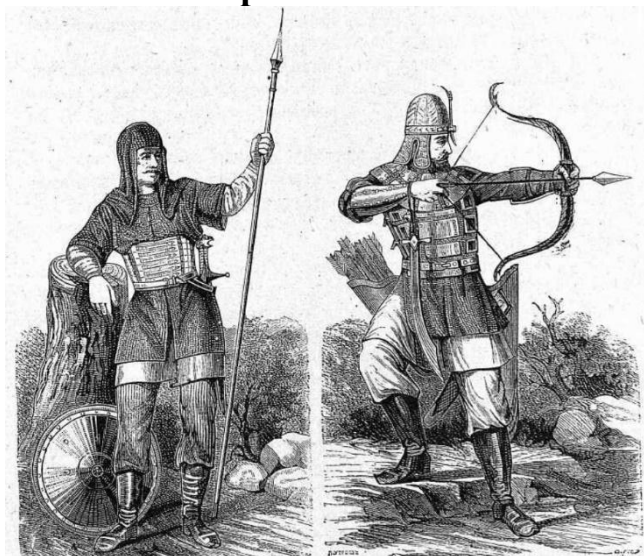

Воинъ (вождь) въ юшманѣ, шишаке

Воинъ въ куйяке и стеганой шапке.

Сиповский В. Д. Родная старина: отечественная история в рассказах и картинах. – 3-е изд. – СПб.: изд. Д. Д. Полубояринова, 1887-1896. – 3. Т. С. 221.

Рисунки воинов Куликовской битвы: ратник в юшмане и мисюрке, воин в колонтаре и стеганой шапке

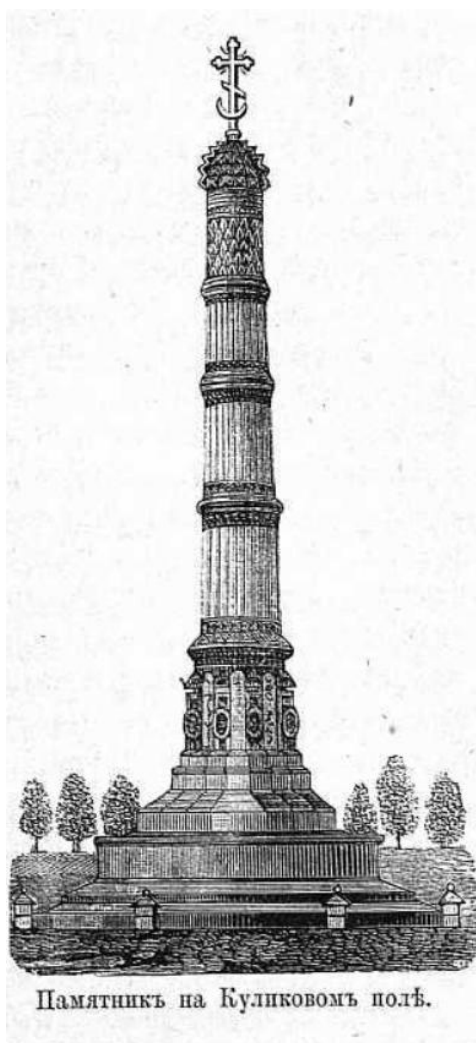
Сиповский В. Д. Родная старина: отечественная история в рассказах и картинах. – 3-е изд. – СПб.: изд. Д. Д. Полубояринова, 1887-1896. – 3. Т. С.

Ратник в бахтерце и в шишаке с еловцем

Сиповский В. Д. Родная старина: отечественная история в рассказах и картинах. – 3-е изд. – СПб.: изд. Д. Д. Полубояринова, 1887-1896. – 3. Т. С. 223.

Рисунок памятника на Куликовом поле

Сиповский В. Д. Родная старина: отечественная история в рассказах и картинах. – 3-е изд. – СПб.: изд. Д. Д. Полубояринова, 1887-1896. – 3. Т. С. 231.

Празднование 500-летнего юбилея Куликовской битвы в Коломне

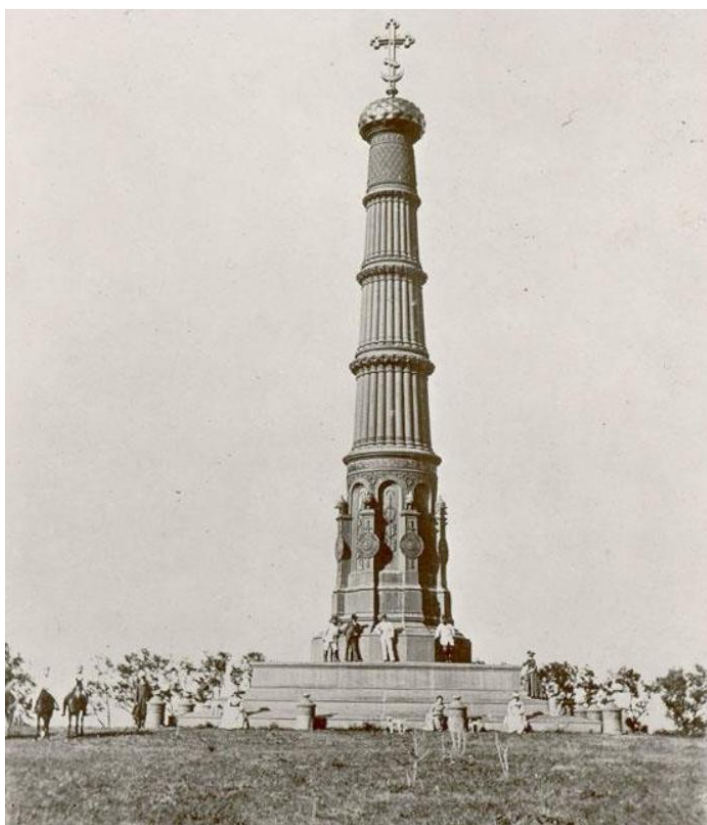
Фотография из фондов ГМЗ «Куликово поле»

Праздничные гулянья у памятника Дмитрию Донскому на Красном Холме в день закладки храма Сергия Радонежского 16 июня 1913 года

Фотография из фондов ГМЗ «Куликово поле» (из журнала «Искра» 1913. №25 с. 194)

Глебовы, Толстые и Олсуфьевы у памятника на Куликовом поле

Фотография из фондов ГМЗ «Куликово поле»

Крест-энколпион в серебряной оправе, найденный на Куликовом поле

Фотография из фондов ГМЗ «Куликово поле»

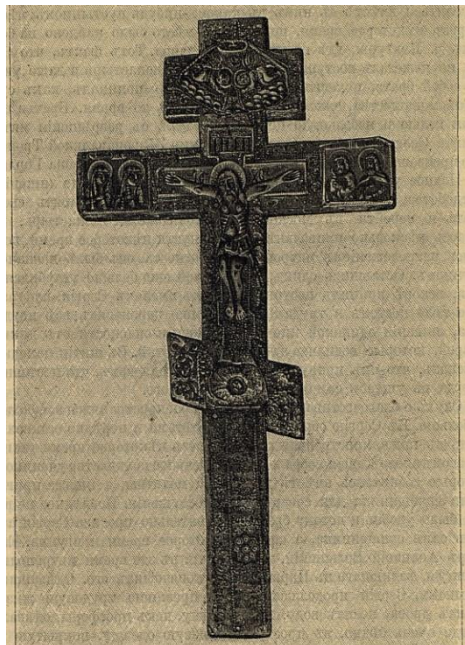
Оборотная сторона серебряной оправы креста-энколпиона с надписью на французском языке «Крест найден на Куликовом поле, где московский князь Дмитрий разбил татар в 1380 г.»

Фотография из фондов ГМЗ «Куликово поле»

Приложение 19

«Крест, которым св. Сергей благословил великого князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой». Иллюстрация из журнала «Исторический вестник»

Исторический вестник. 1891. Т. XLV. С. 641.

Приложение 20

Постановка «Дмитрий Донской» В.А. Озерова в театре им. В.Ф. Комиссаржевской. 1914 год

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2723. Оп. 1. Д. 594. Л. 1.